

Ольга Ярошинская

Ловец душ и навья невеста

Девушку, ждущую на пороге, можно было принять за навь: белая кожа, синие глаза, волосы темные и блестят даже в неверном свете фонарей. Но ступенька, на которой стояла гостья, была оббита железом, а козырек над крыльцом сделан из красного дуба, которого боятся даже высшие навки. Так что Рихард перестал пялиться на незнакомку через смотровое окошко и открыл дверь.

— Доброе утро, — сказала девушка.

Рихард выразительно поднял бровь и, выглянув за порог, демонстративно посмотрел на небо. Звезд не было видно. Может, их и вовсе нет над этим проклятым городом. Под фонарем ждал экипаж с потертым гербом на двери. Лошадь вздыхала и переступала копытами по брусчатке, подернутой дымкой тумана, а кучер раскуривал трубку.

— Позвольте войти?

Рихард все так же молча посторонился, пропуская гостью в дом.

Каблучки ботинок отмерили несколько звонких шагов по каменному полу. Рихард закрыл дверь, по привычке попытался сунуть руки в карманы штанов и понял, что он в трусах. Сдернув с вешалки пальто, натянул его на голое тело. Девушка, повернувшись к нему спиной, рассматривала гостиную.

Клиентка? Возможно. Явно в трауре. На ее шляпке колыхалось черное перо, покрытое мелкими каплями влаги, черные перчатки обтягивали узкие кисти рук. Девушка расстегнула верхние пуговицы серого плаща, но не стала его снимать. Она с любопытством рассмотрела обстановку, вертя головой. Перо на шляпке моталось туда-сюда, как хвост дружелюбной собаки.

На продажную не похожа. А если и так, вряд ли у Рихарда хватит на нее денег, даже если вытряхнуть весь неприкосновенный запас. Длинную шею незнакомки обвивала жемчужная нить, прячущаяся под плащ, крупные жемчужины покачивались на серебряных нитях под мочками ушей. Ботинки на тонких каблуках были из хорошей мягкой кожи. Девушка, не дожидаясь позволения, присела на край дивана и поставила рядом с собой сумочку, блеснувшую серебряной застежкой в форме цветка.

Может, она из тех фанатичных поклонниц ловцов, которые предлагают себя в качестве благодарности за их доблестный труд? Рихард слегка ухмыльнулся, поправил воротник пальто, кусающий шею, и приосанился.

Девушка окинула его оценивающим взглядом с головы до пят, и Рихард невольно почувствовал себя идиотом, стоя перед ней в трусах и пальто.

— Вам нужна экономка, — сказала она.

— Нужна? — тупо переспросил он.

— Вы писали об этом аббатисе Августине из Кloverхолма.

— Верно.

Форель и кувшинка — герб на двери экипажа, доставившего гостью. Такие же изогнутые рыбешки и цветы, похожие на раздутые короны, есть на воротах аббатства. Рихард нахмурился и, подтянув к себе стул, сел. Запахнул полы пальто, чтобы прикрыть голые бедра.

— Экономка и секретарь, — сказала девушка, вздернув подбородок с миленькой ямочкой посередине. — В обязанности, полагаю, входит следить за домом, принимать клиентов, когда вы на деле или отдыхаете, и вести бухгалтерские записи. Я с этим справлюсь.

— Тридцать шендеров в месяц, — сказал Рихард. В происходящем прослеживался явный диссонанс. Эта девушка не была экономкой. Одна застежка на ее сумочке стоит больше тридцатки.

— Меня устраивает, — кивнула она.

— Вообще-то это я беру вас на работу, — напомнил он.

— Хотите что-то уточнить? Проверить мои способности? Получить рекомендации? Аббатиса передала вам письмо, — она расстегнула сумочку, вынула оттуда конверт и протянула его Рихарду.

Он мельком взглянул на знакомый почерк — ровный, четкий, с легким наклоном влево — и снова посмотрел на гостью. Она не опустила ресницы, и Рихард невольно нахмурился. Обычно люди страшатся встретиться с ним взглядом лишней раз. Но незнакомка смотрела прямо на него с каким-то отчаянным вызовом.

У кандидатки, которая приходила вчера, он спрашивал — умеет ли та читать и писать. Задавать этот вопрос девушке, сидящей на его продавленном диване, казалось кощунством.

— Как вас зовут?

— Карна.

— И все? Просто Карна?

— Да. Мне называть вас Рихард?

— Можно Харди. Как вам угодно.

Он откинулся на спинку стула, рассматривая девушку. Скорее всего, ей двадцать с небольшим, но держит себя как взрослая дама, и одежда вдовы добавляет лет. Тонкие черты, на подбородке ямочка. Фигура хорошая — видно и под плащом. Над правой бровью родинка. Слева вдоль лица спиралью закручивается темная прядь, покрытая моросью тумана, словно бриллиантовой пылью.

В его гостиной Карна выглядела так же уместно, как лебедь в курятнике.

Рихард постучал письмом по раскрытой ладони.

— Совместное проживание.

— Не слишком совместное, я полагаю, — уточнила она, и уголок ее губ, слегка подведенных розовой помадой, дернулся вниз.

— Разумеется, — кивнул Рихард. — Когда вы можете приступить?

— Завтра, — ответила она. — Вернее, уже сегодня. Сейчас. По правде сказать, мои вещи в экипаже.

— Я все же спрошу, — сказал он. — Зачем вам это?

Она опустила ресницы, расправила несуществующие складки на юбке, доходящей до тонких щиколоток. Бледные скулы слегка порозовели. Рихард скрестил руки на груди, выжидая ответа. Ему всегда нравилось наблюдать, как люди лгут. И, надо признать, Карна врала талантливо и вдохновенно: когда она подняла на него глаза, те были чисты, как горные озера.

— Я считаю, то, что вы делаете — благородно и самоотверженно. Ловцы душ — люди исключительной смелости, честности и душевной силы. И если я могу хоть что-то сделать для вас, внести посильный вклад...

Она все же отвела взгляд. Никто не хочет смотреть ловцу в глаза слишком долго. Даже дерзкая девчонка, заявившаяся среди ночи.

— Ладно, я уловил вашу мысль, — перебил ее Рихард, и она едва заметно выдохнула. Он поправил съезжающую полу пальто и поднялся. — Вы умеете готовить, Карна?

— Я вас удивлю, — пообещала она.

— У меня и так глаза на лоб лезут, — признался он.

Карна встала, протянула ему руку, и он, сунув конверт в карман пальто, легонько пожал ее пальцы, ощутив под прохладным шелком перчатки тепло кожи.

— Уверена, мы сработаемся, — она вежливо улыбнулась, пряча глаза под густыми ресницами.

— Погодите, — сказал он, задержав ее руку в своей. — Аббатиса ведь предупредила вас. Мне нужно кое-что еще.

— Да, — подтвердила Карна, все так же глядя в сторону. — Она сказала, вы захотите смотреть мне в глаза, иногда. Что вы сталкиваетесь со злом, и вам нужен свет, чтобы восстановить баланс. Поэтому вы обратились к ней, надеясь, что она подберет благочестивую женщину. Аббатиса посчитала, что я как раз такая.

Последние слова прозвучали с вызовом.

— Ловцы душ смотрят за грань, разделяющую мир живого и мертвого, — пояснил Рихард, не выпуская шелковую женскую ладонь. — По долгу службы я слишком часто смотрю во тьму. Чтобы вернуть равновесие мне иногда надо видеть живую светлую душу. Что-то вроде якоря, перевеса. Чтобы однажды меня не затянуло на ту сторону грани.

Темные брови девушки нахмурились.

— Выходит, я должна стать таким якорем?

— Верно, — кивнул Рихард и, погладив большим пальцем теплую кожу на запястье — там, где перчатка заканчивалась, нашел пульс.

— Говорят, ловец может украсть душу одним взглядом, — сказала Карна, но руку не отняла. Похоже, ей действительно нужна эта работа.

— Врут, — вздохнул он.

— Почему тогда ловцов боятся?

— Я могу увидеть воспоминания человека, — пояснил Рихард. — И он тоже увидит их снова. Но будто со стороны, объективно.

— И что в этом страшного? — она все еще не понимала.

— Допустим, человек гордится, что дал отпор родителям, а я вижу, что он нагрубил старенькой матери. Или он верит, что девушка его безумно любит, а я вижу равнодушие или хуже того — отвращение на ее лице. Или он считает себя кем-то важным и не замечает, что над ним потешаются, зато это вижу я. Понимаете?

Карна неуверенно кивнула.

— Я вижу человека, его душу, и человек тоже смотрит на себя со стороны, без прикрас. Для некоторых это невыносимо.

Она сглотнула, быстро облизнула губы.

— Ладно. Давайте попробуем.

Карна решительно шагнула к нему, и пульс под его пальцем забился быстрее. Рихард осторожно положил ладонь девушке на поясницу, привлекая к себе еще ближе. Узкая кисть, затянута в шелк, быстро легла ему на грудь, удерживая на дистанции. Прохладное касание, но отчего-то обожгло.

Рихард приподнял ее подбородок, склонился ниже.

— Вы ведь не собираетесь меня целовать? — прошептала она ему в губы. Теплое дыхание с оттенком мяты проникло в его рот.

— Нет, — так же шепотом сказал он. — А вы были бы не против?

— Никаких поцелуев, — строго ответила Карна, и Рихард слегка улыбнулся.

— В первый раз вы, возможно, почувствуете некоторый дискомфорт, — нарочито скучным тоном добавил он. — Будет немного больно. Обещаю, что не стану входить слишком глубоко.

— Вы просто посмотрите мне в глаза, ведь так? — настороженно уточнила она.

— Да. Взгляните же на меня.

Карна выдохнула и подняла ресницы.

Глаза в глаза.

Словно прыгнуть в озеро с разбегу. Синяя прохлада затянула, закружила в водовороте, обдала светом.

Страх, недоверие, любопытство.

Немного глубже...

Горе, такое острое, что печет нестерпимо. Рихард тихо зашипел, втянув воздух сквозь сжатые зубы, отпустил...

Карна закрыла глаза, окончательно обрывая контакт, из-под густых ресниц потекли быстрые слезы, пробежали дорожками по бледным щекам. Помешкав, Рихард аккуратно стер их пальцами, и снова чуть не зашипел — такой невыносимо нежной оказалась ее кожа. Карна часто дышала, все так же стоя вплотную к нему. После, словно опомнившись, шагнула назад, и он с легким сожалением выпустил ее из объятий.

— Что вы увидели? — спросила она, отвернувшись, чтобы взять сумочку — или скрыть эмоции, и голос ее прозвучал надтреснутым стеклом.

— Я не разглядывал ваши воспоминания, — сказал Рихард. — Обещал ведь — не глубоко.

— Я подхожу? — уточнила Карна, все так же стоя к нему спиной. Вынув из сумки платок, промокнула глаза. — Во мне есть то, что вам надо?

Рихард медленно кивнул. Опомившись, ответил:

— Вполне.

Кучер принес два объемистых чемодана и, поклонившись Карне, исчез, оставив после себя едкий запах табака. Рихард отнес вещи наверх и, помешкав мгновение, открыл дверь в собственную спальню. Наскоро перестелил постель, сгреб разбросанные по столу бумаги. Осмотрев все критическим взглядом, поднял с пола носок и спрятал его в карман пальто, на миг ощутив шероховатую поверхность конверта. Рихард знал аббатису много лет. Когда жизнь столкнула их впервые, Августина была обычной монахиней, а он — приютским оборванцем. С тех пор многое изменилось, но не чувства, которые он к ней испытывал: доверие и благодарность. Пожалуй, сейчас они только стали глубже, ведь девушка, присланная аббатисой, появилась очень кстати. По объявлению, размещенному в «Вечерней Рывне», приходили развязные бабенки, которых с удовольствием взяла бы к себе мамаша Роуз, но ему нужно было нечто иное...

Карна ждала внизу, сидя на диване и сложив ладони на коленях, как примерная ученица. Плащ она сняла и повесила на вешалку, и Рихард смог увидеть, что не ошибся, заранее оценив ее фигуру.

— Пойдемте, я покажу вашу спальню. Или, может, хотите чаю?

— Нет, благодарю, я устала с дороги.

Она последовала за ним по лестнице, стуча каблучками ботинок, и он запоздало подумал, что надо бы предложить ей тапочки. Но у него нет домашних женских туфель и никогда не было. И, наверное, понадобится куча других мелочей...

Карна замерла, лишь войдя в спальню, будто напорвшись на невидимую стену, обернулась, и глаза ее расширились от ужаса.

— Обстановка скудновата, — слегка стушевался Рихард. — Можно повесить на стены картины. Постелить коврик...

Она вытянула руку и молча указала на полку.

— Ах, это... — Рихард виновато улыбнулся. — Прошу прощения.

Он быстро вошел в комнату и снял с полки старый череп.

— Располагайтесь, — добавил он, прижимая череп подмышкой. Как он мог забыть о Гекторе? — Чувствуйте себя как дома. Ванная прямо по коридору.

— Спокойной ночи, — сказала Карна, сглотнув.

Она подождала, пока Рихард выйдет, вежливо улыбнулась и закрыла за ним дверь. Послышалась какая-то возня, затем щелкнул шпингалет. Рихард криво усмехнулся.

Что же привело к нему такую даму? Он мог бы порыться в ее воспоминаниях, но ему не удастся сделать это незаметно. Никак. И Карна будет знать, что он ищет. А это... неэтично.

Сбежав по ступенькам лестницы, Рихард поставил Гектора на столик и, вынув из кармана плотный конверт, надорвал его.

Письмо аббатисы оказалось на удивление лаконичным: сухое приветствие, надежда на благополучие в делах, сетование на раннюю осень...

«Письмо вручит девушка, которая, я уверена, станет идеальной помощницей ловца и удачно разрешит возникшую у тебя проблему.»

С наилучшими пожеланиями,

Августина.

Ты ей очень нужен, Харди»

Рихард уставился на последнее предложение. Оно выбивалось из прочих обтекаемых фраз, и даже наклон почерка влево был сильнее. Словно аббатиса писала под чьим-то внимательным взглядом, поставила точку, а потом, воспользовавшись какой-то уловкой, дописала несколько слов перед тем, как спрятать листок в конверт и запечатать. Рыбка на восковом оттиске получилась узкой, как серп молодого месяца.

Он перечитал все письмо еще раз и спрятал его назад в карман пальто. В гостиной остался тонкий аромат духов, и Рихард глубоко вдохнул. Фиалки, свежесть моря и еще что-то неопределимое, личное... Он опустил на диван — туда, где сидела гостья. С этого места просматривалась и

обшарпанная лестница на второй этаж, и похабная картина с пышной бабенкой, которую подарил ему Уго. Из-за приоткрытой кухонной двери доносились не слишком аппетитные запахи жареного мяса и яичницы.

Карна явилась сюда неспроста, и он выяснит, что ею движет. После того, как он окунулся в ее глаза, голова слегка кружилась, словно после долгой прогулки по свежему воздуху.

Если бы он действительно был самоотверженным героем, или хотя бы честным малым, то правильнее было бы выставить Карну вон. Что бы ни привело ее к нему, дом ловца — не место для такой девушки.

Но он совсем не герой. И Августина считает, что он нужен Карне.

Завтра надо будет разобрать хлам во второй спальне, если ему, конечно, не удастся вернуться в собственную постель. Рихард вздохнул. Сейчас он устал и хотел спать, а не решать моральные дилеммы, и потому растянулся прямо здесь, на диване, укрывшись пальто.

Запах незнакомки сделался сильнее и проник в его сон, и Рихард снова увидел девушку с синими глазами и темными волосами. Она была в белом платье, слегка просвечивающем на солнце, розовые губы влажно блестели. Девушка смеялась и была совсем другой.

Карна оперлась спиной о дверь, едва находя в себе силы, чтобы не сползти на пол. Ее слегка потряхивало от впечатлений, кончики пальцев кололо, а зрение будто стало острее. Она видела нить паутинки, протянувшуюся между рожками лампы на потолке, могла разобрать цифры на листе бумаги, лежащем на столе у окна. Хотя в комнате, где Карне предстояло провести следующие несколько недель, взгляду особенно не за что было зацепиться. Строго, аскетично, пусто — вот как можно было охарактеризовать обстановку. Белые стены, темный дощатый пол, тюль без узора слегка колыхался. Карна быстро подошла к окну и закрыла его, задвинув шпингалет до упора.

Решеток не было. Если ловцу платят за уничтожение нави, то логично, что он от нее не отгораживается. Наверное, только рад будет, если работа пожалует к нему на дом. Внизу оказался маленький дворик, прямоугольник света ложился на вытопанную землю от окна гостиной.

Ловец спустился на первый этаж, она слышала его шаги по лестнице. Он оказался совсем другим, не таким, как она себе представляла. Помятый, уставший, такой нелепый в полосатых трусах и пальто, он был слишком человеческим. Уязвимым.

Рихард. Конечно, она узнала его имя заранее, как и многое другое.

В нем таилось и нечто опасное — в жестком лице, развитой мускулатуре, которую она невольно успела оценить, шетине, колючей даже на вид. Высокий — на полголовы выше нее, хотя она была на каблуках, а он босиком. Но он так трогательно поджимал пальцы ног, мерзнувшие от холодного пола, а его губы выглядели такими мягкими... Когда они оказались совсем близко, на какую-то долю секунды ей захотелось к ним прикоснуться... Темные волосы ловца ерошились, как вороньи перья на ветру, но сердце билось под ее ладонью совсем как человеческое.

Она заметила на груди Рихарда шрам — узкую бледную полосу, уходящую под пальто, а еще темные волоски. При первой же встрече умудрилась узнать тело работодателя лучше, чем тело своего мужа. Она ведь даже не знает, росли ли у Эдмона на груди волосы. Почему-то ей казалось, что его грудь была гладкой.

А глаза ловца такие черные, что не видно зрачков.

Дыхание ее невольно сбилось.

Это было так интимно: его близость, тихий голос, аккуратные, но уверенные прикосновения. Теперь это часть ее работы. Может, ей лишь почудилось что-то неприличное — у нее не так много опыта.

И когда он посмотрел ей в глаза, то действительно стало немного больно — не телу, душе. Под его взглядом она почувствовала себя совсем незащищенной, открытой, настоящей — без имени, титула, статуса вдовы и прочей шелухи.

Карна отвернулась от окна, наткнулась взглядом на широкую кровать — на такой могли бы уместиться двое. Открыла шкаф в углу и обнаружила ряд вешалок с черными рубашками и брюками. Рихард уступил ей свою спальню?

На пустой полке около изголовья кровати выделялся чистый овал — там, где стоял череп.

Она не могла и подумать, что когда-нибудь ей придется работать помощницей ловца. Впрочем, она

не предполагала, что ей вообще придется работать.

Карна подошла к кровати и, поколебавшись мгновение, заглянула под нее — пусто. Сев, стащила ботинки и с наслаждением пошевелила затекшими пальцами ног.

Аббатиса сказала, Рихард лучший. Что ж, у Карны на него свои планы.

Кто-то сел на него, и Рихард инстинктивно повернулся, быстро спихнув внезапную тяжесть с живота. А когда открыл глаза, увидел Грету, сидящую на полу. Она потерла ушибленную задницу и посмотрела на Рихарда укоризненно. Он так думал, что укоризненно — белые глаза служанки были для него непроницаемы, как стены женского монастыря. I

— Какого жмыха ты спишь в гостиной, Харди? — проворчала она, с кряхтением поднимаясь с пола.

— А какого жмыха ты на меня садишься? — угрюмо ответил он. — Я плачу тебе за уборку и готовку, а не за то, чтобы ты прохлаждалась тут, вытянув ноги на мой стол.

— Не дошел до спальни? Перебрал? — Ее ноздри дернулись. — Пахнет какой-то цветочной дрянью. Харди, не вздумай пить сомнительный алкоголь, иначе ослепнешь, как сапожник с Соломенной улицы. А нам хватит и одного слепого в доме — меня.

— Это духи.

— Ты был с женщиной вчера? — она с шумом втянула воздух и засипела: — Ох ты ж... Аж в носу защипало. Что за ядреные духи? Или это твои?

Грета незряче уставилась на Рихарда бельмами глаз. Ее русые волосы были затянуты в привычный пучок, лежащий на макушке неровной картофелиной. От дикой расцветки платья хотелось зажмуриться: мелкие алые бутоны на ядрено-зеленом фоне казались брызгами крови. Надо бы найти торговца, который так поиздевался над слепой женщиной, и объяснить ему, что он неправ...

— Я не пользуюсь духами, — буркнул он. Пальто сползло на пол, Рихард поднял его и положил на диван. К счастью, Грету невозможно смутить внешним видом. Один из ее немногочисленных плюсов.

Правая рука затекла, и спину слегка ломило, но Рихард чувствовал себя на удивление бодрым. Улица за окнами уже ожила: по брусчатке прогрохотали колеса экипажа, послышался звонкий голос разносчика газет. Свет из окна падал на вешалку в прихожей, и пуговицы на плаще Карны блестели как серебряные. Может, и в самом деле серебро? Многие богатеи обвешиваются им с ног до головы, надеясь защититься от нави. И серебро на самом деле может ее остановить. Ненадолго.

Рихард встал и подошел к плащу. Склонившись, понюхал, ощутив уже знакомый аромат. Взяв с полки крохотную черную шляпку, покрутил ее в руках. Перо пощекотало ему нос, и Рихард чихнул.

Грета пожала плечами и пошла на кухню.

— Прибери во второй спальне! — зычно крикнул он ей в спину.

— Не надо так орать, — назидательно произнесла служанка, остановившись в кухонных дверях. — Я слепая, а не глухая. Зачем тебе вторая спальня? Если решил привести в дом женщину, так и спице вместе. Еще не хватало мне дополнительное спальное белье стирать.

— Она не будет со мной спать, — ответил Рихард. — Наверное.

— Зачем тогда она тебе нужна? — любопытствовала Грета.

— Было бы неплохо, чтобы в этом доме был человек, при взгляде на которого посетители не сбегали бы прочь с воплями ужаса, — проворчал он.

— Ты считаешь меня страшной? — спросила Грета.

Она уставилась на него белыми глазами, в которых словно плескалось молоко.

— Нет, — честно ответил Рихард. — Но твои глаза многих пугают. Как и мои. И хорошо бы ты не начинала пророчествовать и предсказывать конец света через минуту после того, как клиенты переступают порог моего дома... или хотя бы перестала их проклинать... Ты знаешь, что тебя зовут Гретой-бормотухой?

— Бормотуха — это дешевое вино! — возмутилась Грета.

— И ты.

— Люди — грязь, — проворчала она, — весь мир катится во тьму. Мы все умрем, и после смерти не найдем покоя.

— Вот-вот, — кивнул Рихард, — именно об этом я и говорю. Карна будет секретарем и экономкой.

Станет принимать клиентов, вести бухгалтерские записи, составлять отчеты для гильдии...

Он хотел добавить про глаза, но запнулся. И одновременно понял, что ему не терпится посмотреть в глаза Карны снова, а заодно увидеть, как она выглядит при дневном свете, почувствовать ее дыхание на своих губах...

— Небось, шалава какая-то, — фыркнула Грета, возвращая его в реальность.

— Порядочная дама, — возразил Рихард с долей сожаления. — Видимо, вдова.

— Если она станет жить с ловцом в одном доме, от ее репутации даже лохмотьев не останется.

— Это уже не моя забота, — сердито произнес он. — И не твоя. Кстати, она уже живет в моем доме. В моей спальне, если точнее. Застели чистое белье в гостевой.

— Я требую прибавки, — заявила Грета. — Раз вас теперь будет двое.

— А я — уважения. И субординации. И чего-нибудь другого на завтрак и обед, кроме овсянки да чая.

— Ладно, останемся при своем, — проворчала Грета, скрывшись на кухне.

А Рихард, нахмурившись, подошел к дивану и натянул опостылевшее пальто. Вся его одежда в спальне. Там же, где и Карна. Спит в его постели, темные волосы разметались по подушке, одеяло сползло... Ее сорочка наверняка из шелка. Рихард покосился вниз и застегнул пальто на все пуговицы.

Наверху раздались легкие шаги, скрипнула дверь, потом в ванной комнате зашумела вода.

— Вот он, мой шанс, — пробормотал Рихард и взбежал по ступенькам.

Толкнув дверь, он осторожно заглянул в спальню, а потом быстро пошел к шкафу. Рубашки, брюки, ремень... Носки выпали из его рук, он наклонился, быстро поднял их и сунул в карман пальто. Трусы, майка, надо забрать все, чтобы не пришлось потом стучать и просить дозволения взять собственные вещи.

Он закрыл дверку шкафа, повернулся, и встретился взглядом с Карной, которая взвизгнула от неожиданности и выронила из рук щетку для волос. Ее халат был белоснежным и лишь едва прикрывал колени. То ли траур не распространяется на халаты, то ли она не успела купить черный.

— Что вы тут делаете? — воскликнула она.

— Простите, — сказал Рихард, вовсе не чувствуя себя виноватым. — Вы были в ванной, и я решил взять свои вещи. Надоело ходить в пальто.

Карна запахнула полы халата плотнее, скрестила руки на груди, которая часто вздымалась в такт дыханию, а Рихард порадовался, что застегнулся на все пуговицы, иначе неловкость ситуации могла стать еще больше. Утром его помощница выглядела даже лучше чем ночью: растрепанные волосы падали на плечи, на щеке виднелся след от подушки, и Карна казалась такой мягкой, домашней... Доступной.

— Вы не можете заходить в мою комнату без спроса, — отчеканила она.

— Вообще-то это моя комната, — возразил он, положил стопку вещей на стул и медленно подошел к Карне.

— Я так и поняла. Но вы предоставили ее мне, — она вздернула подбородок вверх.

Рихард еще раньше заметил у нее этот жест. Наверное, это должно выглядеть высокомерно. Осаживать зарвавшихся слуг. Ставить нахалов на место. Но она будто подставляла губы для поцелуя. Кто ее знает, может, так и есть?

— Потрудитесь соблюдать элементарные правила приличия, — сурово добавила она.

— То, что вы — здесь, — сказал Рихард, огладив взглядом длинную белую шею, — уже очень, очень неприлично.

— Вы уверяли, что совместное проживание не подразумевает ничего... — она запнулась, подбирая слова. — Такого! — выпалила наконец.

— Не помню, чтобы я хоть в чем-то вас уверял, — возразил он. К дурманящему запаху фиалок добавился аромат розового мыла. Карна шагнула назад и уперлась спиной в дверь. — Это вы свалились на меня как снег на голову, готовая на все, чтобы получить работу... Как вы там сказали?

То, что я делаю — благородно и самоотверженно. Вы хотели внести посильный вклад...

Ее дыхание отдавало мятой еще сильнее, чем ночью. Наверное, успела почистить зубы, а потом вернулась в комнату за какой-то забытой вещью... В синих глазах, устремленных на него, не нашлось ни капли страха.

— Да, я понимаю, что буду скомпрометирована, — спокойно ответила она. — Но общественное мнение теперь мало меня заботит. И я знаю о кодексе ловцов. Вы не обидите меня.

Он замер, посмотрел на ее губы, немного припухшие после сна.

— Кодекс ловцов?

— Аббатиса рассказала мне, — кивнула Карна. — Так что, если позволите, я пойду приму душ, а потом приступлю к своим обязанностям.

— Приступите к ним прямо сейчас, — прошептал Рихард, склоняясь к ней.

— Вы хотите снова посмотреть мне в глаза? — уточнила она.

— Ну... — неопределенно промычав, он положил руку ей на талию и мягко привлек к себе. Запустил вторую руку в ее волосы, пропустив шелковистые пряди между пальцами. Взгляд невольно опустился в вырез халата, где виднелся треугольник белой сорочки. Шелк. Так он и думал.

— Вам обязательно меня обнимать? — в ее голосе прозвенели взволнованные нотки, и Рихард провел пальцем по ее шее. Такая нежная кожа, голубая венка бьется под его пальцем, как пойманная птичка. — Зачем это? Проверяете пульс? Запястье уже не подходит?

— Вчера не хотел портить вам прическу, — пробормотал он. — Вам не нравится эта поза?

Карна слегка прищурила глаза, посмотрев на него с подозрением, и Рихард потянулся к ее губам.

— Нет, — отрезала она, когда их губы почти соприкоснулись. — Сначала я приму душ, оденусь, а потом мы с вами обсудим мои рабочие обязанности, распорядок трудового дня и прочие мелочи вроде обязательного стука в дверь и... поз.

Карна слегка оттолкнула его, вывернувшись из объятий и, обдав напоследок уничижительным взглядом, исчезла за дверями спальни.

Рихард разочарованно цыкнул, взял свои вещи и тоже вышел из спальни.

Когда Карна спустилась вниз, Рихард уже ждал ее, гладко выбритый и полностью одетый. Весь в черном, как на похоронах: мрачно, с налетом драматизма, но выглядел он куда лучше, чем в пальто на голое тело. Взгляд черных глаз прошелся по ней сверху донизу, задержавшись на высоком воротнике-стойке ее серой блузки, блокноте, который она сжимала в руке, и щиколотках. Потом ловец неопределенно хмыкнул, и Карна, стиснув пальцами перила, поняла, что злится. Он облапил ее дважды всего за несколько часов. Он пытался получить большее — теперь она была в этом уверена, несмотря на свой скудный опыт. И теперь сидит на своем потрепанном диванчике, вальяжно раздвинув колени, и ухмыляется непонятно чему.

В ванной, приводя себя в порядок, она продумала целую речь — метафоричную, изысканную, полную аллюзий к священным книгам, с помощью которой надеялась достучаться до сердца ловца и усюветить его. Так, чтобы он и думать не смел о ней в романтическом ключе! Но теперь вся ее речь улетучилась, как дым. С таким надо разговаривать четко и по делу.

Ловец слегка приподнял бровь, будто прочитав что-то в ее взгляде. Карна поспешно отвернулась и дернулась от неожиданности, увидев женщину, выходящую из кухни.

— Это Грета, — представил ее Рихард. — Моя служанка. Убирает, стирает, готовит — из рук вон плохо, надо сказать, и мелет языком.

— Она красotka, да? — спросила служанка, уставившись на Карну белыми глазами. Если бы не они, Грета и сама была бы довольно привлекательной: правильные черты лица, чистая кожа. Так и не поймешь, сколько ей лет. Около тридцати, а может, все сорок... Но рассматривать ее не хотелось — жутковатые глаза отпугивали.

— Красotka, — подтвердил Рихард. — Как ты поняла?

— По интонациям твоего голоса. Когда тебе нравится женщина, ты начинаешь ворковать, как голубь по весне. Как тебя зовут, милочка?

— Карна, — она спустилась по ступенькам к женщине, не зная толком, как себя вести.

Грета слегка раздувала ноздри, будто принюхиваясь.

— Пахнет горем, — вынесла она вердикт. — И навью. У тебя кто-то умер недавно?

— Я не хочу об этом говорить, — слегка опешила Карна. — Я предпочла бы обсудить мои обязанности. Похоже, мы несколько расходимся в их определении. Чтобы расставить все точки над «и», давайте проясним сразу: я не стану вступать с вами в интимные отношения.

— Да бог с тобой, — возмутилась Грета. — Я и не думала...

— Не с вами, — поморщилась Карна. — С ним.

Служанка хмыкнула, села рядом с Рихардом, точно ожидая продолжения. Карна заметила на столике череп, который сверлил ее пустыми глазницами. Пospешно перевела взгляд — и наткнулась на подозрительное пятно на полосатых обоях, посмотрела в окно — и отсутствие решеток снова бросилось ей в глаза. Букет цветов смотрелся бы на столике куда лучше черепа. Пятно можно закрыть картиной, каким-нибудь городским пейзажем. А на окнах, если уж ловец оставил их без решеток, хотя бы поменять занавески: этот оттенок зеленого уныл до зубовного скрежета.

— Грета, может, займешься уборкой? — с нажимом произнес ловец.

— Нет, спасибо, — вежливо ответила служанка.

— Я просил тебя прибрать вторую спальню.

— А я бы хотела присутствовать при распределении обязанностей. Вдруг они у нас с Карной пересекаются. Когда ты брал меня на работу, то вопрос интимных отношений не поднимался. Это потому, что я слепая?

— Я не брал тебя на работу, — устало возразил ловец. — Ты просто появилась тут однажды и поставила меня перед фактом. Это становится тенденцией... И если уж говорить о твоих обязанностях, то иди на второй этаж и приberi в гостевой.

Грета поднялась и, недовольно фыркнув, пошла наверх, скользя ладонью по перилам.

— Грета так уверенно перемещается по дому, — прошептала Карна. — Она совсем слепая или что-то

видит?

— Без понятия, — ответил Рихард. — Может, она ориентируется в пространстве как летучая мышь. Или глубоководная рыба.

— У меня отличный слух, — донеслось сверху. — И мне не обязательно смотреть, чтобы видеть.

— Летучая мышь, — пожал плечами ловец. — Я так и сказал.

— Так вот, — Карна опустила на краешек дивана, положила на столик блокнот и ручку, подальше от черепа, который скалился с другой стороны стола. — Наши отношения будут строиться исключительно в деловых рамках.

— Ясно, — коротко ответил Рихард.

— Никаких объятий, прикосновений, внезапных визитов в спальню...

— Но я должен контролировать пульс во время контакта, — заметил ловец.

— Можете прикасаться к моему запястью, — кивнула она.

Он тут же обхватил ее руку. Теплый, чуть шероховатый палец погладил кожу и нашел бьющуюся венку.

— А если во время... сеанса вы начнете падать? Такое часто случается.

— Будем делать это сидя, — предложила она, забрала руку и отодвинулась еще дальше, едва не вжавшись в подлокотник дивана.

— Вот мы и перешли к обсуждению поз, — он улыбнулся, будто его это искренне забавляло. — Возможно, чтобы исключить падение, будет еще удобнее делать это лежа. Допустим, на боку. Или вы снизу, я сверху...

— Сидя, — рявкнула Карна.

— Ладно, — скучающим тоном согласился Рихард.

— Я нашла бумаги на столе в вашей... моей комнате, — добавила Карна. Прикосновение мужских пальцев так и осталось на запястье ощущением теплого браслета, и она непроизвольно потеряла руку второй ладонью. — Бухгалтерия в крайне запущенном состоянии. У вас задолженность по уплате земельного налога, и вы не воспользовались льготой для государственных служащих.

— Вы разбираетесь в этом? — удивился он.

— Да, — коротко ответила Карна, чувствуя легкую гордость. — При необходимости я могла бы управлять небольшим поместьем. Я приведу в порядок ваши бумаги в ближайшую неделю. Но с отчетами для гильдии ловцов я раньше не сталкивалась, так что мне понадобятся разъяснения.

— Хорошо, — снова согласился Рихард. — Я расскажу вам все необходимое. Суть этих отчетов — попытаться обосновать как можно больше расходов необходимостью уничтожения нави.

— Что касается этих... сеансов. Давайте урегулируем периодичность.

— Нет.

— Нет? — растерянно переспросила она. Он трижды согласился: ясно, ладно, хорошо. Теперь все должно было пойти по накатанной. Она ведь читала об этом в книге по искусству переговоров.

— Это нельзя урегулировать, — терпеливо пояснил Рихард, развернувшись к ней и облокотившись на спинку дивана. В его голосе прорезались воркующие нотки, о которых говорила Грета. Черная рубашка очертила бицепс, натянулась на широкой груди. Интересно, как он получил тот шрам... Карна одернула себя и на всякий случай опустила ресницы. Не хватало, чтобы ловец прочитал ее мысли.

— Потребность в сеансах может появиться внезапно, — продолжил он, не подозревая о ее метаниях. — Допустим, я столкнусь с вотумом на обходе, либо очередное дело окажется сложным. Мне надо быстро получить максимальное количество светлых воспоминаний. Своих у меня мало, приходится пользоваться чужой памятью.

— И к чему спешка?

— Я завалил очередную проверку, — вздохнул он. — Начальник полицейского управления дал мне

отсрочку, чтобы переделать тест. Но это секрет. Надеюсь, я могу рассчитывать на ваше молчание.

— Сколько у вас времени?

— Не знаю точно... Пока новый тест не пришлют со столицы. Недели две, может, три. К этому моменту я должен оказаться на светлой стороне грани.

— А теперь, выходит, на темной? — спросила Карна с опаской.

Она встретила взглядом с непроницаемо черными глазами, но поборолла желание отвернуться.

— Выходит, что так, — ответил он.

Дом Вилмоса Гроха был огорожен высоким кованым забором, за которым виднелся чахлый сад и неработающий фонтан. Рихард дернул за шнурок и услышал мелодичный звон.

Карна осталась дома заниматься бухгалтерией. Она его отбрила. В общем-то, это было ожидаемо — достаточно лишь раз на нее взглянуть, и понятно, что абы с кем такая спать не станет. Но ощущать себя тем самым «абы кем» оказалось неприятно.

Рихард подергал за шнурок сильнее, и звон понесся над садом к особняку из красного кирпича. Все окна были зарешечены, даже на третьем этаже. Вилмос боится? Или просто не экономит на безопасности? Интересно... Рихард дернул еще раз, и шнурок остался у него в руке. Бросив его на траву, Рихард спрятал руки в карманы.

По дорожкам, усыпанным мелкими белыми камешками, к нему уже спешила долговязая фигура в сером сюртуке. Вилмос Грох собственной персоной? Еще интересней. Мужчина открыл ворота, впуская Рихарда, и поправил темные очки, съезжающие с переносицы. Заискивающая улыбка на его лице была еще одной странностью. Несколько лет назад Рихард поймал навь, досаждающую Вилмосу Гроху, — служанку, затаившую на него обиду и являющуюся за расчетом и после смерти. Тогда Грох разговаривал с ним свысока и сквозь зубы. Впрочем, Рихард не обращал на такие мелочи внимания. Выставил счет в два раза больше — да и все. Работа научила его не копить мелкие обиды: после смерти он надеялся обрести покой, а не являться к кому-нибудь по ночам.

Теперь же Вилмос Грох поймал его руку в свою и долго ее тряс и жал, улыбаясь, как старому другу. Темные стекла очков — на вид совсем новых — скрывали его глаза. Небось, прикупил специально перед встречей с ловцом.

— Рад, очень рад, что вы пришли, — сказал он.

— Вчера мне доставили от вас письмо и задаток, — сказал Рих, забирая свою ладонь из цепкой хватки Вилмоса Гроха. — Не делайте так больше. Я предпочитаю сначала обсудить дело, а потом уже брать деньги.

Вилмос выглядел исхудавшим: щеки ввалились, кожа на шее обвисла смятым мешочком. А глаза за темными стеклами блестели так, будто совсем недавно он хорошенько принял на грудь. Судя по запаху, так и было. Если бы здесь был Уго, то определил бы по выхлопу и сорт, и год спиртного.

— Деликатное дело, понимаете ли, — ответил Вилмос. — И помощь ловца просто необходима.

— В письме вы сказали, что у вас завелся жрун.

— Да, — вздохнул Вилмос.

— Так что же в том деликатного? — спросил Рихард. — С такой работой могли бы справиться и обычные полицейские.

Раздражение билось в стенки черепа, как назойливая муха в окно. К чему нагнетать всю эту таинственность? Жрун — одна из простейших низших навий. Часть души человека, страдающего, или наслаждающегося — как посмотреть, чревоугодием, после смерти не находит покоя и овладевает каким-нибудь животным, которое также любит хорошенько поесть. Получается жрун — существо мерзкое, вечно голодное, но зато и легко убиваемое, поскольку обычно отличается малой подвижностью из-за лишнего веса.

— Во-первых, я не желаю огласки, а полицейские наверняка раструбили бы о моей проблеме по всей Рывне, — сказал Вилмос, с подозрением посмотрев по сторонам, будто за одним из лысых кустиков мог притаиться шеф полиции — мужчина крупный, красномордый и вечно пыхтящий как паровоз. — А во-вторых, только вы можете мне помочь.

— Рассказывайте по порядку, — попросил Рихард, утомившись от всей этой загадочности. — В какое животное подселилась навь?

— В собачку Мирабеллы Свон, — сказал Вилмос. — Моей любовницы.

Мирабелла Свон блистала в прошлом театральном сезоне, и ее фотографии не сходили с первых страниц газет. Рихард вспомнил курносый носик и закручивающиеся к выщипанным бровям ресницы, густые и длинные как у куклы, которая закрывает глаза, когда ее кладут на спину.

— Я привез ее сюда отдохнуть...

— Отдохнуть? — недоверчиво уточнил Рихард. — В Рывне?

— Я женатый человек, — тяжело вздохнул Вилмос. — И отец моей жены — сами знаете кто. Потому курортные города не подходили. И уж тем более я не мог открыто ухаживать за Мирабеллой в столице. Она согласилась провести несколько недель в Рывне. Взяла собачку — свою любимицу. Мерзкое создание, если честно, даже в лучшие времена. И вот... — он снова горестно вздохнул. — Мирабелла в горе. Рыдает, страдает и вся исхудала.

— Ей придется смириться с потерей, — сказал Рихард.

— Не придется, — в голосе Вилмоса звякнула сталь. — Я сказал ей, что ловец сможет прогнать навь из песика.

Рихард недоверчиво посмотрел на Вилмоса, но тот, кажется, не шутил.

— Это невозможно, — сказал он отдельно и медленно, как ребенку, а Вилмос схватил его под локоть и потащил по дорожкам сада. — Нельзя достать навь из животного.

— Понимаете, — доверительно произнес Вилмос, ведя Рихарда по саду, — Мирабелла — дура. Красивая, но дура. Она, как тот баран, уперлась рогом, что собачку можно спасти. Наслушалась баек, начиталась желтых газетенок. Развесила по дому сушеных веников, проводила какие-то ритуалы, чтобы изгнать жруна.

— Дайте угадаю. Ничего не вышло, — сказал Рихард, еще больше раздражаясь. Вместо того, чтобы обратиться в полицию или к нему как можно раньше, они тянули, а жрун тем временем рос.

— Я не могу вызвать полицию, — вздохнул Вилмос, поправив темные очки. — Они, конечно, убьют жруна, изрешетив его серебряными пулями, но это наверняка попадет в газеты, а Мирабелла будет лить слезы над телом Жожо.

— Жожо?

— Жозефина, так зовут собачку. А мне не хочется огласки и слез. Я, по правде сказать, устал от страданий и ругани. Мне хватает и жены. Мирабелла такая веселая, у нее смех, как ручеек. Так и звенит. А теперь она плачет и сердится.

— Но я не могу помочь! — Рихард решительно выдернул руку, и они остановились там же, откуда начали прогулку — у пересохшего фонтана, в чаше которого лежали красные листья.

— Вы сделаете это, — в голос Вилмоса вернулись привычные властные нотки. — Я знаю, что вы уже делали это однажды.

— С человеком, не с собакой.

— Я заплачу. Сто шендеров. Сто пятьдесят.

— Я не собираюсь так рисковать из-за псины.

Рихард развернулся к кованому забору, и слова Вилмоса прилетели ему в спину:

— Если вы согласитесь, то никто ни о чем не узнает.

Рихард остановился и слегка повернул голову.

— Я о результатах вашей проверки, — вкрадчиво пояснил Вилмос.

Рихард посмотрел себе под ноги. Красные листья на садовой дорожке, усыпанной светлой каменной крошкой, казались узкими лодочками на белой реке. Интересно бы знать, кто проболтался. Надо сообщить Грегору, что в его участке крот.

— Двести, — сказал он.

— По рукам, — торопливо согласился Вилмос.

— Значит, здесь ваш жрун, — сказал Рихард, остановившись перед дверью, заколоченной досками.

Дверь тяжелая, дубовая, это хорошо. Из-под нее торчат кончики столовых приборов. Кто-то догадливый напихал туда серебряных ложек и вилок. Значит, к дверям тварь не подойдет. Высшую навь это бы не остановило, но у жруна мозг работает только в одном направлении — чего бы сожрать.

— Давно кормили?

— Позавчера, — ответил Вилмос и приосанился. — Потом я понял, что это становится небезопасным, и принял меры.

Он что, гордится собой? Вот идиот. Рихард прижался ухом к двери. Откуда-то снизу доносились завывания женщины, довольно мелодичные, будто та упивалась своим горем. Из-за угла выглянула служанка в белом чепце, увидела ловца и, ойкнув, метнулась по лестнице вниз.

— Кажется, я видел фотографию собачки, — вспомнил Рихард. На фото в газете Мирабелла Свон держала подмышкой то ли крысу, то ли облезлого песика. Уродливая морда с вытаращенными глазами лежала на пышной груди, выставленной в декольте.

— Да, она везде ее с собой брала, — подтвердил Вилмос. — Редкая порода. Лысая свиристелка. Постоянно издает какие-то звуки: то лает, то скулит, даже когда спит — храпит, как мужик.

Рихард снова прижался ухом к двери — тишина. Потом послышался тихий цокот. Будто кто-то крался к двери на когтистых лапах.

— Сколько ему уже? — спросил Рихард.

— Жожо? Кажется, года три, надо спросить Мирабеллу...

— Жруну. Когда вы заметили, что с собакой что-то не так?

— Да она всегда была с придурью, — нахмурился Вилмос. Он снял очки, но, опомнившись, снова водрузил их на нос, хотя в полумраке коридора наверняка едва мог видеть через темные стекла.

— Когда у нее повысился аппетит? — терпеливо уточнил Рихард.

— С неделю назад. А может и больше.

Выходит, жруну уже больше недели, и два дня он сидит там некормленный. А теперь Вилмос предлагает ему зайти в комнату и посмотреть в глаза твари, которая наверняка отрастила себе клыки размером с палец. Рихард прищурился и увидел тонкие струйки черного дыма, сочащиеся из-под двери между серебряных ложек. Вилмос, или любой другой человек, не смог бы этого заметить. А вот смрад, тянущийся из щели, наверняка уловил бы и обычный нос.

— Ладно, — сказал Рихард. — Я вернусь после захода солнца. В доме не должно быть людей.

— Но я думал, вы сделаете это немедленно!

— Убить могу и сейчас.

— Кажется, мы это уже обсудили, — процедил Вилмос.

— Тогда переночуйте в гостинице, — сказал Рихард. — Здесь будет опасно.

— Постарайтесь сделать все аккуратно, — в голос Вилмоса вернулся обычный приказной тон. — Там шелковые обои, которые выбирала моя жена. Она любит заниматься декором интерьеров. Сейчас как раз обустраивает новый дом в Эрженске, три этажа, галерея...

Рихард посмотрел на него внимательно — нет, не шутит.

Легкие шаги отвлекли его, и он едва успел увернуться от женщины, взбежавшей по ступенькам и кинувшейся на него с кулаками. Рихард инстинктивно отклонился, и она по инерции налетела на Вилмоса, повалив того на ковровую дорожку. Расшитый кружевом пеньюар туго обтянул выдающуюся попу госпожи Свон. Если певичка и похудела от горя, то так сразу не скажешь. Рихард протянул руку, чтобы помочь ей подняться, и Мирабелла гневно оттолкнула его ладонь. Поморгала щетками ресниц, нахмурила бровки-ниточки. Рихард встретился с ней взглядом и словно наткнулся на лед. Серые глаза смотрели на ловца трезво и осмысленно, будто Мирабелла выбирала партию, которую надо отыграть. Кукольное личико, холеное тело и глаза старого счетовода — такая далеко

пойдет.

И без того пышная грудь поднялась, набирая воздуха, и Рихард досадливо поморщился.

— Он убьет ее! Убьет мою Жожо! — взрыдала Мирабелла, обличительно тыча в Рихарда пальцем. — Ты тоже убийца! — она обернулась к Вилмосу, который, кряхтя, сел, и вцепилась в лацканы его сюртука. — Она ни в чем не виновата, всего лишь любила покушать!

— Кошечка моя, я обо всем договорился, — уверил ее Вилмос, сняв с носа поломанные очки. — Ловец достанет навь из песика.

— Правда?

Женщина неожиданно гибко и легко поднялась и окинула Рихарда оценивающим взглядом. Не найдя ничего интересного, отвернулась. Что-то с женщинами ему сегодня не везет.

— Половина оплаты вперед, — сказал он.

Мирабелла ушла собирать вещи для ночевки в гостинице, а Рихард с Вилмосом спустились на первый этаж. В кабинете, оббитом резными дубовыми панелями, Вилмос предал ему увесистый мешочек с серебром и запасные ключи от дома. Плеснув виски в стакан, предложил Рихарду, но тот покачал головой. Пить с Вилмосом ему не хотелось.

— Мне надо подготовиться, — холодно сказал он. — Всего светлого.

Спустившись по ступенькам на дорожку, Рихард задрал голову и посмотрел на закрытые решетками окна.

Во рту горчило, а пальцы сами сжимались в кулаки от злости, которая глухо рычала где-то внутри. Жрун был ни при чем. И даже Карна, которая отшила его, обдав ледяным презрением, не виновата.

Больше всего на свете Рихард ненавидел, когда его принуждают. В приюте не любят норовистых, но даже наставник и его ремень с колючей пряжкой, обдиравшей кожу, оказались бессильны — Рихард так и не научился подчиняться.

Вилмос Грох приравнял его жизнь к жизни лысой псины. Рихард ухмыльнулся. Это его как раз не задевало. Знал он людей, который и хвоста собачьего не стоят. Но поступать по указке Вилмоса не собирался.

В голове постепенно вырисовывался план, и Рихард улыбнулся шире. Он сплюнул на белую дорожку, зашагал прочь из сада, и вскоре ворота лязгнули за ним голодной пастью. Особняк стоял на возвышенности, и сейчас вся Рывня лежала у ног Рихарда. Жестяные крыши сливались в одно серое полотно, заштопанное там-сям червленными заплатками черепиц. На край крыш присело солнце, плеснув закатным светом, и окна домов занялись пожаром. Высокая труба крематория, отразившая багровое небо, казалась густой струей крови, стекающей в город прямо с неба. А еще ниже траурной лентой вилась Черва.

Рихарду тут нравилось. Для ловца — идеальное место. Всегда есть работа. И здесь, можно надеяться, его не достанут.

За рекой топорщился красными ветками призрачный лес, где уже сейчас, на закате, виднелись обрывки тумана. А совсем далеко выростала гора. Такая огромная, что, казалось, с ее вершины можно шагнуть прямо в небо.

Вернувшись взглядом к реке, Рихард нашел свой дом — обычная жестяная крыша в конце переулка. В нижней части города дома жались друг к другу, словно греясь в ненастье, но его дом стоял особняком. Как и он сам.

Рихард пошел вниз по улице, постепенно ускоряя шаг. Он выделял три категории людей, готовых добровольно смотреть в глаза ловцу. Первые — просто дураки. Глаза их словно мелкая лужица. Иногда мутная, иногда чистая — не угадаешь. Вторые — святоши. Наивно уверенные в собственной непогрешимости. Закрывающие глаза на свои недостатки и уверенные, что и другие их не видят. Такие часто впадают в истерику после... Третья категория — люди, готовые за деньги на все — даже показать свою изнанку ловцу.

Но бывают и те, которые не попадают ни под одну из категорий.

Карна не была дурой, не строила из себя святую и в деньгах не нуждалась. Но все же посмотрела ему в глаза.

Конечно, была еще Грета. Совершенно особенный случай. Пока он разбирал вещи в гостевой, она бубнила и предсказывала очередной конец света в отдельно взятом доме ловца. По ее словам

выходило, что с появлением Карны его ждут большие перемены. Но несмотря на все шрамы, оставшиеся на его теле и душе, он отчего-то надеялся, что перемены будут к лучшему.

Раскладывая свои вещи в шкафу ловца, Карна еле сдерживалась, чтобы не ущипнуть себя за руку. Ночью у нее не хватило сил, чтобы разобрать чемодан, — она провалилась в сон без сновидений, едва голова коснулась подушки, и вот теперь ей казалось, что она так и не проснулась. Неужели все это по-настоящему? Она теперь живет в чужом доме, спит в чужой постели. Она работает! И ей будут платить деньги!

Отец перевернулся бы в гробу, но его кремировали, как и мать. Сейчас мало кого хоронили по старинке, предпочитая очистительный огонь. Карна развеяла их пепел в саду за домом. Как всегда, вспомнив родителей, Карна прошептала быструю молитву, пожелав им покоя. Всем известно, что нельзя тянуть умерших назад. Они ушли в иной мир, уплыли вверх по белой реке, и не надо звать их лишний раз.

В бумагах ловца она нашла классификацию нави. Навь, навьи, навки — в народе живых мертвецов называли по-разному, суть от этого не менялась. А вот для ловца все укладывалось в четкую схему, где каждый мертвец, вернувшихся в мир живых, имел свой вес — серебром. Ведь чем сильнее навь, тем больше ловцу платили.

Самые простые навки — обрывки душ, нашедшие вместилище в животных. За них ловец брал от десятки, но иногда доходило и до пятидесяти. В расходах, потребовавшихся для уничтожения низшей нави, именуемой дрючом, числились восемь шендеров за медвежий капкан, два — за цепь восьми метров длиной, лампы с маслом шесть штук по десять пентов и еще пятьдесят пентов ушло мальчику Осипу за десяток крыс. Десять шендеров ловец обозначил как необходимые траты для восстановления равновесия. Остальное, по-видимому, ушло на его гонорар.

Навь повыше уровнем принимала человеческий облик. Вотумы.

Незаконченное дело, невыполненный обет, долг или месть — что-то тянуло душу с того света, и появлялся вотум — временное вместилище души. За них ловец брал от пятидесяти. Но, судя по бумагам, они появлялись куда реже простых навков, и Карна толком не понимала — откуда. Вотумы выглядели так же, как и прежде, до смерти. Но если их тела сожгли или закопали, придавив кладбищенской плитой, то откуда бралась новая оболочка? Она слышала байки, что вотумы выходят прямо из черной реки, на которой стоит Рывня. Может, так и есть, иначе зачем бы нужны караулы на набережной по ночам?

Расходы на убийство вотумов Рихард не обозначал. Просто брал плату. Но Карна заметила, что по бумагам после встречи с вотумом у ловца обычно было несколько дней выходных, а то и неделя.

И высшие навьи — души, вернувшие себе свои настоящие тела. Карна нашла лишь три таких дела в бумагах Рихарда. Двое упоминались в итоговом отчете, и за каждого ловец получил по пятьсот шендеров. А вот третью навь ловец уничтожил в этом году. «Олаф Златоглазый, около ста тридцати лет, доминирующая страсть — похоть. Обитал в ельнике у торговой дороги. Найдены останки более сотни человек, для дальнейших поисков прошу предоставить полицейский наряд...» Почерк у Рихарда был резкий и угловатый, но читался легко, и Карна, проведя всего час за бумагами, вполне представляла, с чем ей придется работать.

Грета ушла сразу вслед за ловцом. Перед этим они шумели в спальне напротив, беззлобно ругаясь и шпыняя друг друга. А теперь она осталась одна. Что-то скрипнуло, и Карна быстро обернулась, страшась увидеть за спиной какого-нибудь монстра, на которого надо идти с медвежьим капканом... Никого не было. Белые стены, темный пол, шпингалет на двери — тонкий, как насмешка.

Она повесила в шкаф последнюю блузку, и в чемодане осталась лишь черная рамка. Карна вынула ее, погладила знакомые черты на фотографии. Эдмон подарил ее после помолвки. Мама настояла на том, что Карна должна сперва окончить институт для благородных девиц, и поэтому помолвка растянулась на целых два года. Эдмон ждал, и она ждала... Так глупо. Знать бы, что так выйдет... а теперь осталась лишь фотокарточка, на которой не видно, какой яркой зелени были его глаза, и как блестели бронзой кудри...

Внизу снова что-то скрипнуло, и Карна, вздрогнув, едва не выронила рамку. Глубоко вдохнула, успокаиваясь, и поставила фото на полку у кровати — туда, где раньше стоял череп, а потом вышла из комнаты. Постояв в коридоре, она не справилась с искушением и толкнула дверь напротив.

Комната оказалась узкой и темной, к тому же выходила окнами на улицу, откуда доносился шум и ругань. Кровать, шкаф и череп на подоконнике, глядящий прямо на Карну, — вот и вся обстановка.

Она быстро вышла и плотно закрыла за собой дверь. Вернувшись в свою спальню, схватила сумочку, обула ботинки и вскоре уже стояла на крыльце, жмурясь от ярких красок заката. Металлический знак ловца, висящий на козырьке над крыльцом — круг, вертикально перечеркнутый кинжалом, — ярко сиял в последних лучах солнца.

Скоро время ужина, который она обещала приготовить, а значит, лучше бы ей поторопиться. Поправив шляпку и застегнув плащ на все пуговицы, Карна спустилась по ступенькам и быстро пошла вверх по улице. Заметив наемный экипаж, махнула рукой, и усатый кучер тотчас направил к ней облезлую рыжую кобылку. Остановившись, он слез с козел, снял фуражку, обнажив пяточок лысины, обрамленный сальными русыми космами, и открыл дверку.

— Поблизости есть приличная ресторация? — спросила Карна, чувствуя странное облегчение уже от того, что рядом с ней живой человек. Не хвач, не жрун, не вотум. И уж точно не высшая навь.

— Смотря, чего вам желается, дамочка, — ответил кучер, помогая ей забраться в экипаж. — В Крыжовенном переулке вы окромя похлебки да жареных карасей ничего не получите. В харчевне на Кривой улице можно и мясом угоститься. Только лучше берите, чтоб целый кусок, а ежели в пирожках или там зразы, то не надо.

— А есть в Рывне место, где я могу заказать, что угодно и не отравиться? — сузила круг вариантов Карна.

— Самая лучшая ресторация — «Золотой гусь», — сглотнул набежавшую слюну кучер. — Только он точно золотой — смачно готовят, да и дерут задорого.

— Далеко?

— В Рывне все недалеко, — пожал плечами мужик. — Едем?

— Едем, — кивнула Карна. — И побыстрее.

— С ней что-то не так, — свистящим шепотом сообщил Уго.

Друг пришел минут десять назад, сразу следом за ним. Карна выглянула из кухни, Рихард их познакомил, и она радушно пригласила Уго присоединиться к ужину, заверив, что все будет готово с минуты на минуту. Рихарду достался ледяной взгляд и кивок. А теперь из-за закрытой кухонной двери доносилась какая-то возня, шум и звон посуды.

— Она не экономка, Харди, — продолжил наседавать Уго, придвинувшись так близко, что теперь они сидели на диване, прижавшись друг к другу, как влюбленные голубки.

— Сам знаю, — сказал Рихард, отодвинувшись от него. — Но разве тебе не любопытно?

— Она — дама из высшего общества, я могу точно сказать это по одному ее мизинчику. Ты видел, какие блестящие и розовые у нее ногти? И вот она готовит обед для ловцов, пусть даже самых лучших?

— Вообще-то ты не ловец, — напомнил Рихард, — а оборотень-кабан. Кто бы мог подумать, что ты будешь вкушать обед, приготовленный руками такой дамы, а?

— Она нас отравит, — нахмурился Уго, повернувшись к кухне. Его мясистый нос зашевелился на лице, словно зажив своей отдельной жизнью. — Зуб даю — отравит. А потом скажет, что так и было. А я еще молод, Харди, к тому же у меня сегодня свидание.

— С той рыженькой, что приходила вчера на собеседование? — понял Рихард. — Ее я не возьму, и не проси. Она смогла написать лишь свое имя, и то с ошибкой. А мне нужен кто-то, кто бы составлял отчеты для гильдии. Я терпеть не могу всю эту бумажную возню. К тому же она не согласилась смотреть мне в глаза.

— Зато если бы накинул сверху десятку, то не отказалась бы делить с тобой постель, — сердито засопел Уго.

— Ты ведь знаешь, последнюю проверку я запарол, — нахмурился Рихард. — А Карна просто великолепна. Чистая душа. Она поможет мне не шагнуть за грань. Я сегодня спал как младенец.

— Что тебе снилось?

— Не помню, — соврал Рихард. Признаваться в том, что Карна проникла не только в его дом, но и в сны, не хотелось.

Уго нахмурился, так что его короткие косматые брови сдвинулись к переносице, и снова засопел.

— Она согласилась на совместное проживание?

— Согласилась.

— И вот эта цыпочка станет жить в комнате с окнами на Крыжовенный переулок и будет мыться в твоей ванне?

Рихард моргнул, прогоняя из воображения картину с нежным телом в клубах пара.

— В гостевой теперь сплю я, — признался он. — Там было не убрано и вообще...

— А она — в твоей спальне? — Уго ухмыльнулся и многозначительно пошевелил бровями.

— Думаю, она тут ненадолго, — честно признался Рихард.

— Так почему вообще согласился?

— А какие у меня варианты? Платить шлюхам и пьянчужкам? Я не хочу больше рассматривать их воспоминания, выискивая хоть что-нибудь светлое — все равно что перебирать дерьмо в поисках жемчуга. После такого мне хочется добровольно шагнуть за грань.

— Не нравится мне это... — вздохнул Уго. — А может, она просто хочет ловца? Ну, ты понимаешь. Ореол доблести и отваги, сила тела и духа. Неутомимость, изобретательность, каждый раз может стать последним... Харди, дружище, соври, что я тоже ловец!

Его крохотные глазки заблестели, а губы разъехались в улыбке, обнажая желтоватые клыки.

— Иногда ты такая свинья, Уго, — вздохнул Рихард.

— Может, она здесь именно ради этого, — не сдавался тот. — Странно, что такая дама согласилась на совместное проживание с ловцом. Не пойми меня неправильно, Харди, но ты себя видел? А она... такая... — с придыханием произнес Уго и взмахнул руками, не сумев подобрать слова.

— Она сказала, что кодекс ловцов не позволит мне ее обидеть, — ухмыльнулся Рихард.

— Что еще за кодекс? — нахмурился Уго.

— Понятия не имею, — улыбнулся он еще шире.

Дверь скрипнула, открываясь, и они, подобравшись, уставились на женщину. Карна надела поверх черного платья клетчатый передник, волосы убрала под платок, на ногах ее были домашние туфли на низком каблучке — образцовая хозяйка.

— Ужин готов, — сказала она и посторонилась.

— После вас, — сказал Рихард, пропуская ее вперед.

Карна сняла платок с головы и спрятала его в карман передника. Ее волосы были уложены в высокий узел, и над белой шеей закручивались короткие нежные завитки, от которых вдруг оказалось так тяжело оторвать взгляд.

На плите стояла кастрюля, такая снежно-белая, словно в ней еще ни разу не готовили. На столе, накрытом скатертью, лежали приборы. В желтоватом свете от абажура лампы кухня казалась теплой и уютной — раньше он этого не замечал. Карна зачерпнула рагу из высокого блюда, положила в глубокую тарелку и поставила ее перед Рихардом. Он глянул на Уго. Тот приняхивался и выглядел озадаченным.

— Пахнет съедобно, — вынес Уго вердикт и уставился в тарелку, которая появилась перед ним. — Надеюсь, это не свинина?

— Говядина, — Карна села слева от Рихарда, положив рагу и себе. — Приятного аппетита, — она накрыла колени крахмаленной салфеткой, взяла вилку и подцепила кусочек тушеного мяса.

Уго уже ел, и волосатые кончики его ушей слегка подрагивали, выдавая высшую степень удовольствия. Овощи, тушенные с мясом, действительно оказались очень вкусно приготовленными: мягкие, но не разваливающиеся в бесформенную массу, специй и соли в меру, лишь оттенить вкус, мясо таяло во рту.

Рихард взял кусок хлеба из низкой плетенки, окинул быстрым взглядом кухню. Плита блестит, в вазочке посреди стола астра — красная звезда на тонкой ножке.

— Вам нравится? — спросила Карна.

Уго что-то промычал и зачерпнул добавки. С половника капнул соус, и на белой скатерти расплылась жирная клякса. Уго виновато глянул на Рихарда и быстро переставил вазочку с астрой, закрыв пятно.

— Дайте мне список ваших покупок и трат, — попросил Рихард. — Я возьму.

— Конечно, — кивнула она, отводя глаза. — Сколько вы планировали тратить в неделю?

— Шендеров двадцать, — он накинул десятку. Похоже, об экономии придется забыть, но оно того стоит. Так вкусно он ел разве что в ресторане, где отмечали юбилей шефа полиции.

— Вы давно дружите? Как вы познакомились? — спросила Карна, кивнув в сторону Уго, который, кажется, собирался съесть обед вместе с тарелкой.

— Меня наняли его убить, — сказал Рихард. — Лет семь назад. Хотите вина?

— Нет, спасибо, — отказалась Карна. — И отчего вы не выполнили заказ?

— Почему я не убил Уго? — Рихард хмыкнул. — Я и сам иногда задаюсь этим вопросом.

— О боги, здесь что, желуди? — простонал тот и положил себе еще рагу. — Харди, я готов оплачивать ее жалование из своего кармана. Половину, — исправился он.

— Нет, желудей нет, — ответила Карна со странной неуверенностью. — Так что, выходит, вы беретесь не за любое дело?

— Я убиваю только навь. А Уго, как видите, вполне себе жив, реален и иногда даже разумен.

— Я все слышу, — буркнул тот, сверкнув близко посаженными глазками. — Но вы говорите, говорите, мне больше достанется. Правда, что здесь за специи?

— Пусть это останется секретом, — уклонилась от ответа Карна. — В Рывне много оборотней?

— Хватает, — ответил Рихард. — Все на учете. В полнолуние ночуют в участке под надзором. Есть еще, конечно, те, кто предпочел остаться в красном лесу, но они больше звери, чем люди.

— С научной точки зрения это не объяснить, — задумчиво сказала Карна. — Как может человек превращаться в животное?

— В нашем мире много необъяснимого, — пожал плечами Уго. Он сыто откинулся на спинку стула и благосклонно посмотрел на Карну. — Взять хотя бы то, что вы сидите сейчас на этой кухне. Расскажите же о себе? Что заставило вас искать работу? Вы разорились? Овдовели? Ищете приключений на свою маленькую...

— Уго! — перебил его Рихард.

— Что? Если она будет жить с тобой и отираться тут каждый день, то пусть привыкает, — заявил тот. — Или ты думаешь, дамочка, что мы тут будем на задних лапках перед тобой ходить?

— А вам удобнее на четвереньках? — вежливым тоном уточнила Карна, но спина ее будто окаменела. — Вы часто принимаете животный облик?

— Только в полнолуние, я не опасен.

— Но кто-то хотел вас убить и даже нанял ловца.

— То было еще во времена, когда я был молод и горяч, — туманно ответил Уго. — Дубрава во владениях князя Аурелия, охота, собачья свора, которая не ожидала встретить не совсем кабана...

— Так почему вы не убили его? — повернулась Карна к Рихарду.

— Он не сделал ничего дурного, — ответил тот. — А за горстку желудей не приговаривают к смерти. К тому же Уго талантливый нюхач, — в подтверждение его слов тот пошевелил мясистым носом с густо заросшими волосками ноздрями.

— Чую навь, как никто в этом городе, — похвастался Уго. — А еще Харди посмотрел мне в глаза, до самого нутра, и не нашел там тьмы. Это точно как секс. Ты, Карна, знаешь, о чем я, ведь он уже смотрел в тебя. Я потом несколько дней сам не свой ходил. Все же мы оба мужчины, и такая близость...

— Уго! — осадил его Рихард, а Карна отчаянно покраснела, хоть и умудрилась сохранить невозмутимое выражение лица.

— Что? — спросил тот. — Ты был во мне, пусть и не физически. Зато смог подтвердить, что я не совершал в своей жизни ничего дурного, если не считать мелочей вроде изрытого леса. Там были трюфели, я не смог устоять, они одурманили меня ароматом...

— Здесь, в Рывне, нравы терпимее, — сказал Рихард. — В том числе к оборотням. А вы откуда?

— Из столицы, — выдавила Карна.

— Там хватает ловцов, — сказал Рихард. — Отчего вы не пошли работать туда, если вам хотелось внести посильный вклад в нашу благородную службу?

Уго хрюкнул, едва не подавившись рагу.

— Она сама так сказала, — пояснил Рихард.

— Там ловцы не такие мужественные, — предположил Уго. — Ты ведь слышал, сейчас в гильдию берут всякий сброд. А тут перед дамой сразу два элитных, отборных ловца, — он выпятил грудь колесом. — Карна, с кем из нас ты бы скорее... ну... скажем, пошла на свидание?

— Ни с кем! — выпалила она, а румянец на ее щеках загорелся еще ярче. Вилка выпала из ее руки и громко звякнула о тарелку. — Вы ведете себя неприлично! Но, похоже, с правилами приличия вы оба в принципе не знакомы!

За столом повисла тишина, прерываемая задумчивым чавканьем Уго, который зачерпнул рагу прямо из блюда.

— Мы такие, — сказал он с набитым ртом. — Режем правду-матку. Без всех этих рассосоливаний,

расшаркиваний. Но я, пожалуй, пойду. Тем более рагу закончилось.

Он с шумом отодвинул стул и встал из-за стола.

— Какие планы, Харди? Нужна моя помощь?

— Есть работенка, но я справлюсь, — ответил Рихард, не отрывая взгляд от Карны, которая снова взяла и себя, и приборы в руки, и аккуратно резала кусок мяса — без того крохотный. Мизинчик с розовым ноготком был слегка оттопырен в сторону. Ровно настолько, чтобы это не выглядело слишком манерно. Но рука слегка дрожала.

— Значит, увидимся на пробежке, — кивнул Уго, приподнял воображаемую шляпу и поклонился Карне.

— Всего светлого, — сказала она таким тоном, будто желала ему провалиться.

Уго, не чуткий к интонациям, весело подмигнул ей и ушел. Когда дверь за ним захлопнулась, Рихард нехотя произнес:

— Прошу прощения.

— За что именно? — сердито уточнила Карна.

— Вы намекаете на утренний инцидент? — понял он.

— Я бы предпочла забыть об этом навсегда.

— Зачем тогда сами напоминаете?

Сейчас она снова была другой — злой, колючей, надменной принцессой, которая снизошла до общения с бедным пастушком, не иначе.

— У вас сегодня работа? — перевела она тему.

— Да. Жрун, ничего особенного, — не стал распространяться Рихард.

— Я пойду с вами.

— Вот как? — удивился он. — Зачем?

— Затем, что мне нужно больше узнать о вашей работе, чтобы понять, какие траты можно включить в отчеты для гильдии, — напомнила она. — Я уже говорила об этом. Но, похоже, вам все нужно повторять дважды.

Он откинулся на спинку стула, пристально глядя на нее, и Карна, отложив вилку и нож почти с отвращением, тоже подняла на него взгляд.

— Вы снова об этом, — понял Рихард.

— Да, об этом, — подтвердила она, уже не такая румяная, но все еще злая. Глаза ее блестели, но оставались сухими. — Я сразу сказала — никаких поцелуев. Однако вы пришли ко мне утром и явно хотели... Нет — значит нет. Надеюсь, со второго раза до вас дойдет.

Он хмыкнул, скрестил руки на груди.

— Иногда женщина говорит «нет», а подразумевает «да», — пожал он плечами. — Посудите сами: вы явились ко мне среди ночи, сказали, что восхищаетесь ловцами, заняли мою спальню...

— Вы сами отдали ее мне!

— И все же... Я не мог не попытаться.

— Мое «нет» — это «нет», — отрезала Карна. — Потрудитесь впредь вести себя как воспитанный человек. Или у вас в роду тоже были свиньи, как и у вашего друга?

Повисла пауза, в которой звуки, доносящиеся с улицы, стали слышнее. Вот рассмеялся Уго — громко, с повизгиванием. Проехал экипаж, копыта цокали так звонко, будто лошадь только что подковали.

Рихард резко поднялся, и Карна невольно вжалась в спинку стула. Он быстро собрал посуду со стола, убрал в умывальник, переставил вазу с астрой и сдернул скатерть, заляпанную соусом.

— Руки, — сказал он. — На стол.

— Сейчас?

— У меня дело вечером. Это часть ваших обязанностей.

Когда Карна нерешительно вытянула руки, он схватил ее запястья, прижав к столу.

— Наклонитесь ближе, — сухо приказал он. — Еще.

— Мне надо вспоминать что-то хорошее? — спросила Карна. — О чем-то думать?

Кровь отхлынула от ее лица, губы дрогнули, и Рихарду на мгновение стало ее жаль. На очень короткое мгновение. Она сама его вынудила. И когда синие глаза оказались напротив, он вошел в ее воспоминания, точно зная, что хочет увидеть.

Августина почти не изменилась: разве что русые волосы еще больше посеребрила седина, а от уголков глаз расходились лучики морщин. Раньше морщинки появлялись, только когда она улыбалась. Рихард всегда удивлялся, как ей удается найти повод для улыбки даже в самые отвратные дни.

Она сидела за вишневым столом, заваленным бумагами, и смотрела на гостью с легкой тоской.

— С вами произошла большая трагедия, — произнесла она мягко, — но это не значит, что ваше место здесь.

Рихард с жадностью впитывал детали обстановки: герань на подоконнике, маленький образок с изображением святой Марлы, на обоях с цветочным рисунком следы кошачьих когтей. Комната была ему незнакома, по-видимому, у Августины новый кабинет — побольше, посolidнее, но все эти мелочи делали его почти родным.

— Я пожертвовала вашему монастырю весьма щедрую сумму, не так ли? — голос Карны звучит резко, но слегка дрожит, будто она плакала. Рука в черной перчатке смахнула слезинку со щеки. — Разве вы вправе мне отказать?

— Вправе, — сказала Августина таким тоном, что сразу стало понятно: пост аббатисы ей по плечу, а Карна не на ту напала. — Я не торгую местами в монастыре. И вот основная причина моих сомнений: вы слишком... своевольны для монахини.

— Разве нам не дана свобода воли? — возразила Карна. — Разве не в этом великий дар человечеству? Мы сами вольны выбирать свою судьбу, и это мой выбор.

Аббатиса постучала кончиком карандаша по губам, рассматривая посетительницу. Пальцы Карны непроизвольно сжались сильнее на ручке сумочки, стоящей у нее на коленях. Рихард узнал серебряную защелку в виде цветка.

— Ваш выбор... Что ж, раз вы так настаиваете... Вы ведь знаете, что послушницы проводят какое-то время при монастыре, готовясь принять постриг?

— Разумеется, — голос Карны прозвучал увереннее.

— Молятся, работают, выполняют различные поручения...

— Я готова пройти весь этот путь, — быстро подтвердила Карна.

— У меня есть одно поручение специально для вас, — сказала Августина. — Считайте его подготовкой к постригу. Проверкой силы вашего желания, уверенности в выбранном пути, смирения...

Аббатиса посмотрела на Карну с сомнением, и та поспешно кивнула.

— Я выполню все, что не нарушает законов государства и морали.

— Конечно, не нарушает, — возмущенно возразила Августина, заинтересовавшись вдруг бумагами, лежащими перед ней. — Напротив. Это самое что ни на есть богоугодное дело... Вы знаете, кто такие ловцы душ? Мужчины, отобранные и обученные специальным образом, уничтожающие тварей тьмы...

— Я знаю, кто они, — с легким недоумением ответила Карна. — Но при чем здесь...

— Один из них мой друг. Вы отправитесь к нему и станете помощницей ловца.

Карна вздрогнула, но аббатиса подняла ладонь, пресекая жестом возражения.

— Смирение, послушание, служение свету — вот основные принципы монахинь.

Карна прикусила губу, сдерживая рвущиеся слова.

— Будете помогать ему по хозяйству, — с воодушевлением продолжила аббатиса, — вести бухгалтерию, составлять отчеты. Харди никогда не был в этом силен.

— Харди?

— Рихард Мор. Вы ведь окончили институт благородных девиц? Там учат всему необходимому.

— Я справлюсь, конечно, но работать у мужчины... Он женат?

— Нет.

— Но вы понимаете, что это неприлично?

— Для той, кем вы были, — разумеется. Это полностью недопустимо. И это он, наш камень преткновения. Вы не сможете отринуть ту, кем являетесь, и стать обычной монахиней. Ваша гордыня вам не позволит, — аббатиса вздохнула с легкой жалостью и вновь стала перебирать бумаги на столе.

— Вы не так поняли, — пробормотала Карна. — И он тоже может не так понять...

— О, Харди понятливый, — отмахнулась Августина.

— Он аристократ?

— Точно нет, — усмехнулась она.

— Но вы уверены в его моральных устоях? Все же мужчины низших сословий не отличаются щепетильным отношением к женщинам...

— Харди вас не обидит, — ответила Августина.

— Вы так хорошо его знаете? Часто видите?

— По правде сказать, я не видела его лет пять, — задумалась аббатиса, потеряв подбородок, не потерявший с годами твердых очертаний.

— Откуда тогда такая уверенность?

— То, что он делает — благородно и самоотверженно. Ловцы душ — люди исключительной смелости, честности и душевной силы. И то, что вы можете внести посильный вклад, — в некотором роде честь, — по-видимому, на лице гостя вновь отразилось сомнение, и аббатиса веско добавила: — Кодекс ловцов. У Рихарда есть правила.

— Кодекс ловцов? — повторила Карна.

Аббатиса посмотрела ей в глаза, лицо такое честное, что сразу ясно — врет, и кивнула. Правую руку Августина спрятала под стол, и Рихард готов был поклясться, что она скрестила пальцы по старой наивной привычке — вроде как это не ложь, а лишь шутка.

— Но я не хочу, чтобы он знал, кто я, — воскликнула Карна. — Пойдут сплетни, слухи...

— Так и не говорите, — пожалала женщина плечами, снова возвращаясь к бумагам.

— Но он спросит — почему я устраиваюсь на работу.

— Соврите что-нибудь, — посоветовала аббатиса и подмигнула ей. — Я постоянно так делаю. Я напишу рекомендательное письмо. Этого будет достаточно. И вот что я скажу, — она смотрела на Карну, но Рихарду чудилось, что Августина смотрит прямо на него, — это ошибка. Я видела многое и разбираюсь в людях. Это не ваш путь. Вы будете несчастны в монастыре. Я понимаю, почему вы идете на это: здесь вы будете в безопасности, это так, но не найдете утешения... А если то, что вам кажется — правда, то тем более вам дорога к ловцу. Харди — лучший. Больше таких вы не найдете. И если вам нужна помощь...

Пульс под его пальцами забился как бешеный, и Рихард, опомнившись, вышел из воспоминания.

Карна сидела несколько мгновений неподвижно, как статуя, зрачки расширились, затопив всю радужную оболочку, на лбу выступила испарина.

Он быстро поднялся, подошел к ней и, склонившись, похлопал по щекам, потер плечи, встряхнул.

Карна моргнула, зрачки быстро сузились в крохотные точки. А потом она замахнулась и вlepила ему пощечину.

— Неплохой удар для монашки, — произнес он, потирая саднящую щеку. — Вторую щеку подставлять не буду, и не проси.

Она вскочила и ткнула ему пальцем в грудь.

— Ты не имел права этого делать!

— О, я ни о чем не жалею.

— Это мое личное дело!

— Почему это? Я должен был узнать, что тобой движет. Ты врала при приеме на работу, Карна, — упрекнул он ее. — Ловцы — люди исключительной смелости и душевной силы... Где-то я уже слышал эти слова. Но монастырь... Карна, что у тебя произошло? Ты овдовела, так?

— Тебя это не касается, — заявила она. — И ты больше не будешь влезать мне в голову!

— Это основное, что мне от тебя надо — твои воспоминания, — возразил он. — Без них ты мне вообще не сдалась. Бедная Августина... — он рассмеялся. — Ты, наверное, первая женщина, которая пришла требовать пострига в таком безапелляционном тоне. Смирение? Послушание? Нет, не слышала. Привыкла, что перед тобой бегают, угождают, исполняют все желания...

— Верно, — не стала она спорить. — И ты тоже исполнишь мои требования, если хочешь, чтобы я осталась.

— Я весь внимание, — он снова опустился на стул и, сложив руки на груди, уставился на Карну.

Она села напротив, гипнотизируя его взглядом. Так и хотелось окунуться в ее глаза снова, но он и так пробыл там слишком долго. Продолжительность надо увеличивать постепенно.

— Первое — я буду сама выбирать воспоминания, — сказала Карна.

— Ты не знаешь, что именно мне надо, — возразил Рихард.

— Ты объяснишь. Я понятливая. И в отличие от тебя — понимаю все с первого раза. Второе — ты не лезешь в мою жизнь и в мое прошлое.

— Я и так узнал достаточно, — пожал он плечами. — Высшее общество — это и Уго понял. Вдова, так? Решила поиграть в трагедию, вместо того, чтобы жить дальше, как делают тысячи других женщин. Эгоистка, инфантилка и обманщица. Из тебя получится отвратительная монашка.

— А ты... — она прищурила глаза и наклонилась над столом. — Моральный дегенерат. Но знаешь что? Ты будешь выполнять свою работу на все сто процентов, а я за этим прослежу. Пока я здесь, ты убьешь столько навок, сколько возможно. А потом пройдешь эту проверку, а я уйду в монастырь.

— То есть я еще и плохо работаю? — насмешливо уточнил он.

— Аббатиса так не считает. Но я уже успела убедиться, что она в тебе сильно ошибалась. Так что, ты согласен на мои условия?

Рихард потер подбородок — совсем как Августина в воспоминании.

— А если еще раз влезешь в мою голову без спроса, — сказала Карна ледяным тоном, — я собираю вещи и ухожу.

— А поторговаться? — спросил он. — Вдруг это будет вопрос жизни и смерти?

— Ты же лучший ловец, — язвительно напомнила она. — Выкарабкаешься.

— Ладно, — кивнул он и, протянув руку, накрыл ею ладонь Карны. — По рукам.

— И сейчас я отправлюсь с тобой, — категорично напомнила она, выдернув свою ладонь. — Посмотрю, так ли ты хорош.

— Карна, правда, тебе не стоит туда идти. Тем более, сначала мне надо зайти кое-куда... за реквизитом...

— Тем лучше. Увижу, можно ли занести это в расходы и по какой статье учета.

— Прекрасно, — усмехнулся Рихард. — Тогда иди, собирайся. Солнце давно село.

Карна поднялась и, кивнув ему свысока, вышла из кухни.

Рихард закинул руки за голову и потянулся. Во всем теле была легкость, словно он только что принял освежающий душ. Увидеть Августину оказалось приятно. В воспоминании Карны она выглядела неплохо, несмотря на седину. Пять лет он ее не навещал — прозвучало как упрек. Что если Августина предполагала, что он увидит это воспоминание? И те слова — о том, что монастырь — не путь для Карны, что ей нужна его помощь — предназначались ему?

Потянувшись еще раз, он встал со стула. Грязная посуда осталась в раковине, Грета помоеет. Кастрюля внутри была испачкана остатками рагу, а вот крышка отличалась абсолютной чистотой. А

ведь рагу готовится долго, осталась бы накипь. Рихард провел пальцем по стенке кастрюли, собирая остатки соуса, и облизал. Вкусно.

Засучив рукава, он открыл дверцу шкафчика под умывальником и вынул мусорное ведро. Овощных очистков, как он и предполагал, не обнаружилось. Зато нашелся скомканный фирменный пакет с витиеватой надписью «Золотой гусь» и изображением упитанной птицы. Рихард свернул его, бросил назад в ведро и пошел в гостиную.

Оружие он хранил на скрытой стойке за дубовой панелью: пистолет с серебряными пулями, кинжал, больше ему сегодня ничего не понадобится.

— Ты скоро? — выкрикнул он, обувшись и надев пальто. — Для монашки ты слишком долго собираешься! Уверена, что хочешь пойти? Предупреждаю, там не лучшее место для тебя.

— Твой дом — тоже не лучшее место для меня, — буркнула Карна, спускаясь по лестнице. — Однако я здесь.

Ловец заявил, что любит ходить пешком, и вскоре Карна согласилась опереться на предложенный локоть, потому что улицы Рывни не были предназначены для прогулок. Выяснилось, что Крыжовенный переулок, в котором ютился дом ловца, еще не самая дыра. Сейчас они шли вдоль деревянных домов, просевших в землю до самых окон, а под ногами чавкала густая грязь. Фонари горели через один, и единственным верным источником света была полная луна, повисшая над Рывней щербатой монетой.

— Здесь даже не замостили дорогу, — пробурчала Карна, придерживая подол длинной юбки свободной рукой.

— Удивительная привередливость для монахини, — заметил ловец.

Карна мрачно покосилась на него исподлобья. Выглядел он до отвращения довольным и хитрым — словно кот, тайком налакавшийся сметаны.

— Тебе лучше смотреть под ноги, — посоветовал он. — Если не хочешь упасть в грязь лицом в прямом смысле.

Карна, фыркнув, отвернулась. Она и так рассмотрела его профиль. Нос ловца был слегка кривоват, как будто не слишком правильно сросся после перелома, а подбородок потемнел от щетины, хотя утром Рихард брился.

— Не помню, когда мы успели перейти на «ты», — проворчала она.

— Сразу после того, как ты влепила мне пощечину, — тут же отозвался он.

Карна снова покосилась на него — обижается? Нет, сияет как медный таз.

А вот она мучилась чувством вины. Первое, чему их учили в институте благородных девиц, — это вести себя с достоинством в любой ситуации. А она разоралась, как базарная баба, стала обзывать, драться... Конечно, ее спровоцировали — сначала его друг, который вел себя хуже свиньи, потом сам ловец, когда забрался в ее личные воспоминания. Но она не должна была опускаться до их уровня.

— Послушайте, Рихард...

— Давай на ты, — перебил он ее, — раз уж перешли. Нам предстоит тесное сотрудничество, а я, если честно, не умею во все эти условности.

— Об этом я и хотела поговорить, — кивнула Карна. — Мое поведение было неподобающим.

Он слегка удивленно приподнял бровь, глянув на нее.

— Ты вел себя соответственно своему воспитанию, и странно было ожидать другого, — продолжила она. — Ты — продукт своей среды, и вполне логично, что поступаешь как...

— Дегенерат? — подсказал он ей.

Карна почувствовала, как к щекам прилила кровь.

— Я не должна была тебя оскорблять, — тихо, но твердо сказала она. — Хоть ты и заслужил. Надеюсь, ты не станешь таить на меня обиду. Просто все это выбило меня из колеи. Я думала, что аббатиса оставит меня в монастыре, я проведу полгода или год послушницей, а потом приму постриг, и дальнейшая жизнь казалась мне простой и понятной, а теперь я здесь, и сама не понимаю, почему согласилась...

— Августина умеет брать на слабо, — улыбнулся он. — Я не раз на это попадался.

— Вы давно с ней знакомы?

— Она работала в приюте, где я рос.

— О, ты вырос в приюте...

— Ты так истово веришь в бога? — спросил вдруг Рихард.

Карна помолчала, идя рядом с ним. Ее пальцы лежали на крепком мужском предплечье, и она чувствовала твердость мышц даже через пальто. Наверное, хорошо быть таким сильным, уверенным, не пасовать перед смертью и убивать тварей тьмы за десяток монет...

— Я не знаю, во что мне верить, — сказала Карна. — Но речь не обо мне.

Рихард остановился у входа в двухэтажное здание из серого камня, из-за зашторенных окон которого пробивался свет. Сбоку от ступеней торчала какая-то железная полоска, и Карна со смесью любопытства и брезгливости увидела, как ловец принялся счищать об нее грязь, налипшую на ботинки.

— Давай, теперь ты, — сказал он, поддерживая ее под локоть.

Вторая рука обняла ее за талию, и Карна не стала возмущаться. Стоя на одной ноге, она провела второй вдоль железки, отскребая грязь. Справившись, повернулась к ловцу. Фонари освещали его лицо, но глаза казались темными провалами в бездну.

— Пожалуйста, прости, что назвала тебя моральным дегенератом, — выпалила она на одном дыхании.

— Ладно, — кивнул он и, шагнув через ступеньку, открыл перед ней дверь.

Карна вошла внутрь и будто окунулась в безумный коктейль звуков, смеха, музыки, красок и запахов. Бордовые бархатные шторы, обилие зеркал, спиртное и женщины в ярких легкомысленных нарядах, которые не годились даже в качестве пеньюаров. Проплывавшая мимо рыжеволосая девушка многозначительно подмигнула ловцу и улыбнулась. Правая грудь ее была полностью оголена, а сосок подкрашен алым.

— Рихард, — Карна повернулась к ловцу, и голос ее сорвался, прозвучав непривычно высоко. — Ты что, привел меня в бордель?

— Харди, милый...

Женщина, спешащая к ним и протягивающая руки для объятий, показалась Карне на удивление приличной: светлые волосы забраны в низкий хвост, на блузке цвета шампанского расстегнуты лишь две пуговицы, темная юбка доходит до середины икры. Разве что каблук высоковаты. Но такая дама легко может сойти за преподавательницу в институте, и если бы Карна встретила ее где-нибудь на улице, то ни за что не догадалась бы, что перед ней хозяйка борделя.

— Мадам Роуз, прекрасна, как всегда.

Они с ловцом расцеловались в обе щеки, как племянник с тетушкой, а высокий мужчина в нелепом бордовом костюме с золотыми пуговицами помог им снять верхнюю одежду.

— Надеюсь, вам у нас понравится. Харди, комната на час? — Роуз бросила быстрый взгляд на Карну. — Или на всю ночь...

— Мне не нужна комната, — возразил ловец.

Он положил ладонь поверх пальцев Карны, и та осознала, что впилась пальцами ему в предплечье. Жмыха с два она его отпустит. Если он уйдет и оставит ее одну в этом ужасном месте... Карна осмотрелась еще раз. В целом тут было даже приятно: тепло, чисто, весело. После того дня, который навсегда изменил ее судьбу, она впервые оказалась там, где люди наслаждались жизнью.

Мимо прошла еще одна девушка — на этот раз с прикрытой грудью, но в такой короткой юбочке, что можно было увидеть полукружия ягодиц. Широко улыбаясь, она предложила поднос с бокалами, наполненными чем-то розовым и пузырящимся. Рихард покачал головой, а Карна взяла один и сделала большой глоток. Девушка ушла к компании мужчин, наклонилась, чтобы поставить поднос на стол, и Карна поспешно отвела взгляд.

— Так что же тебе нужно? — спросила Роуз. — Учти, смотреть в глаза не дам. Все остальное — пожалуйста, — она кокетливо улыбнулась. — И если будешь брать девочек, то только с повязкой на глаза. И так две ушли из-за тебя. Раскалялись, осознали... Вэнди прислала мне открытку недавно, вышла за какого-то овцевода...

— Такая рыженькая? — уточнил Рихард.

— Беленькая, — исправила Роуз. — Так что, хочешь еще одну девочку? — ловец покачал головой. — Мальчика? — спросила она с явным удивлением.

— По правде сказать, мне нужна собачка, — улыбнулся Рихард, и Карна поперхнулась вином и закашлялась.

— Так, давай-ка присядем, — предложила мадам и поманила их за собой.

Они свернули в коридор, и музыка стихла, когда они оказались в комнатке, где стоял лишь большой

изогнутый диван и круглый стеклянный столик с ножками в виде обнаженных девушек.

Рихард уселся, вытянув ноги. Карна хотела присесть на край, но провалилась в мягкое сиденье и невольно откинулась на спинку, едва не расплескав вино. К счастью, его осталось не так и много. Когда только она успела выпить почти целый бокал? Сладкое, с терпким ягодным привкусом, раньше она такого не пробовала.

— Может, хотите перекусить? — спросила Роуз.

— Спасибо, мы только что отлично поужинали, — отказался Рихард и за себя, и за нее. — Это моя помощница, Карна. Смотрит мне в глаза и готовит.

— И все? — лукаво уточнила Роуз, стрельнув глазками.

— Пока да, — широко улыбнулся Рихард.

— Никаких пока, — возразила Карна. — Я повторяю тебе снова...

— Да-да, ты не будешь со мной спать, — устало согласился он с ней, будто с капризной девочкой.

— Так что там с собачкой? — напомнила Роуз.

— Помнишь, ты жаловалась, что один клиент подарил тебе песика, такого лысого...

— Фифи, — кивнула мадам. — Мало того, что страшенькая, так еще и постоянно издает какие-то звуки. А мне очень важен сон. Ночью я работаю, днем отдыхаю, а это несчастное создание то свистит, то храпит, то, простите, пукает. Точно как тот самый клиент...

— Лысая свиристелка, — сказал Рихард.

— Верно. Редкая порода. Дорогущая.

— Сколько? — вздохнул он.

— Ты хочешь купить Фифи? — удивилась Роуз. — Харди, и не проси. Я не доверю тебе собаку.

— Ты ведь ее терпеть не можешь!

— Но я несу за нее ответственность! — возразила мадам. — Думаешь, я люблю всех своих девочек? Большинство из них непроходимые дуры, некоторые к тому же сучки похуже Фифи, но я забочусь о них.

— Вы ведь их продаете, — сказала Карна, и Рихард с Роуз повернулись к ней с легким удивлением, будто и забыли о ее присутствии. — Как вы можете говорить, что заботитесь о них, если каждую ночь продаете их мужчинам?

— Во-первых, они все здесь по собственной воле, — ответила Роуз, — во-вторых, все они любят свою работу.

Карна фыркнула, допила вино.

— В-третьих, я отбираю клиентов, — добавила мадам. — У меня все мужчины приличные.

Карна отмахнулась от ее слов, как от несусветной чуши. Диван вот был очень удобным, и таким теплым. Подушки слегка тяжеловаты... Она повернула голову и с удивлением обнаружила руку ловца на своем плече.

— С собачкой будут хорошо обращаться, — заверил Рихард.

— Значит, ты не себе...

Они продолжили обсуждать судьбу неведомого песика, и Карна вскоре потеряла нить разговора, потому что рука Рихарда сдвинулась выше и теперь медленно гладила ее шею.

— Может, вам все же комнату? — предложила вдруг Роуз, а Карна поняла, что так и не оттолкнула его руку, а вместо этого прикрыла глаза, наслаждаясь неторопливой лаской. Она повернулась к Рихарду. Черные глаза, мягкие губы... Мягкие ли? Роуз куда-то исчезла, и Карна сама качнулась вперед, только чтобы проверить...

— Нет, — сказал Рихард, отстранившись. — Ты меня после этого живьем сожрешь, как тот жрун.

— Что? — не поняла она, моргнув.

Ловец отодвинулся, и ей сразу стало зябко без горячего тела рядом. Она подвинулась следом...

— Это все вино, — сказал он. — Роуз добавляет туда немного сердечника. Самую малость.

— Что? — повторила Карна, не понимая.

— Ты хочешь меня поцеловать, потому что выпила возбуждающее средство, — пояснил он и виновато улыбнулся.

Она замерла, переваривая информацию, а потом метнулась на другой конец дивана.

— Почему ты не предупредил? — пискнула она. О боги! Она что, действительно хотела? С ним?

— Не думал, что на тебя так сильно подействует, — Рихард пожал плечами и повернулся к двери, куда ушла Роуз. Он сцепил пальцы в замок и нетерпеливо постукивал пяткой, будто надеясь ускорить возвращение мадам.

— Но сам-то не выпил! — упрекнула она его.

— На меня бы это так не повлияло, — сказал он и посмотрел на нее. — Обиделась, что я привел тебя в бордель? Предупреждал ведь — тебе здесь не место.

— Я не обиделась, — ответила Карна и поняла, что это действительно так. Она неуверенно улыбнулась. — Это даже интересно. В институте мы обсуждали с девчонками, как должен выглядеть бордель.

— Похоже?

Карна кивнула. Ей хотелось спросить, часто ли он тут бывает, и она прикусила себе язык, чтобы не сболтнуть лишнего.

— Аббатиса была какой-то другой в воспоминании, — сказала она вместо этого. — Вернее, все было точно так же, но словно изменились оттенки. Она была такая строгая, правильная, монолитная, как скала. А в воспоминании стала мягче, и эти царапины на обоях... У нее есть кошка?

— Да, старенькая уже, должно быть. А может, завела новую...

— Она врала насчет кодекса? — прямо спросила Карна.

Рихард вздохнул, и Карна медленно кивнула.

— Я не обижу тебя, — пообещал Рихард. — До меня дошло. Со второго раза, правда, но я не безнадёжен.

Он улыбнулся, как нашкодивший мальчишка, и вдруг показался очень привлекательным: волосы его снова растрепались, а улыбка вышла такой озорной и хорошей. И Карне захотелось снова пересест поближе, чтобы чувствовать тепло его тела, и неторопливую ласку...

— А вот и наша Фифи, — радостно объявила мадам Роуз, внося в комнату собачонку. — Кто бы мог подумать, что ты сегодня станешь самой дорогой девочкой, а?

Она потерела треугольные ушки собачки, а та твякнула что-то в ответ и выпучила и без того большие глаза.

Передав Фифи в руки спутницы ловца, Роуз улыбнулась и сама закрыла за ними дверь. Вечер начался на редкость удачно. Мало того, что она сплывала с рук собачонку, которая вызывала у нее лишь жалость и воспоминания о не самом приятном клиенте, так еще и за Харди было радостно на душе. Он сложный, конечно, и не каждая потянет такую степень открытости. Она бы точно не сумела построить отношений с мужчиной, способным увидеть всю ее подноготную. Роуз невольно поежилась, словно от озноба. Такая, как Карна, ему и нужна: красивая, правильная, женственная, но со стержнем... И как Рихард ее обнимал: осторожно, будто боясь спугнуть. Если бы он не был так увлечен своей спутницей, то наверняка не отвалил сорок шендеров за собачонку, за избавление от которой она и сама была готова приплатить.

— Роуз, — окликнул ее мужчина от одного из столиков, и она с готовностью подошла.

— Здравствуй, дорогой, — профессиональная улыбка осветила ее лицо, хотя этот клиент ей не особенно нравился. Нет, он не имел каких-то извращенных пристрастий, и девочки охотно его обслуживали, но как человек он был ей неприятен. К сожалению, личная симпатия в ее бизнесе — непозволительная роскошь.

— Это ведь ловец только что ушел? — спросил мужчина. — А кто это с ним?

— Ты ведь знаешь, я храню секреты клиентов, — пожала Роуз плечами. — Иначе и сам бы перестал сюда ходить.

— Шикарная, — протянул он задумчиво. — Работает на тебя?

— Нет, — улыбнулась Роуз. — Она несомненно красива, и кому-то с ней повезет. Но кому-то одному, понимаешь?

Она интимно погладила широкое плечо мужчины, обтянутое синим сукном полицейского мундира, и отошла.

Карна молча шла рядом, держа его под локоть. Собачку она спрятала под плащ и прижимала ее к груди другой рукой.

Он ждал, что в борделе Карна закатит очередную истерику. Собственно, ради этого он и взял ее с собой — мелкая месть за взбучку, которую она устроила ему после ужина. Но Карна снова его удивила. В первые минуты она явно была в шоке, а ее синие глаза стали на пол-лица, но никаких нотаций не последовало. Может, посчитала, что для него бордель — это нечто само собой разумеющееся и нечего перед ним разоряться. Хотя он не любил пользоваться продажной любовью и чаще платил за воспоминания. К сожалению, девочки мадам Роуз охотнее соглашались продавать тело, чем душу.

А как она трогательно жалась к нему, будто в поисках защиты, и потом, на диване, уже по другой причине... И ее белая шея, которую хотелось то ли исцеловать, то ли сжать посильнее... Он думал, Карна гневно оттолкнет его руку и обольет очередной порцией словесных помоев, а вместо этого она явно поплыла: губы приоткрылись, глаза затуманились, и если бы он был понастойчивее... Взять у Роуз сердечника, что ли, это сделало бы его жизнь куда приятнее.

— Рихард, я слегка не уловила твой замысел, — сказала Карна. Она споткнулась и прижалась к нему сильнее, так что он почувствовал мягкое прикосновение ее груди к своему предплечью. — Ты что, хочешь заменить собак? Но у тебя же не выйдет! Каждая собака уникальна для своего владельца. Он сразу заметит подмену!

— У меня есть шикарная отговорка: в собаке была навь, это не могло пройти бесследно. Животное изменилось, — коротко ответил он.

— В собаке навь? — взволнованно переспросила Карна, подняв к нему лицо.

— В общем, дело такое, — нехотя начал он. — Вилмос Грох позвал меня в свой особняк, чтобы я прогнал навь, подселившуюся в собачку его любовницы.

— Это ведь невозможно! — воскликнула Карна.

— Возможно, — ответил Рихард. — Но сложно и очень неприятно. Я делал это однажды. Тогда навь вселилась в ребенка.

— Навь не может занять тело живого человека.

— Мальчик болел, его лихорадило, он бредил и был практически без сознания, так что навь воспользовалась его слабостью.

Рихард невольно поморщился от воспоминаний: хрупкое, взмокшее от пота тельце оказалось нечеловечески сильным, и он едва смог уломать его и связать, чтобы заглянуть наконец в глаза...

— Но ты ведь мог отказаться, — сердито сказала Карна, — вместо того, чтобы обманывать.

— Вилмос надавил на меня. Он знает о том, что я завалил проверку.

— Но если он поймет, что ты его одурачил, то наверняка захочет отомстить и раскрыть твой секрет!

— Он не хочет огласки, — сказал Рихард. — Бойтся, что жена узнает о любовнице. Ему выгоднее поверить, что Фифи — это Жожо, и убедить в этом Мирабеллу. А иначе я тоже могу доставить ему неприятности.

Какое-то время Карна шла молча, обдумывая его слова. Улицы были пусты, и лишь пару раз им встретились караульные. С реки тянуло сыростью, и Карна вскоре подняла воротник своего плаща, чтобы защититься от промозглого ветра.

— Жалко Жожо, — сказала она наконец.

— Ты ее даже не видела ни разу, — заметил он. — И я, кстати, тоже. Жрун сидит в ней больше недели. Собаку не спасти, это факт. Она уже необратимо изменилась.

Он остановился у тяжелых ворот, которые были слегка приоткрыты. Щербатая луна заливала холодным светом и дорожки, и фонтан, а красные листья казались совершенно черными.

— Подожди меня здесь, — сказал Рихард, и Карна испуганно вскинула на него глаза. — Я убью жруна и вернусь за тобой. Подменим собаку — и делов.

Он шагнул прочь, но Карна вцепилась в его рукав.

— Что? — спросил он и глянул на ее судорожно сжатые пальцы. — Хочешь поцеловать меня на прощанье?

— Ой, проваливай, — буркнула Карна, оттолкнув его прочь. Фифи высунула мордочку из горловины плаща и сердито засопела.

Ухмыльнувшись, Рихард пошел по дорожке к особняку. Решетки на окнах на месте — отлично. Ключ, который вручил ему Вилмос, легко повернулся в замке, и дверь открылась без скрипа. Но когда Рихард вошел, то волосы на его затылке зашевелились. По дому полз гнилостный запах тьмы, удушливый, мерзкий. Жрун был заперт на третьем этаже, и если бы оставался там, то так сильно не воняло.

Рихард не стал включать свет — ночью он видел немногим хуже, чем днем. Прищурившись, заметил темный туман, тянущийся в боковой коридор. Расстегнув пальто, аккуратно повесил его на вешалку, достал пистолет и взвел курок. К запаху гнили добавился аромат копченостей — жрун выбрался и, конечно, отправился на кухню. В глубине дома что-то упало и разбилось, послышался рык, чавканье. Держась у стены, Рихард медленно пошел по коридору и остановился у сорванной с петель двери.

Кухня походила на поле боя: развороченные мешки с крупами, сорванная вязанка лука, обглоданные кости — вроде бы свиные, и все присыпано мукой. Жрун доедал окорок, обнимая лапами желтоватую кость и вгрызаясь зубами в плотное мясо, и у Рихарда едва не вырвалось ругательство.

Жрун был заперт несколько дней и не ел, так что не успел растолстеть, но все, что сожрал, перешло в мышцы и трансформацию тела. Мирабелла бы не узнала свою Жожо, теперь это была тварь размером с хорошего волка. Вытянутая пасть, полная желтых зубов-иголок, напоминала крокодилю, а следы от загнутых когтей исполосовали весь каменный пол.

Тонкие до прозрачности уши вдруг развернулись в сторону Рихарда, тварь повернула морду и сглотнула. Кусок окорока застрял над розовой ленточкой, перетягивающей костлявую шею, а потом с трудом протиснулся ниже. Рихард почувствовал холодок, пробежавший по позвоночнику: пасть жруна медленно растянулась в стороны, оголяя тонкие желтые зубы. Он улыбался!

— Ловец, — голос звучал глухо и низко, будто из-под земли. — Наконец ты пришел.

Карна стояла у ворот, костеря ловца, на чем свет стоит. Сначала он влез ей в голову, потом отвел в бордель и теперь вот бросил одну и в темноте. Фифи — теплый комочек у груди — не в счет. Особняк Гроха находился на возвышении, и город мерцал внизу редкими квадратами окон и рядами фонарей, обрывающимися у черной реки. Карна тоже стояла у фонаря, окруженная желтоватым коконом света, а вокруг была тьма, живая и полная теней. И чем дольше Карна вглядывалась в ночь, тем сильнее ей казалось, будто оттуда тоже кто-то смотрит, изучает, крадется... Что-то хрустнуло позади — будто камешек под чьей-то лапой, вдали взвыла собака — резко, отчаянно, как от боли. Фифи высунула мордочку и тихо заскулила, причмокивая и посвистывая.

— Там кто-то есть? — шепотом спросила Карна и подпрыгнула на месте от шума крыльев сорвавшейся с куста птицы. Сердце зашло точно как та птица, между лопатками выступил пот, несмотря на то, что Карна давно продрогла.

— Нет бы, взять экипаж, — пробормотала она, скользнув в приоткрытые ворота. — Поехать, как приличные люди... Хотя приличные по борделям не ходят.

С каждым шагом по дорожке, усыпанной белыми камешками, ей становилось легче и спокойнее. Жрун — простейшая навь, ловец сам так сказал. У него таких жрунов было... Она попыталась вспомнить цифру в итоговом отчете... Если Жожо одной породы с Фифи, то самым сложным будет ее поймать. Маленькая безобидная собачка, жаль, что это с ней произошло. Может, ловец все же сумеет прогнать навь из песика.

В доме вдруг раздался рев, от которого в небо взмыла целая стая птиц, ночующих в кронах деревьев, а следом прогремел выстрел.

Карна бросилась вперед, распахнула дверь, окунувшись в еще более плотный мрак, чем на улице. Сделав несколько шагов и пошарив по стене, щелкнула выключателем и застыла. Кошмарная тварь с пастью, полной желтых игольчатых зубов, смотрела на нее одним глазом. На месте второго зияло дымящееся отверстие, которое сочилось вязкой черной жижей. Розовая ленточка, усыпанная блестяшками, туго сдавливала тощую шею. Быстро перебирая непропорционально короткими лапами, жрун засеменял к ней, двигаясь как-то боком и оставляя когтями царапины на блестящем паркете. Карна заорала, отпрянула назад, вжавшись в стену, и зажмурилась от ужаса. По груди потекло что-то теплое, и она поняла, что Фифи тоже очень испугалась. Но через мгновение, когда зубы твари так и не сомкнулись на ее теле, Карна отважилась открыть глаза.

Ловец сидел верхом на монстре, бывшем когда-то собакой. Согнув руку, он локтем сжимал хрящеватую шею твари, перетянутую нелепой розовой лентой, а другой рукой, раз за разом, вонзал в ребристый бок кинжал. Жрун хрипел, клацал зубами и метался по всему холлу: оттолкнулся от стены, содрал красивые обои с кремовыми розами, разбил фарфоровую подставку для зонтиков. Черная кровь толчками выплескивалась на паркет. Подпрыгнув, жрун повалился на спину, придавив Рихарда, вывернул шею, чтобы достать зубами до его лица. Карна всплеснула руками, огляделась. Забытая в панике Фифи шмякнулась из-под плаща и юркнула в чей-то сапог.

Заметив пальто Рихарда на высокой одноногой вешалке, Карна толкнула ее вниз. Вешалка с грохотом упала на серое пузо, переплетенное черными венами, тварь утробно взревела, а заодно и ловец — один из рожков попал ему по бедру, так неудачно показавшемуся из-под жруна.

— Иди отсюда! — выкрикнул ловец, и Карна послушалась. Вот только побежала не на улицу, а в коридор, на полу которого заметила пистолет. Повернувшись, она навела короткое дуло на жруна и нажала спуск.

Ничего не произошло, лишь Рихард выругался так грязно, что уши Карны заалели. Он ерзал в черном месиве, размазывая его спиной, уперся ногами в стену, оттолкнулся и вывернулся из-под жруна. Тот тоже перекатился на живот, спихнув вешалку когтистыми лапами, но ловец снова запрыгнул сверху. Схватив и приподняв вешалку, долбанул ею по хребту монстра. Раздался хруст, от которого у Карны вздрогнули руки, она выронила пистолет, и тот, упав на пол, выстрелил. Хрусталь осыпался с люстры блестящим дождем. Карна вскрикнула. А Рихард, схватив пистолет, всадил одну за другой три пули в лоб жруна. Сунув пистолет за пояс, слез с обмякшего тела, схватил за загривок и приподнял, так что потухающий глаз оказался напротив его лица. Жрун оскалил зубы, и Рихард ударил его кулаком по морде, еще и еще, пока тот не перестал дергаться.

— Я вижу тебя, — сказал Рихард и, вынув кинжал, вонзил его в грудину твари. Кристалл, вправленный в рукоять, вспыхнул, осветив холл, и погас.

Карна молчала, потрясенно глядя на то, как монстр съеживается, превращаясь в нечто бесформенное. Черная лужа быстро высыхала, становясь просто грязью вокруг комка плоти и шерсти.

— И ты берешь за это десять шендеров? — спросила она наконец. — Рихард, тебе мощно недоплачивают.

Карна держалась молодцом: бледная, растерянная, на плаще какое-то мокрое пятно, а на лбу свежая царапина — по-видимому, от люстры, разлетевшейся хрустальными брызгами, но в обморок не падает — и на том спасибо. Она вытащила Фифи из сапога в углу и прижала к себе как родную.

— Мы так испугались, — доверительно сообщила она.

— Да ты что! — язвительно удивился Рихард. — Может, надо было послушаться и подождать меня у ворот? Как считаешь?

Карна вздохнула, виновато отвела взгляд и что-то пробубнила себе под нос.

— Громче повтори, — попросил он, — а то после выстрелов, люстры и твоих воплей я слегка оглох.

— Я боюсь темноты, — отчетливо сказала она. — Когда я там одна.

— Вроде не маленькая, — проворчал Рихард. — Ладно. Все живы, и даже Фифи уцелела...

Он вынул из кармана платок, вытер Карне лоб и стал расстегивать ее плащ.

— Что ты себе позволяешь? — возмутилась она, оттолкнув его руку.

Рихард посмотрел на нее угрюмо.

— Слушай, давай уже прекращай это. Ты только что была в борделе и могла сама убедиться, что женские прелести — не такая уж редкость.

— Ты сравнил меня со шлюхой? — ахнула она.

— Принципиальных различий между вами нет, в физическом плане.

Пока Карна хватала ртом воздух, он быстро расстегнул ее плащ до конца и потрогал пятно, расплывшееся по блузке, потом понюхал пальцы.

— Что за...

— Это Фифи, — буркнула Карна.

Рихард широко ухмыльнулся и потрепал собачку по макушке, а Карна схватила его за запястье.

— У тебя кровь! — воскликнула она.

— Жрун задел, — ответил он, присаживаясь у останков твари и цепляя пальцами розовую ленточку ошейника, усыпанную блестящими камешками. — Обычно они толстые и медлительные, а этот из-за голодухи вырос в машину для убийства.

— Тебе надо обработать раны, — Карна ссадила Фифи на пол и подошла к Рихарду.

— Вот вернемся домой, и обработаю, — равнодушно ответил он. Поймав Фифи, подтащил к себе и быстро повязал ей на шею ленточку. — Вот, теперь ты Жожо...

— Жрун мог нанести тебе серьезные увечья!

— Больше всего меня беспокоит нога, на которую ты повалила вешалку.

— Я хотела помочь.

— Я так и понял.

— Правда, Рихард, дай я тебя осмотрю, я умею оказывать первую помощь, в институте нас учили. Могла попасть инфекция

Она суетилась вокруг него со слезами на глазах, и Рихард, поднявшись, снисходительно кивнул, лишь бы она успокоилась.

— Ты права, — сказал он. — Пойдем, поможем.

Дорогу в кабинет Вилмоса он помнил и, войдя в помещение, обшитое резными дубовыми панелями, направился к бару, откуда вынул хрустальный графин и два стакана. Плеснув в оба стакана янтарной жидкости, взял один и отпил глоток. Горло обожгло — он редко пил и не любил алкоголь. Жрун оказался здоровенным и быстрым — это полбеды. А вот то, что он говорил с ним... Рихард

сделал еще глоток. Может, ему показалось. Или что-то изменилось на той стороне грани, или он сходит с ума — оба варианта так себе.

— Надо снять рубашку, — сказала Карна, нахмутив брови. — Рихард, да у тебя же весь рукав в крови!

Он убрал стакан и потянулся к пуговицам, но она его остановила.

— Подожди, дай лучше я, вдруг у тебя серьезные повреждения.

Рихард присел на стол, наблюдая за женщиной. Ее губы слегка дрожали, глаза влажно блестели — похоже, запоздалая реакция. Тонкие пальцы заплетались, едва справляясь с пуговицами, слезы все же потекли, и он осторожно привлек Карну к себе, обнял и погладил по спине здоровой рукой.

— Все хорошо, — тихо сказал он. — Все закончилось.

Смахнув слезы, она оттолкнула его, вздернула подбородок вверх, и Рихард невольно улыбнулся, уже догадываясь, что за этим последует.

— Если это такой хитрый план: напугать меня навкой, а потом утешить, то спешу сообщить — ничего у тебя не выйдет! — заявила Карна.

— Ты сама решила пойти со мной, — возразил он. — Может, хотела, чтобы я тебя спас, а ты меня потом отблагодарила? Если что, я не против.

— Вилмос отблагодарит.

Слезы у нее больше не текли, а пальцы двигались проворно и уверенно. Она расстегнула пуговицы на его рубашке и помогла ее снять. Левая рука на самом деле выглядела скверно. Всего лишь царапины, но крови натекло много.

— Не ожидал, что ты все же разденешь меня сегодня, — поддел он ее.

Карна повернулась к бару: взяла салфетки, бумажные и тканые, нашла носовые платки.

— В институте благородных девиц у нас была медицинская практика. Мы работали сестрами милосердия в богадельнях и приютах для нищих. Так что сейчас я не рассматриваю тебя как мужчину. Ты пациент.

— Сейчас не рассматриваешь, а раньше, выходит, рассматривала? — ухмыльнулся Рихард.

Она вытерла кровь на его плече салфеткой, а потом взяла второй стакан и плеснула виски прямо на царапины.

— Что ты творишь? — выкрикнул он. — Где твое милосердие?

— Это называется дезинфекция, — сказала она поучительно, промокая рану.

— Это называется пытка, — сказал Рихард, отдышавшись. — Давай как-то аккуратнее.

— Какие мы нежные, — проворчала Карна.

Она перетянула его руку полотенцем — слишком туго, но он не стал возражать, обработала сбитые костяшки на правой кисти, потом переместилась за спину, и Рихард постепенно расслабился: иногда кожу пощипывало, наверное, слегка ободрался, пока ерзал под жруном, но в целом было терпимо и даже приятно. Слишком приятно. Так что Рихард невольно порадовался, что Карна занимается лишь спиной.

— Встань, надо снять штаны, — заявила она, появившись перед ним и бросив окровавленные салфетки в урну под столом.

— Может, не надо? — неуверенно возразил Рихард.

— Ты ведь сам сказал, что больше всего пострадало бедро. Я должна взглянуть.

— Уже почти не болит...

— Рихард, ты нуждаешься в медицинской помощи. Я видела мужчин и раньше и знаю, как они устроены. Ничего принципиально нового в тебе нет, поверь.

Он хмыкнул, привстал со стола и потянулся к ремню.

— Нет, я сама, тебе нельзя тревожить руку, чтобы кровь снова не пошла, — сказала Карна и взялась

за ремень на его брюках.

— Жмыха мне в печень, — пробормотал он себе под нос, изо всех сил стараясь думать о чем-то отвлеченном: о грядущей проверке, задолженности по налогам, покосившемся заборе позади дома...

Нежные пальчики коснулись его живота, потянули вниз штаны.

— Ого, — произнесла Карна, опускаясь на колени. — Какой огромный...

Рихард быстро глянул вниз. Карна, нахмурив брови, изучала кровоподтек на его бедре — к слову, не такой уж большой. Он тут же зажмурился, но образ женщины, стоящей перед ним на коленях, не таял, хоть ты тресни. Влажная салфетка, смоченная виски, прошла по его бедру. Он приоткрыл один глаз, посмотрел вниз.

— Очень больно, да? — пробормотала она, разглядывая его бедро и осторожно промокая его салфеткой, а затем вытянула губы трубочкой и подула.

— Все, уже ничего не болит, — заявил он, быстро подтягивая штаны, и поворачиваясь к Карне спиной.

— Точно? — засомневалась она, выпрямляясь.

— Да, ты очень помогла, — сказал он, заходя за стол и садясь в кресло.

— В институте благородных девиц мне часто говорили, что лечить — мое призвание, — похвасталась она.

— Ты отлично дуешь на ранки, — подтвердил он. — Уверен, в богадельнях не могли не оценить твой талант.

Карна укоризненно посмотрела на него и вновь открыла бар. В нижней его части нашла небольшой ледник и металлическое ведерко с совком.

— Знаешь, Августина была права, — сказал Рихард, наблюдая за тем, как она набирает в ведерко колотый лед. Такая сосредоточенная и серьезная, что даже забавно. — Ты не должна уходить в монастырь.

— Я не интересовалась твоим мнением по этому поводу, — заметила Карна. — И не поинтересуюсь. Как по мне, твоя жизнь тоже не идеал. Кто в здравом уме захочет стать ловцом?

— Меня не спрашивали... — невесело усмехнулся он. — А ты была счастлива в браке?

— Да. Хоть это тоже не твое дело, — ответила она. Смочив салфетку в талой воде, попыталась оттереть пятно на блузке, и та плотно прилипла к телу, очертив высокую грудь.

— Так зачем же отказываться от удовольствий, которые в монастыре окажутся под запретом? — вкрадчиво спросил Рихард, наблюдая за ней. — Ты ведь можешь выйти замуж еще раз. Или не выходить, а просто...

Карна расстелила на столе полотенце, высыпала на него лед, а затем свернула, так что получился холодный компресс.

— Я видел, как ты реагировала на меня. Там, в борделе... Тебе явно нравилось, — продолжил он.

Она подошла и плюхнула полотенце со льдом ему на бедро, и Рихард невольно ахнул от холода.

— Ты и вправду начинаешь ворковать как голубь, когда пытаешься флиртовать, — усмехнулась она. — Пойду поищу Фифи.

Карна скрылась в коридоре. А Рихард, уныло посмотрев вниз, переместил компресс со льдом немного выше.

К тому времени, как она вернулась, прижимая Фифи подмышкой, ловец успел одеться. Хорошо, что он любит черный цвет — на нем не заметна кровь. А может, именно поэтому он так и одевается: с учетом издержек профессии. Теперь его плечи и волосатую грудь скрывала рубашка, и Карна с облегчением выдохнула. Она не соврала, когда сказала, что видела мужчин и раньше, но, ни в богадельнях, ни в приютах для нищих такие спины не водились: с крепкими, словно вылепленными скульптором мышцами, широкими лопатками и теплой гладкой кожей.

Рихард развел огонь в камине и жег в нем окровавленные салфетки. Полотенце, которое она использовала для компресса, висело на спинке стула возле камина и исходило паром.

— И какой у нас план? — спросила Карна.

Она отпустила Фифи на пол и прошла вдоль книжного шкафа, трогая корешки наугад: все красные с позолоченным шрифтом. Похоже, Вилмос покупал книги, ориентируясь исключительно на цвет обложки: Карна нашла несколько абсолютно одинаковых изданий истории Рывни.

— Надо прибрать останки жруна, дожждаться Вилмоса, всучить ему Фифи под видом Жожо и получить вторую часть гонорара, — ответил Рихард. — Может, все же пойдешь домой? Я схожу, найду Уго в патруле, он тебя проведет.

— Нет, вдруг тебе станет плохо от потери крови, — отказалась Карна, вытянув тут самую историю города. Лучше уж она проведет ночь тут, в компании ловца, чем пройдет хоть пять метров с его другом-свиньей.

Собачка цокала коготками по кабинету, подняв мордочку кверху и будто нюхая воздух — ничего общего с тем ужасным созданием, от которого в холле осталась лишь грязная лужа. Рихард нашел в столе початую пачку с крекерами. Бросил печеньку на пол, и Фифи тут же набросилась на нее, урча от голода.

— Совсем ее не кормили в этом твоём борделе, — укоризненно сказала Карна, аккуратно разделяя склеенные страницы книги.

— Он не мой, — возразил Рихард. — И вопреки тому, что ты наверняка обо мне думаешь, я там не такой уж частый гость.

— Я о тебе вообще не думаю, — фыркнула Карна и тут же, сама себе противореча, спросила: — А почему ты должен был стать ловцом?

Потянувшись, она взяла со стола пачку крекеров, и Фифи тут же подбежала к ней. Рихард молчал с минуту, и Карна уже решила, что он не ответит.

— Сейчас в гильдию ловцов принимают почти всех желающих. Требуется физическая выносливость и хоть какая-то смелость. Они не умеют убивать навь: тупо палят из пистолетов, рубят серебром, — ловец нахмурился, так что его темные брови почти сошлись в одну линию. — С простыми навками, вроде жруна, это может сработать. Но вотумы возвращаются снова, пока не получают своё, а высшая навь забирает множество жизней до того, как ее удается упокоить. Раньше было по-другому. Ловцом мог стать человек, который однажды уже перешагнул грань между мирами живых и мертвых. Мальчиков — беспризорников или из бедных семей — топили. А потом откачивали. Тех, кого удавалось вернуть к жизни, учили дальше. Некоторые после этого могли видеть сокровище — вот из них и получались ловцы.

— Какой ужас! — воскликнула Карна.

— Я обошелся без этой процедуры, — слегка улыбнулся Рихард. — И перешагнул грань еще до рождения.

— Как это? Был мертв, еще не родившись?

— Моя мать умерла в родах. Меня достали из мертвого тела, и какое-то время я тоже был мертв, был частью того мира, за гранью. И теперь, когда убиваю его порождение, то убиваю навсегда — оно не является снова. Поэтому Августина и назвала меня одним из лучших, — Рихард достал кинжал и протянул рукоятью вперед. Карна осторожно обхватила ее пальцами.

— Я думала, он больше, — сказала она, поворачивая кинжал и ловя отблески огня, пляшущего в камине. Одна грань кинжала была светлей, чем другая.

— Не в размере дело, — ответил он со странной улыбочкой. — Хотя он довольно большой. Такой кинжал получают ловцы после выпуска из академии. Две грани: живое и мертвое, свет и тьма.

— А кристалл? — Карна прикоснулась пальцем к белому камню, вправленному в рукоять у самого лезвия. — В нем будто клочья дыма.

— Когда я убиваю навь, ее сущность попадает в кристалл, — сказал Рихард, и Карна тут же испуганно отбросила кинжал на стол.

— Тот ужасный жрун в твоём камне?!

— Ему не выбраться, — Рихард подмигнул ей и спрятал кинжал в ножны на поясе. — В твоём институте благородных девиц учили мыть полы?

Оказалось, что не учили. Какое-то время Рихард наблюдал за тем, как Карна развозит грязь по полу, но потом отобрал у нее швабру и сделал все сам. Останки жруна собрал в совок и бросил в камин. Горел он ярко, но кабинет пришлось проветрить. Осколки люстры и вазы Рихард смел в угол, а пулю, застрявшую в потолке, вынул с помощью стремянки, найденной под лестницей, и спрятал в карман.

— Если Вилмос будет спрашивать, скажем, что все так и было, — пояснил он. — Мы пришли, а жрун уже выбрался и разнес полдома. Кто-то убрал серебряные вилки, которые лежали под дверью и отпугивали жруна. Знать бы зачем...

— Может, чтобы ты их не спер, — невинно предположила Карна.

— Может, и так, — не стал спорить Рихард. — В общем, наша легенда такая: я поймал жруна, посмотрел в глаза, вытянул тьму, и собачка стала прежней.

Вилмос Грох не заставил себя ждать и явился с первыми лучами солнца. Он толкнул дверь дома и замер в холле, осматривая учиненный погром. Осколки люстры и вазы лежали в уголке блестящей кучей, обои свисали клочьями, паркет был весь исполосован царапинами, а один рожок на вешалке сломался и висел, как поникшая ветка.

— Я вычту это из вашего гонорара, — процедил он.

— По какому праву? — возразила Карна, появившись из кабинета. — Это сделал жрун еще до того, как мы появились в доме. Вы не озаботились тем, чтобы надежно его запереть, и подвергли жизнь Рихарда и мою серьезной угрозе.

— Моя помощница, — представил ее Рихард, выходя следом. — Карна.

Вилмос окинул Карну взглядом и слегка подрастерял свою высокомерность.

— Приношу свои извинения, — сказал он, вынимая из кармана пальто солнечные очки, дужка на которых была обмотана шнурком, и водружая их на нос. — Я не мог и представить, что ловцу помогает дама. Иначе, разумеется...

— Моя Жожо! — в дом ворвалась Мирабелла — в распахнутом розовом пальто с крашеным меховым воротником и крохотной шляпке по столичной моде, протянула руки к собачке, выглядывающей из-за ноги Карны. Схватив песика, покрыла узкую мордочку поцелуями, вымазав ее помадой.

— Она серьезно переволновалась, — доверительным тоном сообщила Карна. — Ей столько пришлось пережить. Возможно, первые дни она будет вести себя немного иначе, даже перестанет отзываться на собственное имя...

— Ну-ка, дай сюда эту псину, — затребовал Вилмос, нахмурившись. — Вы что же, держите нас за идиотов? Посмотри, Мирабелла, у твоей собачонки не было такого пятнышка на хвосте, и шерсть теперь другого оттенка, не такого рыжего.

— Вилмос! В Жожо была навь! — воскликнула Мирабелла. — Конечно, это могло поменять мою крошечку, но это все еще она, я чувствую, мое сердце подсказывает мне.

Собачка, зажатая в декольте певички, вытаращила глаза.

— Ты уверена? — спросил Вилмос, хмурясь.

— Ну конечно! — пылко ответила она. — Тебе только кажется, что Жожо стала рыжее, это все твои очки. Не понимаю, зачем ты надеваешь их при ловце. Тебе есть, что скрывать?

— Ладно, если ты думаешь, что это и вправду Жожо... — пробормотал он. — Пройдемте, я заплачу остаток.

— Рассчитайся с помощницей, — проворковала его любовница, — а я бы хотела уточнить у ловца кое-какие нюансы. Я так волновалась! Моя Жожо не пострадала? Вы были с ней нежны?

Вилмос послушно кивнул и пошел в кабинет, Карна следом. А Мирабелла улыбнулась Рихарду, и он вдруг вспомнил улыбку жруна, увиденную им ночью.

— Хитро, — одобрительно кивнула она. Поставив собачку на пол, слегка подтолкнула ее носком ботинка. — Подменить псину — просто и эффективно. Жрун, я надеюсь, сдох?

Легкомысленная актрисулка исчезла, и теперь перед Рихардом стояла умная и жесткая женщина.

— Жруна больше нет, — обтекаемо ответил он.

— Довольны собой?

— Почему бы и нет? Я всегда горжусь хорошо проделанной работой, — он улыбнулся в ответ, чувствуя, как знакомый холодок недоброго предчувствия впивается иголками в спину.

Мирабелла шагнула к нему, прижавшись большой мягкой грудью, и прошептала на ухо:

— Ты тут не самый хитрый, ловец.

— Вилочки из-под двери убрали вы? — спросил он наобум и посмотрел ей в глаза.

Если в глаза Карны он окунался, словно в чистую воду, то сейчас будто попал в крошево льда и снега, собравшегося у обочины оживленной дороги. Алчность, злоба, похоть и одиночество...

Мирабелла отпрянула и отвела взгляд, и Рихард был этому рад.

— Вы хотели моей смерти? — спросил он. — Почему? Зачем вам это?

— Вышло лучше, чем я надеялась, — ответила она. — Мне не нужна твоя смерть, ловец, живым ты даже полезнее.

Когда Вилмос с Карной вышли в холл, Мирабелла уже снова держала на руках собачку, воркуя над ней, как над утерянным и вновь обретенным младенцем.

— Благодарю, — сказал Вилмос. — Надеюсь, ваши услуги нам больше никогда не понадобятся.

— Всего светлого, — пожелала Карна в ответ.

Рихард помог ей надеть плащ, накинул пальто на плечи, стараясь беречь руку. Открыл дверь, пропуская Карну вперед, а Мирабелла шагнула следом, провожая их, как радушная хозяйка. Вспышки фотокамер ослепили их со всех сторон.

— Расскажите, как вам удалось прогнать навь?

— Собака теперь не опасна?

— Кто ваша помощница?

Карна застыла на мгновение, а потом бросилась за спину Рихарда, но Мирабелла загородила дверь, не давая им вернуться в дом. Она радостно улыбалась, держа собачку у груди.

— Я так благодарна ловцу, — прошептала она. — Настоящий герой! Спас мою Жожо. Рисковал собственной жизнью ради собачки!

— Мирабелла Свон! — выкрикнул один из репортеров. — Звезда театра! Какие отношения связывают вас с Вилмосом Грохом?

Мирабелла кокетливо улыбнулась, выставила плечико и послала в камеру воздушный поцелуй.

Рихард растолкал невесть откуда взявшихся репортеров, посадил Карну в экипаж, на котором, по видимому, приехал кто-то из акул пера, и сказал извозчику адрес.

— Какая первоклассная стерва, а? — воскликнул он, когда экипаж тронулся. На кочке их качнуло, и Карну бросило к нему. Рихард машинально приобнял ее за плечо, но она отстранилась. — Обвела меня вокруг пальца как мальца!

— Кто? — не поняла Карна.

— Да Мирабелла же! — воскликнул он. — Она все это подстроила! Когда жрун молодой, достаточно серебряных пуль. Это мог сделать обычный полицейский. Любой человек, столкнувшийся с навью, попытается от нее избавиться как можно скорее. Но не Мирабелла. Я должен был догадаться! Такая расчетливая стерва ни за что не стала бы рисковать просто так. Эта любую карту превратит в козырную.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — Карна покачала головой. В тесном экипаже, качающемся на разбитых дорогах Рывни, ее мгновенно разморило. Тем более под утро она решила попробовать виски Вилмоса, а все крекеры съела Фифи... — Какие карты?

На очередном ухабе ее снова бросило в объятия Рихарда, и она не стала отстраняться. Было так удобно и тепло, и спокойно...

— Она наплела Вилмосу о своей горячей любви к песику и стала тянуть до последнего, — пояснил Рихард, обнимая ее. — Пока для избавления от жруна не понадобился бы отряд полицейских. Вилмосу не нужна огласка, а там, где много народу, она всегда случается. Он вызвал меня, чтобы сделать все тихо.

— А Мирабелле нужна огласка? — спросила Карна. — Зачем?

— Как зачем? — удивился ее непонятливости Рихард. — Она звезда — этого сезона. Но в спину дышит армия молодых и зубастых. Мирабелла хочет замуж и спокойной сытой жизни. А Вилмос, раз она в него так вцепилась, неплохой вариант. У него серебряные шахты по ту сторону Червы и нет детей. Значит, и прямых наследников тоже. И судя по тому, что Вилмос упрятал свою любовницу в Рывню, жена не станет мириться с его изменами, которые сейчас будут обсуждать все, кому не лень. И уж тем более с ними не станет мириться его тесть, он очень высокого полета. Ради обычной интрижки актрисы столько журналюг не набежало бы. Мирабелла устроила сенсацию с ловцом, чтобы новость наверняка попала на первые страницы.

— Какая пошлость, — вздохнула Карна. — А для тебя будут какие-то последствия?

Рихард помолчал, глядя в окно. Город только-только просыпался и, укутанный утренним туманом, казался чище и красивее.

— Вилмос подумает, что это подстроил я — всех этих репортеров, — тихо сказал он. — Мирабелла сделает все, чтобы он так подумал. Соврет. Вроде, для меня это реклама... Вилмос не слишком-то умен, раз не понял, кого пригрел на груди. И он попытается мне отомстить.

— Он знает, что ты завалил проверку, точно, — пробормотала Карна сквозь сон. — Ну, уволят тебя. Найдешь работу получше.

Рихард насмешливо посмотрел на Карну, но не стал ее разубеждать. Экипаж снова подпрыгнул, и голова девушки сползла ему на грудь. Рихард немного съехал по сиденью, устроил Карну удобнее — она уже заснула и ее ресницы даже не дрогнули. К аромату фиалок добавился легкий запах собачьей мочи, хорошего виски и крекеров. Рихард осторожно заправил за маленькое ушко выбившуюся прядь, погладил щеку с нежным румянцем.

— А ты найдешь другой выход, — прошептал он, глядя на женщину, уснувшую на его груди. — Не монастырь.

Проснувшись, Карна некоторое время лежала неподвижно, рассматривая потолок, слишком серый и низкий. Комковатая подушка давила в шею, язык прилип к небу, а шпилька, которую она не удосужилась вынуть, впивалась в затылок.

Карна приподнялась на локтях и обнаружила, что одета: сил хватило лишь на то, чтобы снять ботинки и расстегнуть несколько пуговиц на блузке, хотя она этого и не помнила. Она уснула еще в экипаже, а потом ловец вроде бы помог ей подняться по лестнице и отвел в спальню... И она сидела на кровати, а он стаскивал с нее ботинки... Нет, это уже ей приснилось, наверняка. Безумная, безумная ночь! Карна снова откинулась на подушки.

Что ж, в монастыре ей будет, что вспомнить.

Бордель, шлюхи, розовое вино... Ласки Рихарда. Зачем он обнимал ее и гладил? Тогда это казалось чем-то естественным и очень приятным. Это все сердечник. Неудивительно, что бизнес мадам Роуз процветает.

Потом жрун — уродливая тварь, лишь отдаленно напоминающая собаку, — хотел сожрать ее, и если бы не Рихард... Но о навке ей думать не хотелось. А хотелось — о ловце. Когда она протирала царапины на его спине, то едва удержалась, чтобы не погладить ее по-настоящему. Тоже последствия сердечника, конечно.

Она сама заставила его раздеться. Тогда это казалось хорошей идеей, и Рихарду действительно нужна была помощь. И, возможно, нужна сейчас! Надо проверить раны, вдруг они воспалились.

Карна быстро повернулась, собираясь встать, и наткнулась взглядом на фотографию. Жгучее чувство вины поднялось от сердца, сдавив горло. Эдмон смотрел на нее с нежной улыбкой, не подозревая, какие дурные мысли одолевали ее этой ночью.

— Прости, — покаянно сказала Карна и неспешно поднялась с кровати. Принюхавшись, поморщилась. Ловец — потом. А сперва — смыть с себя эту ужасную вонь.

Помывшись и переодевшись, она постучала в комнату напротив. Не дождавшись ответа, толкнула дверь и обнаружила только лишь знакомый череп на подоконнике. Окно было беспечно открыто, и белый тюль взметнулся от сквозняка. Карна закрыла дверь и поспешила вниз.

— Рихард? — позвала она.

— Скоро придет, — откликнулась Грета, выходя из кухни. Сегодня на служанке было оранжевое платье с таким аляповатым рисунком, что казалось, будто на нее кого-то вырвало.

— Добрый день, — сказала Карна.

— Не такой уж и добрый, — ответила Грета. — Вот что хорошего произошло с тобой сегодня, скажи?

— Я же только проснулась, — пробормотала Карна, прогоняя непрошеное воспоминание: широкая спина, мышцы под ее пальцами, теплая кожа...

— Весь мир катится в тартарары, и ты тому прямое подтверждение.

— С чего вдруг?

— Тебя не должно тут быть, — ответила служанка, склонив голову к плечу и будто рассматривая Карну белыми глазами. — Это все равно, как если бы река поменяла русло.

— Какое еще русло? — слегка рассердилась Карна. — Да, я не из привычного вам круга, но так сложились мои жизненные обстоятельства. Не волнуйтесь, я скоро уйду.

Грета шумно втянула воздух, а потом покачала головой и вновь пошла на кухню.

— Ты не слышишь, — донеслось оттуда. — Люди глухи и слепы, и когда открывают рот, то несут чушь.

— Вот как вы сейчас, — пробормотала Карна. — Где Рихард?

— Бегает. Потом тренируется с Уго. Скоро придет, — отозвалась из кухни Грета и добавила: — Хочешь овсянки? Тебе надо хорошо питаться. Одежку твою я отчистила, не волнуйся. Воняло знатно. На тебя кто-то пописал?

— Собачка, — проворчала Карна. Она подошла к вешалке и посмотрела на плащ — чистый, сухой и

даже приятно пахнет, не понять — чем. То ли цветами, то ли травой...

— И после этого ты говоришь «добрый день»? — Грета вновь появилась из кухни и изумленно покачала головой.

— Ну, она была маленькая, — улыбнулась Карна. — И теперь плащ не воняет, так что все действительно не так уж плохо.

— Пойдем, выпьешь чаю и заодно расскажешь, как ты так вляпалась, — заявила Грета.

Карна провела рукой еще раз по чистому плащу, разглаживая воротник, и пошла на кухню. Конечно, она не собиралась ничего рассказывать служанке, но постепенно той как-то удалось выудить почти всю информацию. В самых общих чертах.

— Значит, ты овдовела, решила уйти в монастырь, но оттуда тебя выгнали поганой метлой, и даже взятка не помогла.

— Пожертвование! — возмутилась Карна.

— И теперь ты вроде как на испытательном сроке у Харди. Доказываешь смирение и готовность служить, — Грета подперла щеку ладонью и посмотрела на Карну. — Я вся в предвкушении, не терпится это увидеть.

— Вы же слепая, — заметила Карна, прищурившись. — Или нет? Здесь бедно, но чисто. Я не нашла пыли даже под кроватью.

— Зачем ты лазила под кровать?

— А зачем вы врете Рихарду?

— Иначе он перестанет ходить передо мной полуголым, — Грета хитро улыбнулась. — Я, может, только ради этого у него и работаю. Кстати, о Харди. Он просил напомнить тебе об ужине.

Карна ахнула и поискала взглядом часы.

— Уже пять, — сказала Грета. — Я что-то задержалась. Пойду, пока не стемнело, не буду тебе мешать. А то две хозяйки на кухне — к войне. Я, кстати, оценила, что ты умудрилась приготовить ужин и не перемазать при этом всю кухню. Уж не знаю, каково это было на вкус...

— Рихарду понравилось, — с вызовом ответила Карна.

— Сдается, из твоих рук ему бы понравились и картофельные очистки, — хмыкнула Грета. — Ну, я пошла. Береги себя и не отрави Харди. Он мне еще не заплатил за этот месяц.

Карна допила чай — вкусный и ароматный, подождала, когда за Гретой захлопнется дверь, и тут же поспешила следом. Накинула плащ, надела шляпку, взяла сумочку. Осторожно выглянула наружу — Греты и след простыл. Сбежав по ступенькам, Карна пошла вверх по переулку и с облегчением увидела экипаж. Кучер уже ждал ее и любезно открыл дверку, когда она подошла.

— В «Золотой гусь»? — спросил он, и Карна кивнула.

Рихард бежал вдоль Червы, дыхание паром вырывалось у него изо рта, а ноги отталкивались от земли, унося его все дальше от города. Черная река плевалась сыростью в правый бок, сердито шумела. Туман рассеялся, и призрачный лес по ту сторону будто стал ближе. Покачивались ветки, красные листья падали в черную воду, и казалось, что лес истекает кровью.

Мысли Рихарда невольно свернули к его ранам. Царапины уже затянулись и совсем его не беспокоили, а бедро лишь слегка ныло — даже среди ловцов он выделялся повышенной регенерацией. Наверное, стоило сказать об этом Карне, но она так трогательно пыталась о нем позаботиться. Дыхание сбилось, он споткнулся и едва не упал, стоило лишь вспомнить, как она дула на его бедро.

Она ведь была замужем и, значит, понимала, что это выглядело очень провокационно. Но кто их знает, в высшем обществе, как у них между мужем и женой все происходит. Может, все чинно, благородно и исключительно через простынку. И тогда Карна и не подозревает, какую бурю вызвала в его душе, а заодно и в штанах.

На обратном пути она уснула у него на груди, и он всерьез подумывал снять экипаж на весь день, чтобы не будить ее. Но очень хотелось смыть вонь навки и ослабить наконец жгут на царапинах, из-за которого у него онемели пальцы. Так что он все же разбудил Карну, довел ее до спальни и уложил в кровать. Плащ он стащил с нее еще у входа — и она не сопротивлялась. Ботинки тоже снял он, не отказав себе в удовольствии погладить тонкие щиколотки. И когда она лежала на его постели, руки сами потянулись к пуговкам на ее блузке. Ей так будет удобнее, не так тесно, легче дышать... Карна спала как дитя, то ли от усталости, то ли от виски, который она согласилась пригубить ближе к рассвету. Рихард расправился с тремя пуговками — она даже не пошевелилась. Взялся за четвертую — и вдруг почувствовал на себе чужой взгляд. Мужчина на фотографии у изголовья кровати смотрел на него исподлобья и, казалось, скрежетал зубами в злобном оскале. Тяжелые надбровные дуги, короткий нос, нижняя губа оттопырена, как у капризного ребенка — редкий урод. Наверняка ее покойный муж.

Рихард все же прикоснулся к нежному полушарию груди, показавшейся в вырезе блузки, и провел кончиками пальцев до ключиц и еще вверх, по длинной шее. Зря он это сделал. Потому что потом едва смог уснуть, и сейчас сам не знал — то ли он сволочь, что воспользовался ее состоянием, то ли дурак, что не зашел дальше.

Он прибавил скорости и побежал еще быстрее. Ветер плеснул ему в лицо холодными брызгами, погнал волны по черной реке и по желтой траве по левую руку. Рывня осталась позади, с ее узкими улочками, низменными страстями и подлыми актрисулками.

На первых страницах «Вечерней Рывни» уже разместили статью «Вторая жизнь Жозефины». ... Сегодня ночью Рихард Мор, ловец душ, несущий свою благородную службу под патронажем полиции города Рывни, сумел совершить невозможное. Собачка, чье тщедушное тельце заняла навь типа «жрун», снова смотрит на свою хозяйку без желания обглодать ее прекрасное личико. Мирабелла Свон, звезда театра, оказалась в Рывне по велению любви, но могла ли она предположить, что найдет здесь спасение для своей любимицы...

У него могут быть неприятности. Излишнее внимание, сплетни, слухи, недовольство начальства — как минимум. Месть Вилмоса — да, скорее всего. Повторная проверка в сжатые сроки — очень не хотелось бы.

На фотографии в газете Мирабелла улыбалась, прижимая недоумевающую Фифи к своей выдающейся груди. Карна тоже была на фото, смотрела на Рихарда с испугом и держала его под руку. Ее классическая красота притягивала к себе взгляд куда больше, чем кукольное личико актриски. А он сам вышел весьма мерзким типом: губы недовольно сжаты, взгляд угрюмый. Но Карне, похоже, такие и нравятся.

Он побежал еще быстрее, так что кровь застучала в висках, и взлетел по мосту, выгибающемуся над Червой. На середине моста как всегда остановился. Позади остались желтые поля со скошенной травой и город, придавленный тучами, впереди лежал красный лес и гора, держащая небо, а внизу текла Черва, словно граница, разделяющая миры.

На проплешине у кромки леса его уже ждал Уго: он бежал на месте, высоко подбрасывая колени к груди. Черные штаны он закатал, зеленая майка уже потемнела подмышками от пота. Издали искаженные пропорции его тела были особенно заметны: слишком массивное туловище, непропорционально короткие ноги. Но Рихард не обманывался: на коротких дистанциях Уго с легкостью его обгонял. Коричневые волоски густо покрывали руки и голени оборотня, торчали ключьями в горловине майки, так что Уго точно не мерз. Его красное пальто висело на сучке высокой березы, а вязанный берет торчал из кармана.

— Харди! — обрадовался друг и расплылся в улыбке, показав кривые желтоватые клыки. — А я уж думал, ты предпочтешь мне общество прекрасной Карны. Что она обо мне говорила? Ты видел, как она на меня смотрела? Ее глаза пылали огнем страсти, и чем больше я думаю о ней, тем больше уверен — она та самая!

— Нет, — отрезал Рихард, приближаясь к нему. — Она точно не твоя женщина, Уго.

— Ты что, ее уже того?

— Не того и не этого, — рассердился вдруг Рихард, и сам невольно удивился своей реакции. — Она не такая.

— Она как спелый персик, выпестованный солнцем, хрустящий желудь на моих зубах... — с придыханием произнес Уго, не переставая бегать по поляне, вскидывая колени. — Сочный трюфель с дурманящим ароматом...

— С рыженькой не выгорело? — понял Рихард, снимая свитер и тоже вешая его на сук.

— Не дала, — горестно подтвердил Уго. — А скоро полнолуние, и мне бы не помешала женщина, чтоб не усугублять...

— Сходи к мадам Роуз, — посоветовал Рихард. — Я был у нее вчера.

— Я думал, у тебя дело.

— Так и было. Потом. Знаешь Мирабеллу Свон?

— Еще бы не знать! — крохотные глазки оборотня сверкнули. — У нее такие шикарные бедра! Я видел лишь на фото, но мне хватило. Вот у моей Карны задница маловата, но это исправимо. Она отлично готовит, правда? Странно, что такая худая.

— Мирабелла сейчас в Рывне, — сказал Рихард. — Живет в особняке Гроха, в верхней части города.

— Нееет, — протянул Уго и, резко остановившись, развернулся к Рихарду.

— Да, — кивнул Рихард, легонько толкнув его кулаком в плечо. — Так что ты можешь увидеть ее задницу вживую. Там есть на что посмотреть.

Уго дернул носом, прищурил и без того маленькие глазки. Разведя руки в стороны, принялся делать наклоны. Зеленая майка задралась, обнажив плотный живот, поросший бурой шерстью.

— Ты пытаешься отвлечь меня от Карны, — понял он. — Если сам ее хочешь — так и скажи.

— Конечно, хочу, — буркнул Рихард. — Ты же ее видел. Такой у меня не было и не будет.

— Она живет в твоём доме, спит в твоей постели... Соблазни ее. Или станешь ссылаться на кодекс ловцов, которого нет?

— Она какая-то нервная, — неохотно ответил Рихард. — Чуть зайдешь за границы — истерит. А я не могу ее сейчас потерять. Мне нужно пройти проверку.

— Ты выяснил, что ей надо?

— Она хочет уйти в монастырь. Аббатиса отправила ее ко мне в качестве испытания на смирение.

— Монастырь? — удивился Уго. — Теперь я просто обязан удержать ее в мире, где столько удовольствий. Открыть новые оттенки наслаждений! Погрузить в пучины экстаза!..

Он снова выпятил грудь и побежал по поляне.

— Уго... — Рихард растерянно посмотрел на него.

— Ты сам сказал, что не будешь ее соблазнять. Но кто-то ведь должен? — выкрикнул Уго. — Давай, разминайся, сейчас я покажу тебе, кто здесь настоящий мужчина.

Они вернулись, когда солнце наполовину опустилось за крыши Рывни. Плечо Рихарда саднило от пропущенного удара, но от царапин не осталось и следов, да и бедро почти не беспокоило.

На крыльце Уго притормозил и шумно втянул воздух.

— Навью смердит, — сказал он. — Ты что, берешь работу на дом?

— Это со вчерашнего дела, — ответил Рихард, невольно осматриваясь. — Я все пальто изгваздал в черной жиже, что натекла с навки. Надеюсь, Грета его отчистила.

Уго кивнул и толкнул дверь.

— Дорогая, мы дома! — выкрикнул он с порога.

Карна выглянула из кухни, не особо любезно с ними поздоровалась и сообщила, что ужин будет через минут двадцать. Рихард отлучился в ванную, наскоро помылся и переоделся, а когда спустился в гостиную, то увидел, что Уго вальяжно развалился на диване, листая газету.

— Ты вынул журуна из собаки? — удивился друг, показав титульный лист.

— Потом как-нибудь расскажу, — нехотя ответил Рихард. Не то чтобы он не доверял Уго, но тот не умел хранить секреты.

— О, Мирабелла, — простонал тот, разглядывая фотографию. — Знаешь, я, пожалуй, оставлю Карну тебе. Она, конечно, ничего, а рагу ее так и вовсе божественно, но ты погляди на это декольте.

— Ужин подан, — церемонно объявила Карна, появившись в дверях.

— Спасибо, идем, — кивнул Рихард, внимательно на нее посмотрев: красная как помидор, глаза блестят. — На Уго хватит?

— Хватит, — процедила Карна зловещим тоном.

— Что у вас произошло? — тихо спросил Рихард, когда она снова скрылась на кухне.

— Да ничего такого, — отвел Уго глаза. — Харди, она и вправду нервная...

— Что ты ей сказал?

— Ничего особенного, говорю же... Поболтали о погоде, о столичной моде...

— Тебя не интересует мода, — заметил Рихард. — Ты носишь свой берет, похожий на шляпку желудя, с тех пор, как я тебя знаю.

— Его мне бабуля связала!

— Вот именно. Что ты сказал Карне?

— Я предложил ей переспать, — выпалил Уго.

— Что? — воскликнул Рихард. Он сел рядом с оборотнем, вырвал из его рук газету и залепил ею по щетинистому затылку.

— Да не возмущайся ты! — встревожился Уго, отодвигаясь и приглаживая волосы. — Я же не просто так, а за деньги. Пять шендеров!

— Ох, Уго... — простонал Рихард, запустив пальцы в волосы. — Сам факт, да еще так мало... Даже у мадам Роуз дороже!

— Но там ведь работают профессионалки, — резонно возразил тот.

— Вы идете? — спросила Карна, вновь появляясь в дверях кухни и яростно сминая в руках клетчатый передник. — Ужин остывает. Отбивные из филе поросеночка. Нежные, так и тают во рту. С брусничным соусом и запечённым картофелем.

Уго позеленел в тон майки, вскочил с дивана и, схватив берет и пальто с вешалки, выскочил вон.

— Ты ведь ничего не имеешь против свинины? — уточнила Карна.

— Нет, — вздохнул Рихард.

— Прекрасно, — кивнула она, и так резко развернулась в дверях, что ее волосы, собранные в узел на затылке, разметались.

— И похоже, ничего другого мне не светит очень долго, — тихо добавил он.

Ужин прошел в тишине, прерываемой лишь звоном приборов. Карна явно кипела от злости, и Рихард не решался сказать и слова, чтобы не спровоцировать взрыв. Отбивные действительно оказались нежными, соус — с приятной кислинкой, а картошка пахла пряностями и радовала глаз золотистой корочкой. Рихард съел все подчистую и еле удержался от того, чтобы не облизать тарелку.

— Твой друг — свинья, — сказала Карна, когда ее щеки наконец вернули нормальный цвет.

— Да, — не стал он спорить. — Но у него есть и множество положительных качеств: он верный, открытый и добрый.

— И хороший нюхач, я помню, — кивнула Карна, сложив вилку и нож параллельно друг другу. — Есть новости об утреннем происшествии?

— Кроме статьи на первой полосе? — уточнил Рихард. — Нет, но я и не виделся ни с кем кроме Уго. Хочу сходить в таверну, узнать сплетни. Пойдешь со мной?

Карна отпила воды из стакана.

— Ты ведь не любишь оставаться одна и в темноте, — напомнил Рихард. — А сейчас темнеет рано.

— Да, пойду, — согласилась она. — Но ты ведь не думаешь, что это нечто большее, чем просто прогулка?

— Разумеется, нет, — улыбнулся он. — А теперь позволишь посмотреть тебе в глаза?

— Я сама выбираю воспоминание, — напомнила Карна.

— Выбери что-нибудь особенно приятное, — кивнул он, поднимаясь и убирая тарелки. — Момент, когда ты чувствовала себя счастливой. Представь яркую деталь из этого воспоминания, постарайся вспомнить, что ты чувствовала в тот момент, запахи, свет, какие-то мелочи, а дальше я сам.

Карна вздохнула и вытянула руки на стол. Рихард сел напротив, обхватил ее запястья и слегка погладил нежную кожу. Пульс под его пальцами сразу забился сильнее. Темные изогнутые брови, синие глаза в обрамлении густых ресниц — драгоценные камни на светлом шелке кожи — на нее хотелось смотреть и без особых на то причин.

— У тебя очень красивые глаза, — сказал он.

— Спасибо.

— И вся ты очень красивая.

— Какие изысканные комплименты, — ответила Карна. — Может, начнем?

— Я не могу винить Уго, — сказал Рихард, снова погладив тонкие запястья. — Да, его манеры оставляют желать лучшего...

— Он предложил мне пять шендеров! — воскликнула Карна и попыталась выдернуть руки, но Рихард ее удержал.

— Мало, — согласился он.

— Да не в этом дело! — возмутилась она. — Как будто есть какая-то сумма, за которую я бы согласилась... Нет, даже думать об этом не хочу! Зачем ты напомнил?

— Прости, — покаянно сказал Рихард. — Похоже, это становится традицией — каждый вечер просить у тебя прощения.

— Твой друг его не заслуживает, — фыркнула она.

— Ты ведь будущая монашка, — напомнил он. — Где твое смирение и милосердие?

Карна, чуть прищуриив глаза, пристально посмотрела на Рихарда.

— Знаешь, у меня есть одно воспоминание, которое тебе наверняка понравится.

— Хорошо, приступим, — согласился он. — Только сначала глубоко подыши и успокойся, а то у тебя и так пульс частит.

Карна послушно вдохнула, выдохнула, посмотрела ему в глаза.

— У тебя тоже глаза... необычные, — сказала она.

— Ты хотела сказать «красивые»? — поддел ее Рихард.

— Если бы хотела, то так и сказала. Тебе надо воспоминание или нет?

— Давай, — кивнул он. — Яркую деталь.

Ослепительно белый заварочный чайник теплый и тяжелый, возле крышечки выступила испарина. Золотистая струйка течет из тонкого носика в чашку, стоящую на блюде. Белая скатерть, белая посуда. В вазе посреди стола пышный букет белых пионов. На стуле справа — кукла в матросском костюмчике, у нее рыжие, криво стриженные волосы, а глаза зарисованы зеленым. Перед куклой тоже чашка чая, пар поднимается вверх легкой дымкой. Небо ясное, без облаков, и резная крона дуба бросает кружевную тень на террасу.

— Как прошел твой день, Эдмон? — спрашивает Карна. Ее голос совсем детский, но она произносит слова манерно и чуть устало, как взрослая дама. Одна ложка сахара опускается в чашку. Карна размешивает его совершенно беззвучно, кладет ложку на блюдо. — У меня тоже все хорошо, спасибо, что спросил. Занятия отменили, потому что мадам Элоиз приболела. Но я прочитала длинный рассказ и выучила таблицу умножения на шесть.

Чай вкусный и пахнет мятой. В хрустальной вазочке на столе шоколадные конфеты.

— Угощайся, — разрешает Карна. — Они с орешками.

Кукла гаращит на нее замазанные зеленой краской глаза. Внизу слышны голоса, и Карна смотрит через перила. Родители встречают гостей. На маме пышное розовое платье, она обещала, что Карне сошьют такое же. Кто-то заходит в дом, кто-то идет гулять в сад. Вечером прием, и Эдмон тоже приедет вместе со своими родителями.

— Я соскучилась, — доверчиво признается Карна кукле.

Солнечные зайчики пляшут по столу, застеленному белой скатертью, внизу смеется мама, вечером будут танцы, а впереди лето и целая жизнь, и ее счастье такое абсолютное...

Рихард вынырнул из воспоминания. Пульс под его пальцами почти не ускорился.

Карна моргнула, и зрачки ее сузились.

— Чаепитие с куклой, — сказал Рихард. — Мило. Я, правда, надеялся на что-то более волнующее.

— Я была счастлива тогда, — пожала плечами Карна. — Как принято одеваться в таверну?

— На тебя все равно обратят внимание, — ответил Рихард. — Что бы ты ни надела.

Она пошла наверх, а он невольно потер грудь и поморщился, словно от боли. Воспоминание было таким, как надо: светлым, добрым, и действительно дорогим для нее. Он бы и сам не смог выбрать лучше. Но ему отчего-то хотелось плакать, а сердце сжималось от чужой тоски по утерянному, или несбывшемуся.

Газета упала на стол перед мужчиной, и тот недоумевающе поднял глаза на посетителя в запыленном полицейском мундире.

— Не ожидал тебя увидеть... Что это? «Вечерняя Рывня»?

— Не что, а кто. Посмотрите на фото.

Мужчина нацепил на крупный нос очки, висящие на груди на толстой золотой цепочке, приподнял газету и подвигал ее туда-сюда, чтобы найти оптимальное расстояние.

— Мирабелла Свон. Сиськи у нее отличные. Постой-ка, Вилмос ее шпилит? Вот паскуда!

— Женщина за ее плечом, — сказал гость и, не дожидаясь приглашения, уселся в кожаное кресло.

— Не может быть, — протянул мужчина, всмотревшись в фото.

— Я тоже не сразу поверил, но это она. Каролина Кеза. Невеста с навьей свадьбы.

— Что ж... Мы ведь решили оставить ее в живых. Бедняжка не виновата, что ее отец оказался таким упертым ослом.

— Она видела нас вместе. И кое-что еще...

— Ты слишком много мнишь о себе. Твою невыразительную рожу она давно забыла.

— Она-то да, а вот ловец...

Мужчина кинул взгляд поверх очков на своего посетителя и уткнулся в страницы. Иногда его губы

слегка шевелились, а седые брови сдвигались к переносице. Дочитав, он отбросил газету на стол.

— Вот навье дерьмо, — выпалил он в сердцах. — Что ж ей ровно-то не сиделось? Я думал, она отправится на лечение, если не помрет от пережитого. Или уйдет в монастырь... Как ее вообще угораздило устроиться помощницей к ловцу, да еще такому?

— Это может быть опасно, — подтвердил полицейский.

— Он может увидеть ее воспоминания, — кивнул мужчина.

— Сможет узнать нас, понять, сопоставить факты...

Мужчина пожевал нижнюю губу, задумчиво побарабанил толстыми пальцами по столу.

— Кто-то из них должен умереть, — веско произнес он.

— Кто?

Он снова посмотрел на фото. Каролина выглядела испуганной и жалась к суровому мужчине, чей взгляд прожигал насквозь даже с дешевых страниц провинциальной газетенки.

— Без разницы. Решай сам.

В таверне «Пьяный голубь» было немногочисленно и хватало свободных столов, но Рихард отвел ее в самый дальний угол, отгороженный чем-то вроде высокого плетня. На нем рядом сидели чучела голубей, и кто-то определенно был пьян: то ли птицы, то ли таксидермист.

— А почему в Рывне названия ресторанов связаны с птицами? — спросила Карна.

— Ты так хорошо знаешь рестораны Рывни? — тут же поинтересовался Рихард, садясь напротив нее.

— Слышала... — ответила она и пересела левее, чтобы чучело голубя не косило на нее искусственным глазом.

— Здесь подают пироги, начиненные голубиным мясом и вымоченной в спирте клюквой, — задумчиво сказал Рихард, — но я бы тебе не рекомендовал, учитывая, как тебя развезит от спиртного... Может, поэтому так назвали. А еще в птиц не вселяется навь, и с ними связано много добрых примет. Даже их дерьмо — к деньгам. Если хочешь, могу спросить у хозяина таверны, но он то еще трепло. Сходу придумает с десяток историй, в каждой будет фигурировать голубь, и все будут ложью. А вот и он, кстати.

Карна обернулась и увидела массивного мужчину, чье брюхо, казалось, не падает до колен только благодаря толстеньким подтяжкам. Он задержался у столика позади и обратился к посетителям.

— Пива? Вина? Сегодня есть повод выпить, друзья. Слышали новость? — он картавил и шепелявил, и Карна невольно повернулась сильнее, чтобы разобрать его слова. — Наш ловец выкурил навь из жруна. Разодрал ему пасть собственными руками, — хозяин таверны взмахнул пухлыми широкими ладонями, вытаращил глаза и оскалил зубы. Двух передних не хватало, что объясняло и его невнятное произношение, и обильные брызги, летящие изо рта.

— Я читал, что собака осталась цела, — возразил голос за ширмой. — Ловцу незачем применять физическую силу. Он смотрит прямо в душу, как господь бог, и видит все. Он увидел тьму в жруне и испепелил ее взглядом.

— Да что ты брешешь, — возразил другой голос. — Ни черта он не видит. Всех ловцов давно скинули в Черву, а перед этим выжгли глаза. Навье племя. Туда им дорога.

— Наш Рихард — настоящий ловец, старая школа! — горячо возразил первый. — Как думаешь, кто завалил Олафа Златоглазого, что сидел на тракте в Унежу?

В ответ послышался неразборчивый матерный бубнеж, из которого Карна поняла только, что не диво, если Олаф сдох сам.

— Наш ловец это сделал! — сказал первый голос с такой гордостью, будто Рихард ему сын родной. — А когда помер старый Крипша, то ловец посмотрел ему в глаза и рассказал, где тот спрятал горшок серебра. Сын Крипши потом всех угощал в этой самой таверне!

— Что ж твой ловец не убьет жмыха, что сидит у кривого моста уже который год?

— Сидит, да и сидит. Что он тебе, мешает? По кривому мосту все равно никто не ездит!

— Так потому и не ездит, что нема дурных!

— А я слышал, — третий шептал, но Карна расслышала все, потому как сидел говорящий сразу позади нее, — что ловцу мало посмотреть в глаза. Чтобы узнать секреты мертвяка, ему надо с ним возлечь. А в полнолуние ловец превращается в нетопыря и летит за Черву, где совокупляется с ведьмами и сосет кошачью кровь.

— Сдурел? — возмутился хозяин таверны. — Так, а ну-ка встали и пошли вон. Ишь, чего удумали, поносить Рихарда в моем честном заведении. Проваливайте, говорю!

Он схватил одного из мужиков за шкуру, тот замахнулся в ответ, и Рихард поднялся с места и шагнул в сторону так, чтобы его увидели.

— Добрый вечер, — сказал он. — Абель, отпусти своего гостя.

В таверне повисла тишина, Абель разжал пальцы, и мужик шмякнулся назад на лавку.

— Рихард! — он попытался обнять ловца, но уперся в него пузом и в итоге лишь похлопал по плечу.

— Давно не видел! Наслышан, знаю, весь в делах... Лучшего вина за счет заведения ловцу! — выкрикнул он зычно в сторону кухни.

— Абель, я с дамой, — тихо сказал Рихард. — Давай потише.

Хозяин таверны понятиливо подмигнул, покосился на Карну, потом перевел взгляд на Рихарда и вытаращил глаза.

— Все будет сделано в лучшем виде, — кивнул он и с неожиданной прытью унесся на кухню. За плетнем позади Карны стихли все разговоры.

Рихард сел назад, вытащил чистую салфетку из подставки и вытер лицо.

— Отличный мужик, но плюется как верблюд, — пожаловался он Карне.

— То, что они говорили про ловцов, — она кивнула в сторону ширмы, — правда?

— Я не сплю с мертвяками, — сердито возразил Рихард. — Бредни, распускаемые дурнями.

— Я про Черву и выжженные глаза, — уточнила Карна, невольно сглотнув.

— В моей профессии есть некоторые недостатки, — ответил Рихард, пожав плечами. — Ловцы, обученные в академии, могут видеть воспоминания. А значит — узнавать секреты. Самые тщательно хранимые. Естественно, у некоторых возникает соблазн использовать ловцов в своих целях. Или сделать так, чтобы секрет точно никто не узнал.

— Ты поэтому здесь, в Рывне? — спросила Крана.

— Тебе не нравится наш чудный город? — улыбнулся Рихард. — Но ты права. Здесь действительно дыра, но тут куда спокойнее, чем в столице. Убиваю навь, пишу отчеты, никому не мешаю...

— А если ты не пройдешь проверку? — спросила Карна. — То что? Ты можешь просто уволиться?

— Не бывает бывших ловцов, — ответил он и усмехнулся. — Не волнуйся, я пройду проверку. С твоим-то воспоминанием про чаепитие.

— Рихард, я не знала, что все так серьезно...

— Карна, — он протянул руку и пожал ее пальцы. — Ты сейчас белее чем чайник из твоего детства. Мне, конечно, льстит твое беспокойство...

Она сердито выдернула руку.

— Это обычное милосердие и сочувствие, — сказала она. — Я ведь будущая монахиня, забыл?

Он оперся на локти, сцепил пальцы и положил на них подбородок, глядя на Карну со снисходительным умилением.

— И не надо на меня так смотреть, — фыркнула она. — Хватит с тебя на сегодня воспоминаний.

— Эдмон — так звали твоего мужа? — спросил он.

— С чего ты взял? Так звали мою куклу.

— Дай угадаю, у него были зеленые глаза?

— Это не твое дело, Рихард, — ответила Карна. — Давай каждый из нас будет выполнять свою работу, а потом, когда ты пройдешь проверку, мы расстанемся, сохранив друг о друге теплые, насколько это возможно, воспоминания.

— Ты ведь и сама не хочешь уходить в монастырь, — заметил он, все так же не отрывая от нее взгляд.

— Если бы не хотела, то не согласилась бы на условия аббатисы, которые кажутся мне все более невыносимыми.

— Ты бы могла отправиться в другой монастырь. Кloverхолм — не единственное аббатство.

— Верно, но моя семья долгое время оказывала ему поддержку, и я думала, аббатиса Августина поймет...

— А она и поняла, — кивнул Рихард.

Полнотелая служанка, сама аппетитная как пирожок, появилась из кухни, прервав их беседу, сноровисто расставила тарелки с закусками, бутылку вина, бокалы и зажгла свечу.

— Чего желаете, господин ловец? — спросила она, улыгнувшись, но глядя при этом куда угодно, только не на него.

Рихард вопросительно посмотрел на Карну, но она покачала головой.

— Благодарю, мы ужинали, — ответил он.

Служанка кивнула и ушла назад на кухню.

— Ты красишь губы, — сказал Рихард. — Разве монашки так делают?

— Просто чтобы не потрескались на ветру, — ответила Карна. — У меня чувствительная кожа.

— Ты носишь украшения.

— А потом не буду.

— Ты с детства вбила в свою хорошенькую головку, что должна выйти замуж за Эдмона, и теперь не понимаешь, что тебе делать дальше.

Карна закатила глаза, взяла двумя пальцами поджаренный бутерброд с паштетом и осторожно его понюхала.

— Будто цирковую собачку забыли при переезде, но она продолжает прыгать через забор, хотя ни зрителей, ни дрессировщика нет, — продолжил Рихард. — Аплодисментов не будет. Цирк уехал. Никто не осудит, если ты продолжишь жить.

— Знаешь, что, — ответила Карна, положив бутерброд назад на тарелку, и Рихард улыбнулся и откинулся на спинку. — Для начала сотри со своего лица эту гаденькую всезнающую ухмылку. Вот так посмотришь на тебя — можешь ведь сойти за нормального человека. Может, даже вхожего в приличное общество. Конечно, не благородного происхождения, но, к примеру, разбогатевшего на спекуляциях. По крайней мере, ты умеешь обращаться со столовыми приборами.

— Спасибо, что заметила, — любезно ответил он.

— Но стоит тебе открыть рот — все пропало, — продолжила Карна. — Наглый, невоспитанный, эгоистичный... При встрече с аббатисой я открою ей глаза.

— И что же такого ты ей расскажешь? — поинтересовался Рихард.

— Да хоть про жмыха под кривым мостом. Он и вправду там сидит?

Рихард кивнул, взял бутерброд, забракованный Карной, и демонстративно запихнул себе в рот целиком.

— Отчего ты не убьешь его? — спросила она, глядя на него с легкой брезгливостью.

— Оттого, что мне за это никто не заплатит, — промычал он.

— Но ты ведь можешь?

— Конечно. Но я не благотворительная организация. И Августине о том известно.

— Тогда обсудим с ней твои налоговые махинации, — сказала Карна. — Вилмос Грох заплатил тебе двести шендеров. Интересно знать, сколько из них попадет в отчет.

— Часть денег была возвращенным долгом. Карточным. Это не декларируется.

— Врешь.

— Докажи.

— Тогда расскажу про твою аферу с собачкой, — прошептала Карна, склонившись над столом. — Ты лжец, Рихард.

— То ложь во благо, — ответил он и разлил по бокалам вино. — Попробуй вот эти грибочки в кляре. Тут, конечно, готовят не так вкусно, как тебя научили в институте благородных девиц, но тоже вполне съедобно.

Карна отвела глаза и взяла вилку.

Когда они вышли из таверны, Рихард взял ее руку и положил себе на локоть. Карна не стала возражать. Хоть он и обладал редким талантом выводить ее из себя, но надо отдать ему должное — опереться на него можно. Они молча шагали по узким улочкам Рывни, и Карна подумала, что в пеших прогулках по ночам есть определенное очарование. Воздух был свеж, луна — как фонарь, а звезды, рассыпанные по небу, сверкали бриллиантами чистой воды.

— Да, у Эдмона были зеленые глаза, — сказала она вдруг. — Мы с ним были помолвлены с детства. Но монастырь — это не бзик балованной девочки и не прихоть. Я правда любила его.

— Это не значит, что ты не сможешь полюбить кого-то еще, — ответил ловец.

На следующее утро, когда Карна только-только успела привести себя в порядок и спуститься вниз, за Рихардом прислали экипаж.

— Велено доставить господина ловца немедленно, — сообщил плечистый усатый мужик, окинув гостиную цепким взглядом. На Карне он задержался, а вот от Греты быстро отвел глаза. И не диво: на ней было вчерашнее платье с эффектом рвоты.

— А ты кто такой? — поинтересовалась служанка, выходя вперед.

— Личный слуга госпожи Мирабеллы Свон, — ответил тот.

— Личный слуга, — задумчиво повторила Грета. — Вот служанка — понятно: причесать может, одеть, в ванной подсобить. А какие обязанности у личного слуги?

— Вы часто подсобляете ловцу в ванной? — не остался в долгу мужик. — Рихард Мор! — гаркнул он вдруг во все горло, обратив лицо к лестнице. — Велено передать, что ежели не явитесь немедленно, последствия будут... — он умолк, нахмурился.

— Забыл, что ли, болезный? — заботливо спросила Грета. — Какими они будут? Ужасными? Катастрофическими? Невыносимо мучительно трагическими?

— Непоправимыми, — неуверенно сказал он.

— В этом мире есть мало непоправимого, несмотря на всю его зыбкость, — оседлала Грета любимого конька. — По-настоящему непоправима лишь смерть, и поэтому я спрошу: ты что же, угрожаешь убить Харди, если он не сядет в эту твою колымагу, которую за ним прислали, как за примадонной? — ее голос к концу речи повысился, и усатый отступил на крыльцо, подрастеряв свою уверенность.

— Да иду я, — хмуро ответил Рихард, сбегая вниз по ступенькам.

— Рихард, можно я с тобой? — спросила Карна.

— Сказано доставить лишь ловца, — отрезал усатый. Он подождал, пока Рихард наденет пальто, посторонился, пропуская его вперед и коротко кивнул. — Доброго дня, дамы.

— День не добрый! — выкрикнула Грета ему в спину. — Мир рушится, и мертвые восстают из могил, а...

Дверь захлопнулась, оборвав ее на полуслове.

— А ловец еще даже не завтракал, — закончила она и повернулась к Карне. — Кашу будешь?

— Буду, — ответила та.

Рихард смотрел в окно, разглядывая улочки Рывни, которые по мере приближения к центру становились все шире и наряднее, и вдруг заметил знакомые золотые вензеля.

— Притормози на минуту, — попросил он усача, ехать с которым оказалось совсем не так комфортно, как с Карной. От него несло табаком и ядреным одеколоном, и радовало лишь то, что мужик вовсе не собирался спать у него на груди. Он стукнул в окошко кучеру, и экипаж остановился.

Рихард выскочил на улицу и быстро подошел к стойке с меню, выставленной перед рестораном «Золотой гусь».

— Господин ловец желает отобедать? — осведомился вышколенный официант, блестящий от носков ботинок до напомаженных волос, уложенных крутой волной над узким бледным лбом. И лишь одинокий красный прыщ над переносицей кричал о том, что это все же Рывня, а не столица.

— Какое у вас фирменное блюдо? — спросил Рихард, задумчиво скользя взглядом по строчкам меню.

— Устрицы в винном соусе дивно хороши, — сказал официант и, чуть склонившись, добавил. — Мужчинам очень нравится. Мощный афродизиак.

— На женщин действует или на мужчин? — уточнил Рихард.

— На мужчин, разумеется, — ответил тот.

— Тогда без надобности, — сказал он, переворачивая страницу. — О, пироги. С крольчатиной хорошие?

— У нас все хорошие, — обиженно поджал губы официант. — И с бараниной, и с олениной. Хотя, если по правде, с олениной жестковаты. Заходить будете?

— Я у вас поужинаю, — улыбнулся Рихард.

— Столик на вас записать?

Официант вынул из кармана блокнот, но Рихард уже вернулся в экипаж.

— Так чего там хочет Грох? — спросил он у своего усатого спутника. — Мы с ним рассчитались, претензий я не имею, несмотря на внезапное освещение дела в прессе...

— Вас хочет видеть Мирабелла, — ответил мужик, и то, как он произнес имя хозяйки, заставило Рихарда взглянуть на него внимательнее.

— Она тебя прожует и выплюнет, — сказал он.

Усатый покосился на него и расплылся в мечтательной улыбке. Рихард мысленно выругался и отвернулся к окну. Несмотря на то, что экипаж сделал крюк — далеко не по всем переулкам Рывни можно проехать — до особняка Гроха они добрались быстро.

Рихард прошел по белой дорожке, чувствуя, как хрустят под подошвами ботинок мелкие камешки.

— А Вилмос где? — спросил он у усатого, который шел сзади.

— Укатил в столицу еще вчера.

Рихард кивнул и поднялся по крыльцу.

В холле прибрали: исчезли и осколки, и сломанная вешалка. Обои ободрали подчистую, и пахло свежей шпатлевкой. Только следы от когтей на паркете никуда не делись.

Мирабелла вышла его встречать, и Рихарду пришлось приложить усилия, чтобы не выдать своего удивления. Сегодня на женщине были брюки свободного покроя и тонкая золотистая кофта с длинными рукавами. Светлые волосы она забрала в высокий хвост, а на нос нацепила очки без оправы. Ни оборок, ни макияжа, ни декольте.

— Сегодня вы прекрасны как никогда, — не покривил он душой.

Мирабелла кивнула и пошла в кабинет, не беспокоясь о том, следует ли он за ней. Даже ее походка изменилась: шикарные бедра, мечта Уго, покачивались ровно настолько, насколько необходимо.

Пройдя в кабинет, Рихард опустился на предложенное кивком кресло через стол от Мирабеллы. Дождавшись, когда усатый закроет за ним дверь, женщина подняла на Рихарда глаза и четко спросила:

— Ловец, какого жмыха тут происходит?

Рихард откинулся в кресле, сцепил пальцы в замок, быстро соображая.

— Где собачка? — спросил он.

— Вот именно! — Мирабелла хлопнула по столу раскрытой ладонью. — Где, чтоб тебя жрун разодрал, собачка? Почему я опять получаю чудовище? Я бы поняла, если бы ты не сумел достать навь из Жожо, но мы оба знаем, что это другая псина. Так почему в ней опять жрун?

— Не может быть, — ответил Рихард. — Навь не ходит толпами.

— Миклос! — выкрикнула Мирабелла, и усатый тут же заглянул в кабинет. — Принеси.

В гробовом молчании они дождались, когда усатый явится снова, крепко сжимая спелёнатую, как младенчик, собачку. Она глухо рычала, задрав верхнюю губу и показывая зубы — мелкие, вполне обычные.

— Может, Фифи просто проголодалась, — Рихард встретился взглядом с животным и сразу понял, что ошибся. Тьма была там, медленно выпускала тонкие корешки черного тумана, прорастая, просачиваясь, подчиняя себе...

— Миклос, убери, — дождавшись, пока усач выйдет вместе с собакой, Мирабелла продолжила миролюбивым и мягким тоном, который мог бы обмануть кого угодно, только не ловца. — Я бы

могла убить журуна и сама. Он молод, и пока не особо опасен. Серебряная пуля в голову — и прощай, Фифи, или как там вы ее назвали. Дурацкое имя.

— Не хуже чем Жожо.

— Где вы взяли собаку?

— Профессиональный секрет.

— Там есть еще?

— Нет.

— Плохо, — вздохнула Мирабелла. Она сняла очки и устало потерла переносицу. — Мне позарез нужна лысая свиристелка к завтрашнему утру.

Рихард выжидательно молчал.

— Сами расскажете или мне посмотреть вам в глаза? — не выдержал он.

— Вилмос уехал в столицу мириться с женой и тестем, — на одном выдохе произнесла Мирабелла. Она встала, подошла к бару и вынула оттуда ополовиненный графин с виски. Плеснула в стакан, посмотрела на Рихарда, и тот показал два пальца. — Поэтому я договорилась со столичным репортером о большом интервью, которое должно выйти как можно скорее.

— Чтобы подлить огня, — понял Рихард.

— Интервью завтра, выйдет послезавтра, — она подала ему стакан и вернулась в кресло. — Я расскажу там о моей бедной собачке, которую спас доблестный ловец.

— Фотографии будут отсюда? Из дома Гроха?

— Вы схватываете на лету, — одобительно кивнула Мирабелла. Она отпила виски и даже не поморщилась. — Да, буду с вами откровенна, мне бы хотелось создать образ милой хозяйки дома, которая занимается перестановкой и ремонтом — холл после вас действительно придется переделать. Собачка — часть кадра.

— И госпожа Грох, увидев эти фотографии, взбеленится и не простит супруга.

— Но, если собака станет кидаться на меня, вытаращив глаза и брызжа слюной, красивой картинке не получится. В таком случае я вынуждена буду рассказать о нечистоплотном ловце, который берет деньги и не выполняет свою работу. А заодно упомяну и о проверке, результаты которой отчего-то замалчиваются полицией.

Рихард снова вздохнул и побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Поэтому я спрошу вас снова, — сказала Мирабелла. — Вы знаете, где достать еще одну свиристелку?

— Нет. Я взял ее в борделе. Подарок клиента одной из... дам.

— Надо же, — усмехнулась Мирабелла. — И моя Жожо... У меня нет времени искать собак по столице. Репортер прибудет завтра с утра. Или вы прогоняете журуна, а заодно выясняете, что за навья эпидемия косит лысых свиристелок, или в своем интервью я расскажу о вас все, что знаю, а может даже привру.

— Не сомневаюсь, — буркнул Рихард.

— И, кстати, Вилмос уже оплатил вам спасение Жожо, — добавила Мирабелла, похлопав ресничками и возвращая себе образ куколки-глупышки.

— То есть еще и работать бесплатно, — он поднялся и поставил недопитый стакан. — Я приду ночью.

— Почему? Днем она вроде потише.

— Верно, ночью навь проявляет себя полностью.

— Так может...

— Доставать ее лучше после захода солнца, — отрезал Рихард. — Мы оба — профессионалы своего дела, так давайте не будем друг другу мешать.

Мирабелла улыбнулась. Поднявшись, подала ему руку, и Рихард пожал узкую ладонь, не украшенную ни кольцами, ни перстнями.

Выйдя из особняка, он постоял на крыльце, раздумывая, а потом быстрым шагом направился к Черве, у которой ютился и его дом. Той ночью, когда он подменил собак, что-то явно пошло не так, и он знал, где можно увидеть все снова, прокрутить, словно на пленке кинематографа, только с цветом и звуком, и запахом, — в воспоминаниях Карны.

Дома его ждала лишь Карна. Встревоженная, немного лохматая, но все равно утонченная и соблазнительная даже в юбке до пят и черной блузке, застегнутой на все пуговицы до самого подбородка.

— Грета сказала, что у нее дела, — сообщила она, поставив перед ним тарелку с холодной кашей.

— Мне нужно воспоминание, — сказал Рихард, наблюдая за ее попытками зажечь газ под чайником. — Происходит что-то странное. Два жруна в одном доме — невозможно.

— А если жрун уже был в Фифи? — предположила Карна, когда ей удалось справиться с плитой. — Вдруг мы принесли ее уже с навью? Помнишь, как она ела крекеры?

— Нет, в борделе она точно была нормальной, я проверил, иначе не позволил бы тебе ее нести, — ответил Рихард. — Я хочу посмотреть на события той ночи твоими глазами. Вдруг что-нибудь упустил.

— Выходит, мне надо вспомнить какую-то яркую деталь с той ночи? — уточнила Карна, садясь напротив.

Рихард кивнул и, протянув руку, обхватил ее запястье. Пульс бился чуть быстрее нормального, и грудь вздымалась чаще. Высокая круглая грудь, с молочной кожей, такой шелковистой и теплой наощупь, и чуть заметно проступающими через одежду бугорками сосков.

— Ты вроде должен смотреть мне в глаза? — напомнила Карна, и Рихард быстро поднял взгляд. — Это твой хваленый профессионализм?

— А ты вроде должна быть смиренной и тихой.

— Не тогда, когда ты пялишься на мои... мою... Туда, куда приличные мужчины не смотрят!

— Давай уже вспоминай, — перебил он ее. — Нет сил спорить. У тебя красивая грудь, ты должна бы привыкнуть, что на нее смотрят. И приличные кстати тоже, только тайком.

— Мужлан, — вынесла она приговор.

— Истеричка, — сказал Рихард. — Яркую деталь. Или я влезу в твою голову и сам найду нужное воспоминание, но не обижайся, если в процессе поиска увижу тебя в ванной или справляющей нужду.

Пульс под его пальцами застучал еще быстрее. Рука дернулась, явно чтобы залепить очередную пощечину, но Рихард удержал ее.

— Хам!

— Монашки не ходят в туалет? Карна, правда, у меня еще куча дел.

— Так не отвлекай меня и дай сосредоточиться! И я тебя предупреждала — еще хоть раз влезешь в мои воспоминания без спроса — уйду. И где ты найдешь себе такую помощницу?

— Таковую — нигде, — честно признал Рихард. — Августина подложила мне ту еще свинью — фигурально выражаясь. Я надеялся, приедет какая-нибудь спокойная пожилая женщина, из деревни, с пятком детей и выводком внуков. Она бы показывала мне простые понятные радости: сенокос в закатных лучах, бабочек над лужком, утят на пруду... По вечерам вязала бы и пекла пирожки. А вместо этого я терплю твои придирки и смотрю на чаепитие с кукольным Эдмоном!

— Ничем не хуже утят, — пожалала плечами Карна. — Я однажды была на сенокосе. Ездил с родителями к нашим арендаторам. Если тебе так приспичило увидеть деревенскую пастораль, могу это устроить.

Рихард закатил глаза, а потом снова посмотрел на Карну. Дождавшись ее кивка, окунулся в синие глаза.

Яркой деталью оказалась его собственная спина. Было странно видеть себя со стороны. Он казался шире в плечах, жесткий, взъерошенный. Мышцы на спине бугрились, и рубашка почти трещала, пока он крутился верхом на жруне. Детали воспоминания проносились так быстро: разбитая ваза, вешалка, пистолет на полу... Жрун выбил его из руки, прыгнув сразу после выстрела. Такая быстрая реакция. Он словно знал, что будет дальше.

Серая туша монстра, черные вены. Кровь хлещет из ран, густая и липкая как нефть. Отвратительный запах. Вешалка падает ему на бедро — было больно, но жруну еще больнее. Пожалуй, стоило поблагодарить Карну, он выгадал несколько мгновений. Фонтан осколков, выстрелы — их Рихард не увидел, а лишь услышал, потому что Карна зажмурилась от страха.

Рихард притормозил воспоминание и просмотрел главное очень медленно. Вот он вынимает ритуальный кинжал, смотрит в глаза навке. Тьма была там, голодная, злая. Лезвие входит в сердце, кристалл окрашивается серым туманом, монстр погибает. Все правильно.

Карна напугана, растеряна и смотрит на него... с восхищением?

Рихард вышел из воспоминания и недоверчиво улыбнулся. Зрачки Карны все еще закрывали всю радужку, и Рихард, не давая себе времени на раздумья, приподнялся, склонился над столом и быстро поцеловал ее в губы.

— Что это было? — спросила Карна, приходя в себя. Коснулась пальцами губ.

— Что? — невозмутимо спросил Рихард, сидя на стуле как ни в чем ни бывало. — Я просмотрел твоё воспоминание. Все сделал как надо. Навь в кристалле и не могла оттуда выбраться. Так что в Фифи сидит какой-то другой жрун.

— Нет, после воспоминания... Ты... ничего не делал?

— После разрыва контакта человеку надо время, чтобы прийти в себя, — ответил Рихард. — Он вроде как спит, грезит наяву. Наружу выходят потаенные желания, мечты... А что тебе показалось? Я что-то сделал?

— Ничего, — нахмурилась Карна и встала. — Ешь свою кашу.

Она выключила газ под кипящим чайником, бросила подозрительный взгляд на Рихарда.

— Так что мне придется все же вытащить эту навь, — вздохнул он, потягиваясь на стуле.

— Да уж, — язвительно согласилась Карна. — Мало того, что Мирабелла может усложнить тебе жизнь, так еще и с мадам Роуз испортишь отношения. Ты ведь обещал присмотреть за ее собачкой. Еще откажут тебе от борделя.

Рихард молча улыбнулся, поковырялся в каше.

— А ты умеешь печь пирожки? — спросил он.

— А не слишком ли много ты хочешь, за тридцать шендеров?

— Моя селянка с уточками наверняка умела бы...

— Вот и напиши Августине, чтобы прислала мне замену, — фыркнула Карна.

— Понимаешь, вытащить жруна — не так-то просто, — скорбно произнес Рихард. — Мне придется собрать все свои силы. Хорошо бы перед этим подкрепиться, любимой едой.

— В приюте вас кормили пирогами?

— Только в день святого Гектора, — он отодвинул тарелку с кашей, отхлебнул чай, поставленный перед ним Карной. — Я пойду потренируюсь с Уго, подготовлюсь к делу. К ужину вернусь.

Карна кивнула, задумчиво облизала губы и прикусила нижнюю.

Рихард вежливо склонил голову на прощание и вышел из кухни. Обувшись в матерчатые беговые туфли, он ступил за порог дома, закрыл за собой дверь и прислонился спиной к стене. Сердце колотилось так, будто он уже пробежался вдоль всей Червы. Кто бы мог подумать, что воспоминание Карны окажется таким занимательным? Нет, он по-прежнему не понимал, откуда взялся второй жрун, и что вообще происходит, но зато был уверен, что она смотрела на него с восхищением и, возможно, с желанием...

Украденный поцелуй грел губы, как солнечный луч. Мальчишеская выходка, конечно, и ему хотелось поцеловать ее совсем по-другому, но на душе было непривычно радостно.

Знак ловца, свисающий с козырька над крыльцом, сверкал на солнце — круг, разделенный надвое кинжалом. В академии им говорили, что они и есть этот кинжал, стоящий на границе между тьмой и светом. Тьмы в его жизни хватало. Да и Карна иногда была просто невыносима: заносчивая, спесивая аристократка, врушка к тому же. Однако в ее душу он окунался, как в свет. При всех ее недостатках, она не была злой.

А ее губы оказались такими сладкими...

Рихард сбежал по ступенькам и неспешной трусцой повернул к реке. Уго догнал его по пути и подтолкнул в бок так, что он чуть не слетел в реку.

— Как сам, Харди?

— Прекрасно, — ответил Рихард, принаравливаясь к его темпу. — Придешь ко мне на ужин? Карна обещала испечь пирог.

— Со свининой? Нет уж. Она еще наверняка не остыла. Надо выдержать паузу. Чтобы она начала скучать, думать — не зря ли отказалась...

— Пауза может затянуться, Уго, — улыбнулся Рихард.

— Ничего. Важен результат. Я созрел для семьи, Харди. Мне нужна хорошая женщина, которая умела бы вкусно готовить и родила мне с десяток детишек. Веселых, толстеньких, визгливых, как поросятки.

— Мило...

— Куплю участок земли, — размечтался Уго, продолжая бежать, — возле дубравы. Посажу кукурузу. Может, пару каштанов... Попробую поухаживать за Карной как положено. А потом, когда я буду лежать на пледе под своим дубом, положив голову ей на колени, а Карна — чесать меня за ухом, нам будет что вспомнить... Нужна красивая история любви.

— И с чего начнешь?

— Это секрет, — сказал Уго, подозрительно на него покосившись. — А то еще украдешь мою идею.

— Пусть победит сильнейший? — Рихард подтолкнул Уго и прибавил темп, обогнав оборотня. Он слышал его сопение позади и быстрые удары ног, но сумел взбежать на мост первым.

Черва медленно текла внизу, ветер ерошил воду, и поверхность покрылась чешуей мелких волн — словно большая черная змея медленно ползла под мостом. И Рихард невольно сглотнул, представив то, что он должен был сделать прямо сейчас.

Он снял рубашку, повесил ее на низкие перила моста, потом и майку.

— Харди, ты чего? — встревожился Уго.

— Мне надо вытащить жруна, — сказал он.

— Но в газетах писали, ты уже...

— Меньше верь газетам, Уго. Я удивлен, что ты вообще их читаешь.

— Обычно я делаю это только в туалете... Харди, ты что же, хочешь как в тот раз?

— Не хочу, — вздохнул он. — Но надо.

— Зайди хотя бы с берега!

— Мне проще нырнуть сразу. Ты ведь знаешь, что делать? — Рихард снял ботинки, стащил брюки, белье, носки. Кожа покрылась мурашками от холодного ветра, а волны внизу побежали быстрее.

— Я не смогу! — воскликнул Уго, и Рихард, обхватив его за холку, притянул к себе, так что глаза оборотня оказались напротив его глаз. А потом вскочил на перила, оттолкнулся и, вытянув руки, нырнул в Черву.

Уго с полминуты стоял, словно в оцепенении, но потом тряхнул головой, обернулся, бросился к перилам и, жалобно взвизгнув, кинулся вниз по мосту и дальше, по течению реки, в черных водах которой большой белой рыбиной виднелось тело Рихарда.

Вода несла его, набиралась в уши, в нос, переворачивала и окунала глубже, так что скользкие пальцы водорослей гладили беззащитный живот, обвивали щиколотки. Рихард иногда открывал глаза, но не видел ничего кроме тьмы. Она была везде: и снаружи, и в нем. Всегда, с самого рождения. С той половиной мира его связала пуповина. Иногда ему казалось, что ее не перерезали полностью. Ребенок, рожденный мертвой матерью. Он давно должен был умереть сам. И тьма ждала его, звала, она его видела.

Легкие стало жечь, горло сдавило. И он не выдержал, сделал вдох, и тут же закашлялся от рези, замолотил руками, ногами.

— Наконец ты пришел, ловец, — глухой голос, уже знакомый ему, прозвучал где-то в подсознании, а потом Рихард пришел в себя на сухой траве, повернулся и закашлялся, выплевывая воду из легких.

— Ненавижу тебя! — выкрикнул Уго и стукнул его раскрытой пятерней по спине.

— Все! Хватит! Я в порядке.

— В порядке... — Уго вскочил и отойдя несколько шагов, поднял с земли свое красное пальто и, вернувшись, накинул его на Рихарда. — Тебе обязательно было это делать?

— Не знаю, — честно признался Рихард, повернувшись на спину и глядя на низкие тучи. Пальцы ног онемели от холода, зубы начинали стучать. — Думаю, из собаки будет легче достать навку, чем из человека, но я не хочу облажаться. После короткой смерти мое тело примет тьму легче.

— Ты помнишь, как долго тебе пришлось приходить в себя после того раза? — насупился Уго. Он бродил вдоль реки, собирая свои вещи, сброшенные впопыхах. — Но там это было понятно, ребенок. А тут — собака! Ты совсем не бережешь себя, Харди!

— Теперь у меня есть Карна. Приду домой, посмотрю в ее ясные очи... — сказал Рихард, садясь и кутаясь в пальто. — Где моя одежда?

— Там, где ты ее оставил. Или я должен был собрать твоё бельишко, а уже потом вытаскивать тебя из воды?

Рихард посмотрел на Уго и виновато улыбнулся. Тот не успел толком раздеться и ходил перед ним в майке без рукавов и панталонах, туго обтягивающих зад. Пар поднимался от шерстяных плеч, а волосы ошетинились, как иголки у ежа.

— Я вижу твой хвостик, — ухмыльнулся Рихард, поднимаясь. — Всегда хотел спросить, как на него реагируют женщины.

— По-разному, — нехотя ответил Уго. — Надеюсь, Карне понравится.

— Она его никогда не увидит, — заявил Рихард.

— Это мы еще посмотрим.

— Я тебя уделаю. До моста наперегонки? — спросил Рихард и, не дождавшись ответа, рванул вперед.

Рихард вернулся к ужину. Вздурораженный, взъерошенный, провонявший и своим, и чужим потом, и еще какой-то тухлятиной. Уго одарил Карну улыбкой и исчез, чему она несказанно обрадовалась. А ловец, спустившись на кухню после душа, молча набросился на пирог, будто не ел по меньшей мере три дня.

— Приятного аппетита, — сказала Карна, садясь напротив. Рихард промычал что-то в ответ и откусил еще. — Как прошли ваши... занятия с Уго?

— Нормально, — ответил Рихард. — Это что, оленина в пироге? Жестковатая начинка. В следующий раз возьми другое мясо. Крольчатину, к примеру.

— Следующего раза может и не быть, — ответила она, вздернув подбородок. Взгляд Рихарда прошелся по ее блузке и снова вернулся к лицу. Темные глаза, бездонные провалы, две кротовьи норы, в которых можно пропасть навсегда. — А ты мог бы сделать над собой усилие и поддержать беседу, а не отделяться этим твоим «нормально».

— Как умер Эдмон?

Карна ахнула от негодования, сжала вилку.

— Полегче, — сказал ловец, слегка отпрянув, — ты ведь не собираешься ее в меня воткнуть? Сама хотела побеседовать.

Она поднялась, стул громко проехал ножками по полу, будто тоже выражая негодование. Окинув ловца взглядом, в котором он должен был прочесть разочарование, гнев и осуждение, Карна пошла прочь из кухни.

Рихард слышал звук ее шагов, поднимающихся по лестнице, потом все стихло. Он задумчиво дожевал кусок пирога. Хорошо, что она ушла. Его темная сторона природы сейчас явно брала верх над светлой. А Карна будто нарочно его провоцировала. Эти голубые глазки, белая кожа. На ней наверняка остаются красные следы даже после обычных поцелуев. И блузка с рядком крохотных пуговичек-бусинок. Такие невозможно расстегнуть. Он бы потерял терпение уже после пятой. Такую блузку надо срывать, чтобы пуговицы брызнули по всей кухне... Наверху хлопнула дверь, вторая, в ванной зашумела вода. Похоже, сейчас Карна как раз раздевается.

Рихард закрыл глаза, вызвал в памяти образ Уго — волосатые плечи, туго обтянутый майкой живот... Выдохнув, потянулся за следующим куском пирога. За окном быстро темнело, и давно можно было отправляться к Мирабелле, но Рихард малодушно доел весь пирог и лишь потом пошел собираться. Он взял кинжал и пистолет лишь по привычке: оружие ему сегодня не понадобится. Мелькнула мысль — подняться к Карне и попросить прощения, но он ведь не сказал ничего предосудительного. Надо бы и вправду выяснить, что там за умерший муж, и какие тайны еще она скрывает. Но он займется этим потом.

Луна на небе округлилась еще немного. Совсем скоро полнолуние, и оборотни будут сидеть в полицейском участке вместо того, чтобы нести патруль вдоль Червы.

Рихард быстро пошел вверх по улице, удаляясь от тихого дыхания реки, чей запах ему так и не удалось смыть с кожи. А еще этот голос... Он толком не понял — то ли услышал его снова, то ли потерял сознание от удущья, и это ему лишь померещилось.

Мирабелла ждала его у порога с раскрытой дверью. Кутаясь в длинный мужской халат, она кивнула и посторонилась, пропуская Рихарда в дом.

— У вас есть пистолет с серебряными пулями? — спросил Рихард.

— Конечно, — кивнула она.

— Если после... процедуры я стану вести себя неадекватно — стреляйте.

— В вас? — уточнила Мирабелла. Рихард кивнул. — Определите точнее — что значит «неадекватно» в вашем понимании.

— Рвану на кухню обжираться, выхлебаю виски из бара или полезу к вам целоваться.

Мирабелла усмехнулась.

— Так я могла бы перестрелять половину мужского населения страны.

— Вы поймете, — сказал Рихард. — Но я искренне надеюсь, что ваш пистолет нам не понадобится. Где собака?

— Миклос! — зычно выкрикнула женщина.

— У вас очень сильный голос, — поморщился Рихард.

— Я, знаете ли, певица.

— До последнего сомневался.

— У меня будет пистолет, вы забыли?

Усатый мужик уже спешил к ним со смотанной пеленками Фифи на руках. Они прошли в кабинет. Мирабелла вынула из шкафа пистолет, спрятанный в одной из «Историй Рывни» в красной обложке, села в кресло, закинув ногу за ногу. Усатый ревниво проследил за оголившимися ножками и по-хозяйски поправил ее халат, спрятав округлые коленки Мирабеллы. Понятливо усмехнувшись, Рихард взял у него Фифи и поднес к себе.

Собачка была все еще здесь. Он видел яркий огонек ее души, словно далекий костер в ночном лесу. Но в ее глазах жила и тьма, становясь плотнее, обретая силу.

— Я вижу тебя, — произнес Рихард, и мрак быстро устремился к нему, протягивая темные щупальца, как спрут.

— И я вижу тебя, ловец...

Карна долго не могла заснуть: все прислушивалась к звукам дома, ждала, когда вернется ловец, а в итоге провалилась в сон. Когда в дверь постучали, Карна подхватила, вскочила с кровати, зачем-то взяв фотографию Эдмона.

— Открой, Карна! — слышался голос ловца.

— Что случилось? — выкрикнула она, поставив фото назад. Обернувшись, взяла со спинки стула халат и быстро его надела, завязав пояс потуже.

— Карна, мне нужна твоя помощь.

— Ты в порядке? — она подошла к двери и сдвинула в сторону шпингалет, приоткрыла. Ловец стоял там, опершись рукой о косяк. — Ты прогнал жруна?

— Типа того, — хрипло ответил Рихард и быстро вошел в комнату.

Карна не успела и ахнуть, как он прижал ее к стене, обхватив шею пальцами. Она вцепилась в его ладонь, пытаясь оторвать ее от своей шеи, двинула кулаком в плечо — все равно что сбивать руки о камни. Лицо его во мраке комнаты казалось бледным пятном, черные глаза — два бездонных колодца.

— Мне нужно воспоминание, — просипел он. — Прямо сейчас. Яркое, сильное, светлое. Давай.

Его лицо оказалось так близко, что она почувствовала тепло его дыхания на своих губах, а потом — как упасть с высоты — провалилась в воспоминание, увлекая ловца за собой.

В коридорах института царил полумрак, и шаги Карны гулко отдавались под сводчатым потолком. А вот куратор Криста шла впереди бесшумно, как кошка. Маленькая, немного полноватая, с тугой гулкой пепельных волос на затылке и пушистыми завитками над шеей, она была одной из блюстительниц морали в институте, пожалуй, самой миловидной и, к счастью, не самой строгой.

— Он ждет меня в библиотеке? — спросила Карна, прекрасно зная ответ. Конечно, в библиотеке. Встречи студенток с посетителями мужского пола всегда проходили под статуей девственной Присциллы и под присмотром куратора. У самых дверей в библиотеку Карна придержала Кристу за плечо.

— Всегда хотела сказать: у вас чудесные волосы, — произнесла Карна. — Такие пышные, и оттенок редкий.

— Спасибо, — улыбнулась та. — С ними столько мороки.

Карна быстро вытащила из волос заколку — одну из любимых, серебряную, с голубым овальным камешком.

— Возьмите вот это... — предложила она, чувствуя, как к щекам приливает кровь. — Крепкая, должна удерживать даже ваши кудри.

Криста неторопливо взяла из ее рук заколку.

— Да, хорошая вещь, сразу видно. Что ж, пойду, примерю... Думаю, минут десять у меня это займет.

— Это настоящий топаз! — возмутилась Карна.

— Пятнадцать, — строго ответила Криста. — Не больше.

Она ушла назад по коридору, бесшумная и плавная, как кошечка, а Карна потянула на себя тяжелую дверь и скользнула внутрь. Эдмон стоял спиной к ней, под святой Присциллой, целомудренно удерживающей покрывало на груди. Услышав звук, он обернулся. Такой утонченный, что сердце сжалось от восхищения: безупречный узел галстука на белой рубашке, ни единой складки на брюках, в ботинки можно смотреться, как в зеркало.

— Любимая, — прошептал он. Преодолев несколько метров, разделяющие их, Эдмон склонился к ее руке. Теплое касание губ задержалось на коже куда дольше допустимого, но кто вообще выдумал все эти правила. Она запустила вторую руку в рыжие кудри, слегка липкие от средства для укладки, и Эдмон, выпрямившись, посмотрел на нее вопросительно. Карна сама шагнула к нему, потянулась к губам. Она так часто представляла — как это будет, и вот его губы наконец коснулись ее рта. Сначала легонько, почти щекотно, потом настойчивее. Руки Эдмона опустились на ее талию, обняли, на миг прижав к себе.

— А вдруг кто-то зайдет, — пробормотал он.

— У нас десять минут, — ответила она, увлекая его в небольшой закуток за книжным шкафом. — Может даже пятнадцать.

Ей хотелось большего, хотелось почувствовать себя любимой, желанной. Она так ждала этой встречи, и теперь ей нужно было нечто такое, что можно будет вспоминать следующий месяц, о чем мечтать перед сном, а может даже рассказать подругам. Она обняла его за шею, погладила плечи, а его руки скользнули по ее спине. Эдмон склонился к ней, глаза его потемнели, стали яркими, как изумруды, и поцелуй получился куда увереннее. Когда его язык тронул ее губы, она невольно задрожала, распахнула глаза шире.

— Ты не против? — смущенно спросил он, и Карна вместо ответа снова прильнула к нему.

Эдмон вжимался в нее все теснее, и его руки несколько раз опустились немного ниже талии. Но это все было не то. Карна взяла его ладонь и положила себе на грудь. Посмотрела на Эдмона.

— Мы ведь все равно скоро поженимся, — сказала она, шалея от собственной дерзости. — Можно.

Эдмон завороченно гладил ее грудь, пальцы легонько сжали сосок, нащупав его через белую форменную блузку и белье, и у Карны перехватило дыхание от жаркой вспышки внизу живота. Они целовались в пыльном закутке, лаская друг друга, и Карна вдруг поняла, что это скоро прекратится. Вот сейчас раздастся стук в дверь, и они отпрянут друг от друга, словно кошки, облитые водой. Она быстро оправит блузку, на которой Эдмон расстегнул лишь одну пуговку, а она не сможет спрятать растрепавшиеся волосы. Но его галстук окажется сбит на сторону, а она сама не сможет спрятать ни румянец, ни смущенную улыбку. Они будут разговаривать под святой Присциллой, а Криста,

сидя в кресле, делать вид, что все в порядке, и потом Эдмон уйдет...

Стук в дверь прозвучал как приговор, и Карна с отчаяньем притянула мужчину к себе, прильнула к губам, желая продлить этот момент хоть немного. И он поцеловал ее в ответ, снова. Она почувствовала упругое прикосновение губ, язык проник в ее рот, так уверенно и настойчиво, и пол словно качнулся под ногами, а Карна вцепилась в плечи, вдруг ставшие шире, чтобы не упасть. Мужчина легонько сжал ее грудь, безошибочно обвел пальцем выступающий бугорок, а Карна ахнула и запрокинула голову, когда он оторвался от ее рта, и поцелуи ужалили шею. Было даже немного больно, кровь зашумела у нее в ушах, в горле пересохло. Карна потянула его за волосы к себе, поцеловала снова. А его руки совсем потеряли стыд: гладили, сжимали, изучали ее тело, которое горячо отзывалось на ласки и хотело большего. Она будто потерялась в реальности: на ней теперь не было ни блузки, ни белья, и Эдмон тоже снял и рубашку, и галстук, и между ней и крепким мужским телом почти не осталось преград.

Когда его губы оторвались от ее рта и накрыли сосок, вбирая его, покусывая, дразня языком, то Карна громко застонала, изогнувшись и подставляя себя под поцелуи.

— Ох, Эдмон, ещё!

Он пробормотал что-то в ответ, а потом приподнял ее под бедра и отнес на кровать. Накрыв своим телом, поцеловал в губы, в шею, снова вернулся к груди. Его руки скользнули вверх по бедрам, задирая юбку, сжали ягодицы. Карна выгибалась на кровати, то выкрикивая его имя, то захлебываясь стонами наслаждения. Она сминала пальцами простыни, царапала ногтями твердые плечи. Это была так горячо, страстно, непристойно, совсем не так, как она себе представляла, но так хорошо... Мужчина отстранился, выпрямился на кровати, быстро расстегивая брюки.

Кровать? В мозгу Карны будто что-то щелкнуло. В библиотеке не было кровати! Откуда?.. И почему так темно? Мужчина склонился к ней, поцеловал снова: его губы были нежными, но щетина уколола кожу. Карна вцепилась пальцами ему в волосы, прямые и жесткие, как конская грива, даже без намека на средство для укладки, и потянула от себя, посмотрела в глаза. А потом взвизгнула, извернулась, оттолкнула ловца и свалилась с кровати.

— Ты!.. Ты!.. — сев, она подтянула вверх бретельки сорочки сползшей до самой талии, пошарила взглядом и увидела халат, валяющийся на полу. Быстро подползла к нему на четвереньках и, схватив, прижала к груди. Рихард встал с кровати, направился к ней.

— Не подходи! Я думала, это Эдмон!

— Карна... Не поступай так со мной.

— Ты воспользовался моим воспоминанием!

— Ты сама мне его показала, а потом обняла и стала целовать, — ответил Рихард. — Карна... пожалуйста...

— Подлый негодяй! Мерзавец!

Он склонился, обхватил ее за плечи и, подняв, прислонил к стене. Выходит, это не Эдмон целовал ее так страстно, это не его руки и губы ласкали ее грудь...

— Я не сделал ничего, что бы тебе не понравилось, — прошептал Рихард, упершись ладонями по обе стороны от ее лица.

— Мне нравилось, потому что я думала, что со мной Эдмон!

— С ним ты не стонала, — он нахально улыбнулся, и Карна толкнула его в грудь и, поднырнув под руку, отошла в сторону.

— Я уйду, — заявила она. — Августина еще ответит за это...

— Ты сойдешь с ума в монастыре, — сказал он. — Не с твоим темпераментом туда соваться.

— Да пошел ты, — процедила она, и ловец вдруг побледнел, рванулся из комнаты, стукнула, распахнувшись, дверь, и Карна услышала какие-то сдавленные звуки.

Она надела халат, неуверенно вышла в коридор, щелкнула выключателем. Ловец стоял на коленях перед унитазом.

— Не смотри, — пробормотал он, а потом его снова вырвало. Карна поморщилась, но сделала еще несколько шагов вперед.

Черная густая жидкость вырвалась из его горла, и Рихард часто задышал, потянул за веревку

смыва.

— Не смотри! — повторил он снова.

— Тебе плохо?

— Лучше не бывает.

— Рихард, ты вытащил жруна из Фифи?

Он кивнул и снова склонился над унитазом. Тело напряглось в спазме, мышцы выступили на спине. Гладкая кожа покрылась бисеринками пота. Карна сдернула с крючка полотенце, намочила его теплой водой, протерла плечи ловца, стараясь не замечать на них свежих царапин.

— Может, позвать врача? — спросила она.

— Чтобы он вылечил меня серебряной пулей в лоб? Не надо, — отказался Рихард, все так же сидя на полу. Он часто дышал, на виске пульсировала синяя венка. — Карна, не уходи.

Она молча промокнула ему лоб полотенцем.

— Не сейчас, — взмолился он. — Я не виноват, что ты решила показать мне именно это воспоминание. Ты сама его выбрала.

— Я ничего не выбирала, — ответила она. — Мне, наверное, снился Эдмон. Или я увидела его фотографию, поэтому так вышло.

— Ты первая поцеловала меня, — сказал он. — А я, как воспитанный мужчина, не мог не ответить...

— Я смотрю, тебе уже лучше, — язвительно заметила Карна.

Будто специально, чтобы опровергнуть ее слова, ловец застонал и стал заваливаться набок. Ахнув, Карна бросилась к нему и подставила плечо.

— Давай, поднимайся, потихоньку, — бормотала она, помогая ему встать. — Не спешим, идем тихо, шаг за шагом.

Ловец медленно переставлял ноги, опираясь на нее одной рукой и придерживаясь второй за стену. Когда он повернул в ее спальню, Карна не стала возражать — помогла ему лечь в постель, укрыла одеялом. Потрогала лоб — горячий и влажный.

— У тебя жар, — сказала она. — Надо больше пить. Сейчас, принесу чай.

Ловец еле заметно кивнул и тихо застонал, будто в беспамятстве.

Вскоре она вернулась, поставила тяжелый поднос на стол. Налив чай в чашку, поднесла ее Рихарду.

— Давай, маленькими глоточками, — сказала она.

Рихард открыл глаза и посмотрел на нее. Рука его приподнялась слабо, как у умирающего, погладила ее щеку.

— Обещай, что ты не уйдешь, — попросил он тихо.

Карна вздохнула.

— Это было недоразумение, — сказала она. — Я допускаю, что ты мог понять не так... Давай договоримся забыть об этом и не вспоминать никогда.

Рихард прикрыл глаза и устало кивнул. Отпил из чашки, которую она поднесла к его губам.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? Что мне делать?

— Ты и так уже сделала, — ответил Рихард. — Твои воспоминания, и особенно то, что случилось потом, качнули меня на светлую сторону грани.

— Тебя рвало чем-то темным.

— Организм отверг навь, — кивнул он.

— Выходит, что не только воспоминания помогают?

— Конечно, — подтвердил Рихард. — Дай еще чая.

Она промокала ему лоб полотенцем, поила чаем и потом, прикорнув на краю кровати, сама уснула.

Рихард приподнялся на локте, осторожно подтянул подушку, на которой лежала Карна, поближе к себе, так, чтобы она не свалилась на пол, укрыл одеялом. Потом встал и сходил в ванную. Раздевшись, смыл с себя пот, тщательно почистил зубы, стараясь сильно не шуметь, и снова надел штаны. Вернувшись в спальню, юркнул в кровать под одеяло.

Карна подхватилась ото сна, и он ощутил легкое прикосновение пальчиков к своему лбу. Она приподнялась, чтобы встать, и Рихард тихонько застонал:

— Карна... не уходи... не бросай меня...

Кровать рядом с ним снова прогнулась.

— Тихо, тихо, я здесь, все в порядке, — прошептала она.

Он обхватил ее запястье и задышал глубоко и спокойно. Карна поерзала немного рядом, попыталась осторожно высвободить руку, но вскоре снова уснула.

Утром Карна проснулась от настойчивого стука. Она облизала губы, которые саднили и будто бы немного распухли, и повернула голову. Ловец спал рядом.

Карна быстро отвернулась, зажмурила глаза и произнесла про себя молитву святой Присцилле. Какое счастье, что вчера все зашло не слишком далеко. А ведь она хотела... Она отвечала на его поцелуи, а он... Карна мотнула головой, не желая даже вспоминать, что делал он.

Стук повторился, и Рихард, пробормотав что-то, закинул руку на Карну и подгрел ее к себе. Она пискнула, попыталась отодвинуться от горячей груди, а рука Рихарда тем временем по-хозяйски прошлась по всем ее изгибам.

Карна кое-как спихнула с себя тяжелую руку, выкрутилась и сползла на пол. Встав и поправив халат, с подозрением уставилась на ловца. Но тот спал: его ресницы не дрожали, и дыхание даже не сбилось.

В дверь снова постучали, и Карна, опомнившись, выбежала из комнаты.

— Грета, это ты? — выкрикнула она, быстро спускаясь по лестнице.

— Я, кто ж еще, — донеслось снаружи.

Карна распахнула дверь и едва не обомлела. Свет падал из-за спины стоящего, так что она толком не видела его лица, и на какое-то мгновение ей показалось, что перед нею Эдмон: тот же изящный силуэт, рыжие волосы. Она моргнула, глаза привыкли к свету, и наваждение рассеялось.

— Я не одна, — запоздало сообщила Грета, просачиваясь мимо Карны. — Заходи, Зейн, но как дома себя не чувствуй — ни к чему это. Мы все лишь гости в этом мире, и скоро покинем его чертоги.

Карна попятилась, запахнула халат плотнее.

— Вы, так понимаю, помощница ловца? — спросил мужчина, шагнув через порог. А Карна почувствовала дежавю наоборот. Вот так и она явилась к Рихарду незваной гостьей, а тот стоял босиком и кутался в пальто. Пусть на ней и халат, но под ним только сорочка, и это смущало.

— Карна, — представилась она, стараясь не думать о том, как сейчас выглядит в глазах мужчины. А тот как назло был довольно привлекателен: тонкие, хоть и суховатые черты лица, острые скулы, синий полицейский мундир подчеркивает отличную осанку. Над губами тонкая рыжая полоска усиков. Эдмон тоже ненадолго отрастил такие, когда у него только начали пробиваться волосы на лице. А вот глаза у мужчины оказались совсем не такими, как у Эдмона: серые, холодные, они смотрели на нее цепко и внимательно, так что Карна невольно поежилась и обхватила шею рукой — почему-то именно она привлекла внимание гостя.

— А это Зейн, — встряла Грета. — Следовательно из местного полицейского участка. Зачем пожаловал? Опять не справляешься без Харди?

— Верно, он мне нужен, — не стал отрицать Зейн и обратился к Карне. — Не соблаговолите ли попросить его спуститься?

— Я не думаю, что Рихард в состоянии помочь вам сегодня...

— Чем вы тут занимались, что у Харди аж не осталось сил? — с насмешкой спросила Грета.

— Он плохо себя чувствует, после вчерашнего дела, — сухо пояснила Карна. — Можно обойтись без ваших двусмысленных намеков? Между нами исключительно деловые отношения, и занимаемся мы только делами.

— Дела-дела, я поняла, — Грета ухмыльнулась и пошла вверх по лестнице, ведя рукой по перилам. — Сейчас проверю, как он там. Может и вправду наша монашка его укатала.

— Грета! — сердито выкрикнула Карна.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Зейн, его голос был мягким и обволакивающим, но отчего-то лишь насторожил Карну. Так в пушистой кошачьей лапе прячутся острые когти. — Она не в себе, это вся Рывня знает. На самом деле, это очень благородно со стороны Рихарда — взять Грету-бормотуху к себе на работу. А с другой стороны, мало кто захочет работать с ловцом. У каждого есть тайны, секреты, нечто такое, о чем мы не говорим другим людям...

— Рихард ведет себя деликатно и смотрит только те воспоминания, которые я ему показываю, — отрезала Карна и тут же почувствовала, что краснеет. Но Зейн отвернулся и уставился в окно,

заложив руки за спину. И его поза, и рыжие волосы, чуть завивающиеся на концах, снова напомнили ей мужа.

— Разумеется, — ответил он. — Но я все равно удивлен. По городу уже пошли слухи о помощнице ловца, но я никак не ожидал увидеть перед собой такую...

— Какую? — с вызовом спросила Карна. — Растрепанную, босоногую, в халате?

— Я полицейский, — мягко ответил Зейн, обернувшись к ней. — Мои возможности не сравнятся со способностями ловца, но все же и я что-то могу. Я вижу суть, и прекрасно понимаю, кто передо мной. Вам здесь не место, Карна. Если вы попали в затруднительную ситуацию, я буду рад предложить вам помощь: сопроводить к родственникам, оказать финансовую поддержку... В конце концов, мой дом куда просторнее и ближе к центру...

— Но из него не такой хороший вид, — сказала Грета, спускаясь по ступеням. — Карна, не соглашайся. Вернее, финансовую помощь можешь взять...

— Спасибо за предложение, но мне ничего не нужно, — поспешно ответила Карна, выдавив улыбку. — Грета, что там?

— Все очень плохо, — ответила служанка и поджала губы.

— Рихард на самом деле так плох? — нахмурился Зейн.

— Рихард? — удивилась Грета. — Причем тут Рихард? Что с ним станет? Он живучий, как бродячий кот, и точно еще не израсходовал свои девять жизней. Я говорю в общем. В целом. Все очень плохо. Миру скоро придет конец. Тьмы становится все больше, света меньше, и однажды все мы окажемся в беспросветной и безысходной мгле.

— Понятно, — кивнул Зейн и, улыбнувшись краешком губ, подмигнул Карне. — Ловец спустится?

— Уже идет, — ответила служанка.

Рихард на самом деле показался наверху лестницы, во все тех же брюках и наспех накинутой черной рубашке. Карна поспешно отвела взгляд, почувствовав неловкость. Они договорились забыть и не вспоминать произошедшее, но как это сделать? Рихард медленно спускался вниз, но вдруг остушился, выругался и едва не упал, успев вцепиться в перила обеими руками. Карна ахнула и бросилась к нему на помощь.

— Спасибо, — смущенно поблагодарил ее ловец, выпрямляясь. — Что бы я без тебя делал.

Он попытался попасть пуговицей в прорезь, но пальцы его дрожали, и Карна не выдержала и сама застегнула ему рубашку. Поправила воротник и даже не слишком смутилась, когда ее пальцы случайно коснулись его шеи.

Рихард вдруг перехватил ее руку и поднес к губам.

— Тебе лучше? — спросила Карна, выдернув ладонь, но губы ловца все же успели обжечь ее кожу, вновь напомнив о прошлой ночи.

— Гораздо, — кивнул Рихард и обратился к Зейну. — Срочное дело?

— Да, — кивнул тот. — Подозреваемый в убийстве.

— Подозреваемый? — поморщился ловец. — Выходит, он живой? Ты же знаешь, Зейн, я терпеть не могу смотреть во всех этих отбросов, мне и так сейчас мерзко. Дай лучше труп. Посмотрю ему в глаза и скажу, кто убийца, к чему все эти подозреваемые?

— Я бы так и сделал, вот только глаз у трупа нет, — холодно ответил Зейн. — Как и головы. Прошу прощения, дамы.

Грета лишь отмахнулась, а Карна, ахнув, непроизвольно подалась к ловцу.

— Мог бы и подождать со своими вестями, пока не останемся одни, — неодобрительно заметил Рихард, приобняв Карну и на миг прижав к себе. — Ладно. Пошли.

Он сдернул с вешалки пальто, сунул ноги в ботинки и вышел вслед за полицейским.

— И снова без завтрака, — заметила Грета. — Так что у вас вчера произошло?

Рихард сел в экипаж с гербами полиции на дверках и недовольно покосился на Зейна. Так-то он относился к нему неплохо — куда лучше чем к большинству людей: да, зануда, бюрократ и себе на уме, но именно сегодня он вдруг стал его дико раздражать.

— Что за труп? — спросил Рихард, решив выяснить детали дела заранее. А может и понять, отчего ему хочется врезать Зейну по физиономии. Неужели навь осталась внутри?

С утра все было прекрасно. Он проснулся задолго до Карны — по-видимому, благородным девицам полагается спать не меньше девяти часов, потому что дрыхнет она как сурок — и хорошенько ее рассмотрел. Спящей и без этих ее вдовьих одежд она казалась совсем юной. На белой шее красовалась очередь из маленьких синяков — следы его поцелуев. Такая нежная кожа, в следующий раз надо будет быть осторожнее... И этот следующий раз просто обязан случиться.

Карна оказалась такой пылкой, такой отзывчивой. Вулкан страстей за благопристойной оболочкой — так он и думал. Правда, она упорно звала его Эдмоном, но Рихарда это особо не смущало. Пусть зовет хоть аббатисой Августиной, лишь бы целовала в ответ.

— Мужчина, работал на серебряных шахтах, тело вытащили ночью из Червы, — ответил Зейн.

— Патруль его заметил?

—оборотни, — кивнул Зейн. — Твой ручной кабан не рассказал?

Рихард пристально посмотрел на следователя, и тот прикрыл глаза и отвернулся.

— Уго, — исправился он. — На теле жертвы следы сексуального насилия и истязаний. Голова отсутствует. То ли это особый почерк убийцы, то ли — что вероятнее — он знает, что в городе есть ловец, и решил так подстраховаться. Подозреваемый — муж его сестры. Они давно не ладили и несколько раз дрались.

— Причина?

— Вот ты мне и скажешь, — Зейн повернулся к нему. — Карна — кто она?

Рихард словно загипнотизированный уставился на узкую рыжую полоску усов над губой Зейна. Неужели это и есть разгадка? Зейн — рыжий, как и хлыщ Эдмон в воспоминаниях Карны, и поэтому стал его раздражать?

— Слушай, а не мог бы ты надеть шляпу, — Рихард взял полицейскую фуражку с сиденья рядом с Зейном и нахлобучил ему на голову. — И еще прикрой рукой нижнюю часть лица.

Зейн снял фуражку и положил снова на сиденье, пригладил волосы пальцами. Ноздри его слегка раздулись, лицо, и без того угловатое, напряглось и будто окаменело.

— Рихард, я, конечно, высоко ценю твой вклад в защиту города, но не зарывайся.

— Ладно, — он отвернулся к окну.

— Так кто такая Карна? Это ее настоящее имя?

— Кто она такая — тебя не касается, — отрезал Рихард, глянув на него. — Она живет со мной. Даже не смотри в ее сторону, понял?

Зейн удивленно приподнял брови — отвратительно рыжие.

— И хорошо бы ты перекрасил волосы, — проворчал Рихард.

Остаток пути до полицейского участка они проделали в полном молчании. Узкими коридорами, выкрашенными в депрессивно-серый цвет, прошли к камере, где держали подозреваемого.

— Если ты ничего не увидишь, мы вынуждены будем отпустить его, — сказал Зейн. — Зацепок нет. Дело тухлое.

— Открывай, — кивнул Рихард.

— Не скажешь, что за дичь про цвет волос?

Рихард покачал головой и толкнул дверь.

Мужчина, вскочивший с узкой койки, тут же попятился к стене. Выставив перед собой длинные

жилистые руки, он закричал куда-то в сторону:

— Помогите! Не имеете права! Я буду жаловаться!

— Уймись, Венкель, — сказал Зейн. Он быстро приблизился к мужчине и заломил ему пальцы на руке, так что тот захохотал и заплясал на цыпочках. — Чего тебе бояться, если ты невиновен? Рихард, чего ждешь?

Рихард сплюнул на и без того заплеванной пол, шагнул к Венкелю, схватил того за русский чуб и прижал к стене. Глаза его были грязно-болотными, с частыми красными прожилками на белках, и окунаться в его душу оказалось все равно, что плавать в болотной жиже. Вынырнув, Рихард отпустил сальный чуб и брезгливо вытер ладонь о рубаху самого Венкеля.

— Он бьет свою жену, поэтому они ссорились с погибшим. Украл три шендера у булочника. Любитель выпить. Даже, я бы сказал, профессионал.

— А по делу? — спросил Зейн, рассматривая Венкеля, застывшего у стены изваянием.

— Невиновен.

Рихард взял алюминиевую кружку с водой и плеснул Венкелю в лицо. Тот выдохнул, закашлялся, едва не сполз по стене. Зейн поймал его за грудки, тряхнул и усадил на узкую койку.

— Он в порядке? — спросил он с легкой тревогой.

— Будет, к вечеру. А может и к утру, — пожал плечами Рихард. — Я глубоко покопался и не был с ним нежен.

Зейн протянул ему руку, и Рихард ее пожал.

— Передай Карне мое восхищение, — улыбнулся Зейн, концы его рыжих усов приподнялись, и он тут же охнул и выдернул ладонь из рукопожатия, ставшего слишком сильным.

Рихард пошел прочь и вдруг понял, что тоже улыбается. Он ревнует. Чувство это было новым, странным, немного болезненным, но отчего-то приятным. Выходит, теперь у него есть женщина, которую он не намерен отдавать другому.

Когда Рихард ушел, Карна трусливо сбежала наверх от расспросов Греты. Неизвестно, какими талантами обладала служанка, но иногда Карне казалось, что та, с бельмами на глазах, видит еще больше ловца. В ванной Карна сняла халат и поняла, на что так пристально смотрел рыжий следователь: на ее шее красовалась цепочка из маленьких синяков. Засосы. Пошлое, вульгарное слово. Она услышала его еще в институте — от девушки, которая вышла замуж сразу после первого курса, и поговаривали, что для спешки была причина.

И вот теперь ее шея покрыта засосами. И ладно бы их поставил законный муж!

Карна собрала волосы, приподняла их вверх и, повернув голову, скосила глаза в отражение. Пожалуй, придется надеть платье с высоким воротником или вовсе завязать на шею платок. Карна спустила с плеч бретельки сорочки и застыла, глядя на еще один след поцелуя, оставшийся под левым соском. Она прижала ладони к пылающим щекам. Так стыдно! И от произошедшего, и особенно оттого, что где-то в глубине души — или порочного тела, ей жаль, что все не зашло еще дальше.

Когда она вышла из ванной, то наткнулась на Грету.

— Собираюсь постельное белье менять, — заявила та. — Вам как стелить: одну постель?

— Конечно, две! — взвилась Карна.

— Но ведь эту ночь вы провели вместе, — не сдавалась Грета, — Вот я и подумала...

— Мало ли что вы там подумали! Мы живем и спим в разных комнатах, и так будет и впредь!

Она вошла в спальню и демонстративно захлопнула за собой дверь.

— Думаю, недолго, — донеслось до нее.

Походив туда-сюда по спальне, Карна вытянула чемодан из-под кровати. Надо признать, дальнейшая работа у ловца невозможна. Хоть он и пообещал забыть и не вспоминать, но ясно же, что ничего забывать он не собирается. Карна взяла фотографию Эдмона и положила ее в чемодан. Но судя по тому, как Рихард целовал ее, как уверенно ласкал и какой отклик сумел вызвать в ее теле, опыт у него немалый. Вполне вероятно, что ночные поцелуи для него лишь приятный эпизод. И тогда срываться с места глупо. Она вынула фотографию из чемодана. Но если для него это ничего не значит, то ей тем более лучше уехать. Она не собирается стоять в одном ряду со шлюхами из борделя мадам Роуз, чьи имена Рихард даже не удосуживается запоминать. Карна вернула фотографию в чемодан, села на кровать и закрыла лицо руками. Но он был так слаб вчера, и так просил не уезжать. Это будет подло с ее стороны — оставить его без поддержки. Тем более результат грядущей проверки очень важен.

Когда стук во входную дверь прервал ее терзания, Карна с облегчением бросилась из комнаты.

— Я открою! — крикнула она, но Греты, кажется, и след простыл.

Сбежав по ступенькам, Карна распахнула дверь, за смотровым окошком которой маячили пышные усы личного слуги Мирабеллы Свон.

— День добрый, — сказал он, приподняв шляпу одной рукой. Слегка настороженно глянул в дом и заходить не стал. — Вот. Просили передать.

Карна взяла у него небольшую закрытую корзинку, в которой что-то пошевелилось, приподняла крышку.

— Собачка? — удивилась она. — Что, снова?..

— Не тревожьтесь, — ответил слуга. — Ведет себя спокойно, и повода для ажитации нет. Мирабелла просила передать ловцу, что интервью прошло удачно. Собака ей больше не требуется, к тому же вызывает у нее негативные эмоции.

— Хорошо, — растерянно кивнула Карна.

— Всего светлого, — мужчина снова приподнял шляпу и быстро спустился по ступенькам к ожидающему его экипажу.

Карна задумчиво посмотрела ему вслед и вернулась в дом. Опустив корзинку на пол, откинула крышку. Собачка, в чью родословную наверняка затесались мыши, страдающие запором, вжалась в дно, выстеленное бархатным одеяльцем и затравленно вытаращила глаза на Карну.

— Бедняжка, — вздохнула та. — Не думала, что когда-нибудь это скажу, но лучше бы ты оставалась в борделе.

Она протянула руку и легонько почесала за остроконечным ухом. Фифи задрожала, но потом вытянула шею, перетянутую розовой ленточкой, подставив голову под ласку. Карна погладила ее, взяла на руки. Лысый хвостик неуверенно дернулся.

— Не бойся, все закончилось, — пообещала ей Карна. — Теперь никакая навь тебя не тронет. Рихард не позволит.

Она села на диван, и Фифи устроилась на ее коленях, глядя на Карну с обожанием. Та погладила горячую лысую спинку, почесала шею. Пальцы то и дело цеплялись за розовую ленточку, усыпанную блестяшками. Карна развязала ее и поднесла к глазам, поддела ногтем сверкающий камешек. Конечно, не бриллиант, а обычное стекло, хоть и удачно обработанное.

Собака на ее коленях перевернулась, вольготно раскинув лапы, и Карна машинально погладила бархатистое пузико, рассматривая ленточку. Потом потянула ее за концы в разные стороны. В розовой ткани поблескивали серебряные нити, лента эластичная, но не слишком, а ведь она сдавливала шею жруна и не лопнула. Заговоренная? Стал бы кто-то заморачиваться заговором на собачий ошейник, украшенный стеклом? Карна сняла Фифи с колен, усадила на пол и подошла к окну. В солнечном свете ленточка засверкала как новогодняя мишура.

— Какая безвкусица, — пробормотала Карна, внимательно рассматривая ленту и стараясь не пропустить ни стеклышка.

Фифи цокала коготками по полу, обнюхивая и изучая свое новое жилище. Карна иногда на нее поглядывала, но ни страха, ни других негативных эмоций не испытывала.

— Ага! — воскликнула она, когда обнаружила два камешка, отличающихся от остальных. Это были

именно камни: более плотная структура, цвет. Они были не прозрачными и не ограненными: просто мелкие белые камешки, намертво приклеенные к розовой ленте. Карна внимательно вгляделась в них, повернула и так и сяк под солнечным лучом и вдруг поняла, что ищет — дымку, которая вилась в кристалле, вправленном в кинжал ловца. Вот на что похожи эти камешки!

Она быстро обернулась. Ловец ушел без оружия, значит, кинжал где-то здесь. Когда он собирался на дело, то не возвращался к себе в комнату — он хранит кинжал в гостиной.

— Фифи, искать, — дала Карна команду собаке и подсунула той под нос ленточку.

Фифи посмотрела на Карну с укоризной и что-то просвистела.

— Ничему-то тебя в борделе толковому не научили, — усмехнулась Карна и положила ленточку на журнальный столик.

Она быстро обошла всю гостиную — благо, это не заняло много времени. Заглянула за картину с пышногрудой красоткой, но нашла лишь дыру на обоях, открыла дверку под лестницей, но там все было заставлено инструментами и обрезками досок.

— Это где-то здесь. Под рукой, — задумчиво пробормотала она, разглядывая дубовые панели, обшивающие стену гостиной напротив лестницы. Подойдя к одной из них, постучала, прислушалась к звуку. Потом стукнула в следующую. — Вроде одинаково звучит, как считаешь?

Фифи громко сопела, наблюдая за действиями Карны.

— Или, может, эта?

Карна нажала на одну из панелей, и та открылась.

— Не этого я ждала, — задумчиво произнесла Карна, разглядывая три коротких копья с блестящими наконечниками. — А дальше что?

Она нажала на следующую панель, и та тоже поддалась. Охваченная азартом, Карна прошлась вдоль всей стены, открывая тайники, и вскоре стояла перед целым оружейным складом: копья, стрелы, арбалеты, несколько мечей разной длины и серебряная кольчуга, щит, в центре которого была чеканка глаза с черным камнем внутри, пистолеты и ружья, большой короб серебряных патронов, блестящая цепь, какие-то крюки, совсем уж непонятные предметы и, конечно, кинжал.

Карна осторожно взяла его с полки, взвесила в руке. Довольно тяжелый, хоть и небольшой. Лезвие так и сияет, а в рукояти — кристалл: белый камень, в глубине которого плавают тьма. Карна положила кинжал на столик рядом с лентой и опустилась на колени на пол.

— Я разбираюсь в драгоценностях, — пояснила она Фифи. — У меня глаз наметан. Однажды определила поддельный сапфир на кухне Беате с другого конца бального зала. И знаешь, что?

Собачка подняла уши, вопросительно посмотрела на Карну и причмокнула.

— Я почти уверена, что эти камешки — из того же материала, что кристалл ловца.

От очередного стука в дверь, прозвучавшего громко и требовательно, Карна едва не подпрыгнула. Она быстро прошлась вдоль стенки, закрывая дубовые дверки, спохватившись, спрятала назад и кинжал, а ленточку с камешками сунула в карман платья. Подойдя к двери, глянула в окошко и чуть не застонала.

— Чего тебе? — хмуро спросила Карна, слегка приоткрыв дверь. — Рихарда нет.

Однако Уго уверенно прошел в дом, вынудив ее посторониться. Обернувшись, вручил три красные хризантемы, и Карна машинально их взяла.

— Поженимся в апреле, — сказал он.

— Что? — переспросила Карна, надеясь, что ослышалась.

— Я понял, ты не такая, — кивнул Уго. Он стащил с головы вязаный берет и повесил его на крючок, снял пальто — алое, как и хризантемы. — Поэтому сразу обозначу — мы поженимся. В апреле уже тепло, птички чирикают и вьют гнезда — символично. Можно будет устроить церемонию на открытом воздухе. Пригласим старого Рымшу, он отлично играет на гуслях. Угощение пригостишь ты. Тетка подсобит. Будем экономить. У меня есть сбережения, конечно, и я уже приглядел участок земли с хорошим дубом, но строительство дома потянет много, да и дети, говорят, обходятся дорого: одни ботинки каждый год новый размер. Но младшие смогут донашивать за старшими. Так что выгодно рожать каждый год. Плюс и община помогает многодетным.

Фифи пискнула и спряталась за ножку журнального столика.

— Это что, крыса? — взревел Уго и бросился к ней.

— Стой! — спохватилась Карна и кинулась на защиту Фифи. — Это собака! — воскликнула она, загородив ему путь.

— Уверена? — засомневался он, но все же остановился. Маленькие глазки маслянисто пробежались по фигуре Карны, потом он перевел взгляд на ее губы, небритая физиономия стала медленно приближаться, узкие губы вытянулись в трубочку, и Карна ударила его хризантемами по морде. Красные лепестки рассыпались фейерверком и, кружась, опали на пол.

— Ты в себе вообще? — выкрикнула она. — Какой апрель? Какая свадьба?

— Можно и быстрее, — согласился Уго. — Зачем тянуть? Но придется оплачивать аренду зала. Сейчас холодно на улице праздновать.

Карна закатила глаза, вытащила Фифи из-под стола и прижала к груди.

— А какие у тебя перспективы? — спросил он. — Монастырь или замужество с сильным, красивым и успешным мужчиной. Выбор очевиден!

Карна скептически посмотрела на него. Это было так абсурдно, что она даже не могла толком рассердиться.

— Болтать все горазды, — сказала она. — Пришел тут такой, в красном пальто, цветочки сунул, и думаешь — все, растаяла? А что ты на самом деле можешь предложить женщине? Дом построишь? А вдруг не выйдет у тебя! И что, так и буду сидеть на твоем участке под дубом, босая и беременная?

Уго надулся, раздувая ноздри, перевел взгляд на Фифи, и лицо его прояснилось.

— Я тебе докажу, — кивнул он. — У меня золотые руки!

Он целенаправленно прошел к каморке под лестницей и, открыв дверку, стал вытаскивать оттуда инструменты, следом на пол грохнулась банка с гвоздями.

— Что ты...

— Увидишь, — сказал он. — Знаешь, как в булочной дают кренделек перед покупкой целого пирога? Твоему песику нужна будка, так?

Фифи испуганно посмотрела на Карну, засвистела, и та ее почесала за ушком. А Уго развил бурную деятельность: открыл заднюю дверь, выходящую из гостиной в маленький дворик, вытащил туда доски, инструменты, стал разбирать хлам, скинутый в кучу у стены.

Карна вышла во двор, спустила Фифи на землю, и та осторожно подошла к Уго. Тот обернулся,

погладил ее широкой короткопалой пятерней, едва не распластав по земле, но Фифи, пискнув, не убежала, а напротив — заинтересовалась и стала обнюхивать банку с гвоздями. А Карна оперлась на покосившийся забор. За ним простиралась пустошь: пожухший луг, в котором еще атели мелкие цветочки, и ветер гнал волны по сухой траве. Черва изгибалась вдалеке и уползала в туман, собирающийся под ветвями красного леса.

— Никогда бы не подумала, что окажусь здесь, — задумчиво произнесла Карна. — Знаешь, в институте мы читали легенды об этой реке...

— Ты училась в институте? — неодобрительно глянул на нее Уго.

— А что, образование у жены не приветствуется?

— Зачем женщине лишние мысли в голове? — рассудил он, примеряясь топором к доске. — Кыш, крысеныш! — Фифи понятливо отскочила. — И что там в институтах ввали про Черву?

— Будто она разделяет миры, и по ту сторону действуют совсем другие законы.

— Я родился на той стороне, — сказал Уго и ударил топором. — Потом, когда в Рывне стали принимать оборотней, наша семья перебралась. Я мало что помню из детства: шум леса, сладкие желуди. Мы с Харди тренируемся на том берегу, но в чащу не ходим. А шахтеры каждый день шастают через реку. Серебро само себя не добудет.

— Здесь богатые шахты?

— Весь город на них живет, — ответил Уго. — Если б не серебро, так и не было б Рывни. А про Черву бабуля сказывала. Что где-то в красном лесу, в самом сердце тумана лежит раненый поросенок, сын богини-матери. Бог-охотник пронзил его бок копьем. Священного поросенка нельзя убить, но копье было отравлено, потому и поправиться он не может. И вот лежит он, истекая кровью, и кровь эта, пропитанная ядом, — и есть Черва. А богиня, мать сущего, плачет, не в силах вытащить копье — ведь она есть добро и рождение, и оружие ей неподвластно. Слезы ее падают на рану, вскипают от яда и превращаются в туман над рекой...

— Священный поросенок, — повторила Карна. — А бог-отец в твоей вере есть?

Уго посмотрел на нее снисходительно.

— Я отведу тебя в общину. Познакомлю с теткой и старейшинами. Они тебя всему научат и все расскажут, если ты им, конечно, понравишься. Скажи, а ты с Харди, ну... У вас ничего не было?

Карна вспыхнула и повернулась к Уго.

— Ничего у меня с ним не было, и с тобой тоже не будет.

— Это ты еще не видела будку, — хвастливо возразил Уго, возле которого росла стопка подровненных дощечек. — Твой крысопес не захочет оттуда выходить.

Карна лишь покачала головой. Она нашла калитку — без всякого затвора и визжащую громко, как священный поросенок — и вышла со двора. Соседние дома стояли ближе к дороге, прижимаясь друг к другу, а дом ловца словно сделал шаг назад: чуть ближе к реке, чуть дальше от города. Правильнее было бы назвать Крыжовенный переулочек тупиком, потому что тут Рывня заканчивалась.

Обернувшись и удостоверившись, что Фифи осталась с оборотнем и все так же увлечена строительством будки, Карна пошла вниз, к Черве. Прозрачная вуаль тумана висела над рекой, красный лес высился на том берегу, что-то нашептывал, звал. Солнце спряталось за серую хмарь, и Карна словно попала в безвременье: то ли утро, то ли вечер, то ли слезы на щеках, то ли дождь. Река тихо шипела, катясь прочь и откусывая комья рыжей глины от крутого берега.

Туман стелился над водой — словно еще одна река, только белая, и, послушная ветру, она текла в другом направлении. Сейчас очень легко было поверить, что Черва, огибающая провинциальный городок, и есть та река, по которой души усопших отправляются в другой мир. Красный лес шептал, и в его мерном шуме Карне чудились слова молитвы, которые она и сама, вспоминая любимых, повторяла так часто...

— Не подходи близко.

Карна ахнула и рефлекторно шагнула вперед, но ловец поймал ее за предплечье.

— Река подъедает берег, и иногда он сползает вниз целыми пластами, — пояснил Рихард. Выглядел он лучше, чем утром, и рука его была сильной.

— Как твое дело?

— Оно не мое, — ответил ловец. — А полиции. Что там делает Уго? Я получил какое-то путанное объяснение про пробный дом.

— Мы с ним женимся в апреле, — сообщила Карна. — Он так сказал. Сейчас строит будку для Фифи — как образец нашего с ним будущего дома.

— Мирабелла прислала собаку?

— Просила передать, что интервью прошло хорошо, но собака вызывает у нее негативные эмоции.

— Вот как.

— А наша с Уго свадьба тебя не удивляет?

— Ну, ты не захотела с ним спать за пять шендеров, так вряд ли согласишься выйти замуж из-за собачьей конуры.

Карна посмотрела на него укоризненно, и Рихард улыбнулся.

— Я голодный — жуть. Пошли в ресторан?

— Ресторан? — она отвернулась к реке, и прохладный ветер освежил лицо. — Рихард, надеюсь, это не свидание. Если ты думаешь, что после вчерашнего...

— Мы договорились забыть и не вспоминать.

Карна пытливо взглянула на него — черные непроницаемые глаза, вежливая улыбка... Поняв, что слишком долго смотрит на его губы, быстро отвернулась.

— Просто я решил, что у тебя должен быть выходной, — пояснил он. — Но если ты не хочешь в ресторан — тем лучше. Пойдем, приготовишь что-нибудь сама. Вот то рагу, к примеру. А я помогу — скажешь, что делать.

— Ладно, ресторан, — быстро согласилась Карна. — Только без Уго. Может, ты с ним поговоришь? Ты ведь его друг. Сможешь донести до него мысль, что наша свадьба не состоится, даже если он построит для Фифи целую улицу?

— Никогда не становись на пути у кабана, — сказал Рихард, взяв ее ладонь почти привычным жестом и положив себе на сгиб руки. — Это глупо и опасно.

— В принципе, можно оставить как есть, — кивнула Карна, шагая с ним рядом по полю и придерживая длинную юбку свободной рукой. Сухие травинки цеплялись за подол, царапали ноги. — Все равно я скоро уеду. Когда там твоя повторная проверка?

— Не знаю, — ответил Рихард. — Может, через месяц-два...

— Раньше ты говорил — пару недель!

— Рывня далеко от столицы, почта работает плохо...

Уго, увлеченный строительством, лишь кивнул им, зажав в зубах с пяток гвоздей. Он снял рубашку, оставшись лишь в майке без рукавов, и Карна поспешно отвела взгляд от массивных плеч, покрытых рыжеватой шерстью.

— А как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Слабость еще накатывает, — ответил Рихард. Он помог ей надеть плащ и подал сумочку. — Дашь посмотреть воспоминание?

Он стоял так близко, почти прижав ее к стене, и Карна невольно сглотнула, снова посмотрела на его губы.

— Или... — тихо начал он.

— Да, — быстро согласилась Карна. — Да, дам посмотреть воспоминание.

— Хорошо, — слегка улыбнулся он и подставил ей локоть. — Идем. Ты удивишься, но в Рывне есть неплохие места, куда не стыдно отвести столичную даму. «Золотой гусь» — знаешь такой ресторан?

«Золотой гусь» встретил их гостеприимно и радостно: сияли позолотой люстры, хрустели накрахмаленные салфетки, блестели столовые приборы. Карна опустила на стул, галантно подвинутый ловцом, и уткнулась в меню.

— Интерьер тебя не впечатлил? — заметил Рихард.

— Все прекрасно, — ответила она.

— Ты даже не рассмотрела их гордость.

Карна недоуменно подняла взгляд, и ловец кивнул на фонтан, установленный прямо в центре ресторана: золотой гусь сидел по центру и флегматично выпускал из клюва струйку воды.

— Мило, — вежливо улыбнулась она. — Часто тут бываешь?

— Нет, — ответил он. — Второй раз.

— Уже водил сюда кого-то?

— Меня водили, — улыбнулся он, отщипнув кусочек булочки из хлебной корзинки. — Начальник полицейского участка праздновал здесь свой юбилей.

— Весело было?

— Неплохо, — кивнул он. — Правда, меня пытались утопить в этом самом фонтане.

— Им это, похоже, не удалось, — заметила Карна и отложила меню. — Пожалуй, возьму рыбу.

— Что бы мне заказать... — Рихард погрузился в изучение меню, а Карна тайком кинула взгляд на него. Не сказать, что красавец — ни утонченности, ни лоска, но что-то в нем есть. В черных волосах блеснули серебряные нити.

— Сколько тебе лет? — вырвалось у нее.

— Тридцать. А тебе?

— Нескромно задавать женщине такой вопрос.

Рихард поднял на нее взгляд, пристальный и будто читающий все потаенные мысли, и Карна невольно прикусила губу. Не надо было соглашаться и идти с ним в ресторан. В углу нежно запела скрипка, Карна посмотрела туда и вздрогнула от внезапного прикосновения: Рихард погладил ее кисть кончиками пальцев.

— Если не хочешь — не отвечай.

Карна убрала руки, сложив их на коленях.

— Расскажи лучше про свой институт, — попросил он. — Давно выпустилась?

— В прошлом году.

— Я все не могу взять в толк, на кого ты там училась. На благородную девицу? Это, вроде как, не профессия.

— У нас было много предметов, — уклончиво ответила Карна. — И не думай, что в моем институте учиться проще, чем в академии ловцов.

Рихард слегка улыбнулся, опустил ресницы — густые, как у девушки.

— Так кем становятся выпускницы института благородных девиц?

— Женами, — коротко ответила Карна.

Официант прервал паузу, повисшую в их беседе, склонившись над столиком в вежливом поклоне.

— Вот думаю, может, заказать рагу, — сказал Рихард, листая меню. — Твое мне очень понравилось. Незабываемый вкус.

— Возьми что-нибудь другое, — торопливо предложила Карна. — Не бойся пробовать новое. Вот хотя бы устриц...

— Не надо, — отказался он. — У меня и так... кхм... Давайте рыбу, как и даме. И белого вина.

— Десерт?

— Позже, — отказалась Карна.

Взгляд Рихарда быстро метнулся к ней, обжег губы. Официант ушел на кухню, и Карна едва сдержалась, чтобы не позвать его и не попросить постоять рядом. Вроде бы ловец и не делал ничего особенного: лишь смотрел на нее, но атмосфера словно сгустилась. Как назло, в ресторане приглушили свет, и музыка полилась совсем уж томная. Журчал фонтан, а в черных глазах ловца отражался огонек свечи, и это завораживало.

— Ты была хорошей женой, — утвердительно произнес Рихард.

— Разумеется, — ответила Карна. — Я знаю все, что необходимо: могу вести налоги, как ты уже убедился, следить за хозяйством, могу организовать прием... Поверь, Уго бы удивился, если бы я на самом деле организовала нам свадьбу. Ее бы вся Рывня не забыла. К тому же я неплохо музицирую, разбираюсь в живописи, моде, украшениях... Кстати! — она пошарила в кармане платья и вытащила розовую ленточку, усыпанную блестяшками.

— Ошейник Фифи.

— А перед этим — Жожо. Посмотри вот на эти два камешка. Они отличаются от других. Более плотные, не такие сверкающие. Похожи на кристалл в твоём кинжале.

Ловец взял ленточку, попытался отковырять камешек ногтем, а Карна отпила вино, которое официант разлил им по бокалам. Слишком сладкое, но «Золотому гусю», вопреки внешнему блеску, не хватало класса. Взять хоть официантов: первым делом она бы запретила им пользоваться средством для волос — блестят, словно гусиным жиром намазанные.

Когда она вчера запустила пальцы в волосы Рихарда — те были чистыми и густыми, и немного кололи ладони...

— Тебе не жарко? — прервал ее воспоминания ловец. — Можем попросить открыть окно.

— Все в порядке, — ответила она.

— Ты покраснела.

— А ты мог бы не заметить.

Он посмотрел ей в глаза, и у нее вдруг перехватило дыхание. Миг — и все прошло.

— Ты... — ахнула она. — Ты что... ты только что смотрел в меня?

— Нет, — ответил он. — Позже. Дома.

А потом многозначительно улыбнулся.

Карна злобно вонзила нож в рыбу, появившуюся перед ней, а Рихард приступил к еде спокойно и аккуратно.

— Хочу сказать тост, — приподнял он свой бокал. — За Фифи.

Карна наколола стебелек стручковой фасоли и молча отправила в рот.

— Нам удалось спасти ее от навки, и, похоже, лысая свиристелка обрела новый дом, — продолжил разглагольствовать ловец, а его взгляд медленно ласкал ее кожу — она чувствовала его, как прикосновение. Вот он скользнул по щеке, задержался на губах, прошелся по шее, скрытой высоким воротником платья, и словно увидел каждый из засосов, оставленных губами ловца. Лишь на миг опустился ниже, но сердце Карны все равно зашлось быстрее. — Хоть я и не планировал заводить собаку, но теперь вижу, что неожиданные изменения бывают к лучшему, — Рихард сделал глоток, покатал вино во рту и, проглотив, чуть поморщился.

Карна взяла бокал и выпила половину.

— Так что скажешь про камни? — спросила она.

Рыба казалась безвкусной, а фасоль жесткой, и Карна сложила вилку и нож параллельно друг другу. Скрипка стонала, всхлипывала, и к ней присоединился густой голос виолончели.

— Не знаю, — честно признался Рихард. — Это, конечно, странно — я убиваю одного жруна, и на

его месте тут же появляется второй. Но навку нельзя достать из кристалла.

— А он безразмерный? — уточнила Карна. — Туда можно сколько хочешь навок наловить?

— Нет, — ответил Рихард. — Когда кристалл темнеет, я его меняю.

— И куда деваешь старые?

— Карна, — он протянул руку и накрыл ее ладонь. — Я бы хотел отдохнуть и не думать о работе хотя бы один вечер. Я в ресторане, напротив — прекрасная женщина...

— Ты снова воркуешь как голубь, — ответила она, убрав руку. — Это не свидание, помнишь? Так куда деваются старые кристаллы?

— Я сдаю их в полицейский участок. Потом их утилизируют в гильдии в столице. Послушай, чего ты хочешь от меня? Я свою работу выполнил, и даже больше — в двойном размере за одну плату...

— Тебе бы не пришлось выполнять двойную работу, если бы ты не попытался обмануть заказчика, — заметила Карна.

— А ты что, мой голос совести?

— Ну, раз своей у тебя нет...

Рихард с отвращением отодвинул от себя тарелку. Возле стола материализовался официант.

— Вас все устраивает? Хотите заказать десерт?

— Обойдусь, — ответила Карна.

— Да, а это заверните с собой, как обычно делаете для дамы, — добавил Рихард. Кивнув, официант послушно забрал тарелки и исчез, а Карна взяла сумочку и поднялась. Ножки стула с громким треском проехали по полу.

— Ты знал, — обвинила она.

— Конечно, я знал, только мне непонятно, почему обижаешься ты. Странно у тебя получается: когда вру я, то виноват я, и когда врешь ты, то все равно виноват я. Это тебя в институте благородных девиц научили такой логике?

— Все это было ошибкой, — сказала Карна. — Я ухожу.

— Куда это ты собралась? Ты на меня работаешь!

— Я не подписывала контракт.

— Ты обещала...

— Ничего я не обещала. А вот ты — обещал. Никаких поцелуев — я сказала об этом сразу, при встрече. И что?

— Ты сама поцеловала меня!

— Я думала, что целую Эдмона!

— О нет, ты целовала меня, — усмехнулся Рихард. — С ним ты не чувствовала такого возбуждения. Я был в твоём воспоминании и знаю точно. Забыть и не вспоминать? И как это сделать, скажи на милость? Ты исцарапала мне плечи, как дикая кошка. Ты извивалась, стонала, просила еще и хотела меня, а не своего мертвого Эдмона!

Карна схватила бокал с недопитым вином и выплеснула в лицо Рихарду. Ловец облизнул губы и усмехнулся, а Карна вдруг поняла, что в ресторане стоит гробовая тишина. Даже скрипка и виолончель больше не пели, и лишь струйка воды с журчанием текла из золотого гусиного клюва. Весь персонал и редкие посетители повернули головы и смотрели в их сторону с восторгом и жадным любопытством.

Развернувшись так, что подол черного платья взметнулся, Карна быстрым шагом направилась к гардеробу. Схватив поданный ей плащ и шляпку, выбежала из ресторана, задыхаясь от возмущения. Надо было уехать сразу же. Надо было вовсе не приезжать! Завидев экипаж с открытой дверкой, она вскочила в него, не дожидаясь помощи кучера.

— Крыжовенный переулочек! — громко приказала она. Ловец любит ходить пешком — вот пусть и идет себе, куда подальше. Она доберется первой, возьмет фотографию Эдмона и уедет навсегда.

Слезы брызнули, перед глазами все поплыло. Карна сцепила зубы и быстро пошарила в сумочке. Вынула носовой платок и аккуратно промокнула глаза.

— Нахал, — буркнула она. — Дурак. Урод. — Покопавшись в памяти, выудила еще ругательные слова: — Говнюк, мерзавец и подлец.

Копыта мерно стучали, и экипаж, покачиваясь, быстро ехал по дороге. Карна глянула в окно и увидела мелькнувшую между домами черную гладь, подернутую туманом. Странно, если они едут к ловцу, то река должна быть по левую руку.

— Простите, вы верно услышали адрес? — спросила она. — Крыжовенный переулок. Это в самом конце Рывни. Жуткая дыра.

Кучер ничего не ответил, и Карна нахмурилась. Через маленькое окошко она видела лишь его плечи и белую полоску шеи. Может, по-другому к дому ловца на экипаже не добраться? Она откинулась на спинку сиденья, крепче сжала ручки сумочки, посмотрела в окно. Река снова мелькнула между домами. Туман стелился по ней, заползал на пустынные улицы города, и даже нутро экипажа будто заволокло белой дымкой.

А потом Карна почувствовала запах. Очень слабый и вроде даже приятный, но в животе у нее вдруг словно скрутился узел от ужаса.

На сиденье напротив лежала ветка пиона. Белый цветок совсем не примялся, и пышный ворох лепестков топорщился маленьким облаком. Ее любимые цветы...

Пионы не цветут в октябре.

Медленно, с усилием преодолевая оцепенение окаменевших от страха мышц, Карна наклонилась вперед и снова посмотрела в окошко, отделяющее ее от кучера.

Черная полоса плеч, белая шея, рыжие кончики волос.

Карна быстро зажала себе рот рукой, сдерживая рвущийся вопль ужаса.

Волосы были не ярко-рыжими, а скорее каштановыми — темными от воды. Капля сорвалась со слипшейся прядки, упала на белую шею и затекла под черный воротник.

Не давая себе времени на раздумья, Карна дернула ручку двери и выпрыгнула наружу. Она упала на обочину, скатилась по грязи, оцарапав ладони и сбив колени. Экипаж дернулся и застыл, вороная лошадь стала как вкопанная, не шевелясь и, кажется, даже черные бока не вздымались, и несколько мучительных мгновений Карна ждала, что вот сейчас кучер спрыгнет, повернется, и она увидит его лицо. Она и хотела, и боялась этого больше всего на свете, но вздрогнули вожжи, и лошадь сорвалась с места, унося экипаж прочь, а Карна увидела бегущего к ней ловца.

Рассчитавшись с официантом, Рихард сгреб розовый ошейник со стола и направился вслед за Карной — и едва успел увидеть черный экипаж, сворачивающий в проулок. За колесами взметнулись густые темные завихрения, и Рихард замер, раздувая ноздри. Две дамы, прогуливающиеся вдоль витрин, глянули на него и зачирикали, как глупые птицы, склонив друг к другу головы, украшенные шляпками с разноцветными перьями. Кажется, он случайно задел одну из женщин, когда бросился вслед за экипажем, за которым тянулся черный шлейф, не видимый другим людям.

Хоть бы Карна пошла пешком. Хоть бы ее не было там — в покачивающейся на колесах коробке без гербов на дверях и опознавательных знаков. Он срезал углы, сворачивая в узкие проулки, через которые экипаж бы не протиснулся, и бежал так быстро, что в глазах темнело, однако расстояние между ними не сокращалось. Вороня лошадь скакала все быстрее, хотя кучер не подстегивал ее и не подгонял. Воняло навью — липкий запах забивался в ноздри, драл горло, и Рихард с ужасом осознал, что может не догнать, упустить. Он понял, куда едет экипаж: к мосту, ведущему в красный лес, и рванул еще быстрее, когда дверка экипажа распахнулась, и Карна выпрыгнула на обочину и скатилась в сторону. Шляпка с черным пером отлетела и плюхнулась в лужу.

Экипаж затормозил, и Рихард вспомнил, что оставил кинжал дома. Еще даже солнце не зашло, отчего эта тварь, кем бы она ни была, вылезла сейчас? Когда колеса сдвинулись, и экипаж снова тронулся, Рихард выдохнул и бросился к Карне.

— Ты в порядке? — спросил он, помогая ей встать, ощупывая, поворачивая ее голову. Волосы разметались и одна щека оцарапана, но, кажется, несерьезно. — Где болит?

— Я порядке, — ответила Карна, вздернув подбородок. — Убери от меня свои грязные руки!

А потом, как и полагается благородной девице, потеряла сознание, и он еле успел подхватить ее обмякшее тело.

Рихард поднял ее, наклонился за сумочкой. Едва не выронил Карну в грязь и, подумав, перекинул ее через плечо — так идти оказалось куда удобнее. Он быстро спустился вниз к реке, свернул на улицу, перед которой высились деревянные ворота, украшенные черепами животных, и направился к хижине, напротив которой горел костер.

Женщина, подбрасывающая в огонь белесые гладкие ветки — или кости, как знать, — подняла голову. Седые косы обрамляли странно молодое лицо, словно выточенное из орехового дерева, глаза, рыжие и живые, горели на нем, как пламя.

— Кого принес, ловец? — спросила она.

— Осмотри ее, ведьма, я заплачу.

— Куда ж ты денешься, — улыбнулась она, показав острые треугольные зубы. — Кто она?

— Вдова, аристократка, выпускница института благородных девиц, моя помощница... — перечислил он. — Не знаю.

— Она дорога тебе? — ведьма склонила голову к плечу, глядя на него блестящими глазами.

— Да, — ответил он.

Кивнув, она легко поднялась с цветастого коврика и, откинув полог, вошла в хижину. Рихард последовал за ведьмой и положил Карну на подстилку из лисьих шкур.

— Красивая, — заметила ведьма. — Несчастливая. Отчего без сознания?

— Только что выпрыгнула из экипажа на полном ходу.

Ведьма присела, и колени ее вдруг вывернулись в обратную сторону. Узкие четырехпалые кисти с загнутыми когтями быстро обхватили руку Карны, ведьма склонилась и осторожно прокусила ей кожу на запястье. Задумчиво обвела узким языком губы, слизывая кровь.

— Вкусная... Ни проклятий, ни наговоров — чистая. Кровь горячая.

— О да, — хмыкнул Рихард.

— У нее жар начинается, болван.

— Заболела? — встревожился он.

Ведьма склонилась к тонкой белой руке — Карна забыла, или не успела надеть перчатки — и слизнула струйку крови. Зажмурилась от удовольствия, причмокивая тонкими губами.

— Повреждений нет. Очень испугалась. Ночь полихорадит — и пройдет. Дашь ей чая Бормотухи. С тобой ей будет спокойно, ловец? — она внимательно посмотрела на него, и Рихарду вдруг показалось, что теперь его видят насквозь — со всеми темными мыслишками и низменными желаниями.

— Не факт, — честно ответил он.

Ведьма прикусила свое запястье и поднесла к губам Карны. Тяжелая густая капля крови упала ей в рот.

— Это ее успокоит, — сказала ведьма. — Последствий испуга не будет.

Карна облизнула губы, застонала, открыла глаза и, вскрикнув, взметнула руку. Ведьма быстро отклонилась от пощечины.

— Тихо, тихо, — Рихард быстро присел возле нее. — Это... доктор.

— Это даже не человек! — воскликнула Карна, и ведьма широко улыбнулась, показав острые зубы.

— Забирай ее, — сказала она. — Ишь какая резкая. Пусть хорошенько выспится. И не оставляй ее одну. Ты ведь знаешь, что на ней навкин след?

— Знаю, — буркнул Рихард. — Сколько с меня?

— Не деньгами... Посмотри в меня, — прошептала ведьма, блеснув огненными глазами. — Дай мне прожить это снова...

Вздохнув, он шагнул к женщине, обхватил тонкую птичью шею ладонью и приблизил лицо — казалось, еще немного, и их губы соприкоснутся. Ведьма прерывисто вздохнула, запрокидывая голову, зрачки в ее рыжих глазах мгновенно расширились, затопив всю радужную оболочку, и Рихард обнял ее второй рукой, не давая упасть.

Это длилось несколько минут, а потом он медленно отодвинулся, и зрачки ведьмы снова сузились в точки.

— Спасибо, — медленно проговорила она, и глаза ее заблестели от слез. — Уходите. Оставьте меня одну! Прочь!

Рихард кивнул, помог Карне подняться и отодвинул полог, открывая выход из хижины.

Они не встретили по пути экипажей, но Карна и не заставила бы себя сесть ни в один из них. Рихард придерживал ее за талию, и у нее не было сил возражать. Ее шатало, и голова горела, как утюг, полный углей, и когда Карна вошла в дом, то силы покинули ее, и она готова была улечься прямо у подножия лестницы. Рихард помог ей снять плащ, стащил ботинки и отвел в спальню. А потом она словно упала в реку и поплыла, влекомая течением куда-то за реальность.

Она чувствовала прикосновение теплых рук, влажный компресс охлаждал пылающий лоб. Иногда ей давали травяной чай, поддерживая голову, и тогда волны реки, несущей ее, успокаивались, и это было даже приятно — плыть, словно листок, упавший с дерева, и не думать ни о чем. А потом волны схлынули, прибив ее тело к берегу, и она провалилась в глубокий сон без сновидений.

Проснувшись, Карна не сразу открыла глаза и лежала, сомкнув веки. Во рту был странный привкус горьких трав и железа. Голова немного гудела, и запястье чесалось, как от комариного укуса. Вчерашний вечер словно подернулся туманом. Ссора в ресторане, потом экипаж. Ее что-то напугало, и она выпрыгнула. Рихард нашел ее, помог...

Звучный храп донесся с соседней подушки. Он что же, спит с ней вместе? Смутные воспоминания теснились, сплетаясь и заслоняя друг друга. Странная женщина с огнем в глазах и зубами акулы, ворота, украшенные черепами — все это было на самом деле? Карна провела по телу ладонями. Платья не было, только нижняя рубашка. Рихард раздел ее? И теперь храпит рядом как ни в чем ни бывало?

Карна распахнула глаза, повернулась, чтобы высказать ловцу все, что о нем думает, и увидела на подушке Фифи. Собака спала, подергивая лапками, и громко храпела. Карна положила руку себе на лоб — прохладный. Села в кровати, потеряла забинтованное запястье. Одежда куда-то исчезла: ни платья, ни чулок, но хоть белье осталось на ней. Карна повернулась и вскрикнула от испуга: вместо фотографии Эдмона на полке снова стоял череп и пялился на нее пустыми глазницами.

Обведя комнату взглядом: на спинке стула черная рубашка ловца, на подоконнике огарок свечи, на столе — чайник, Карна поднялась с кровати, оправила нижнюю рубашку, задравшуюся до пояса. На правом колене обнаружилась повязка.

Воспоминания плавали как клочья тумана. Нежные руки, успокаивающий голос... Черные глаза и жесткое лицо, кажущееся мягче при свете свечи.

Карна запустила руки в волосы, нащупала шишку над ухом. Странное ощущение: будто от нее задернули штору в ее собственной голове. Она взяла чайник и припала к носику, жадно глотая остатки чая.

Дверь распахнулась, Карна повернула голову.

— Проснулась? — в комнату, вытирая мокрые волосы полотенцем, вошел Рихард.

Босиком и в одних штанах, не застегнутых к тому же на верхнюю пуговицу, на широкой груди, покрытой темными волосками, изгибается светлый шрам.

— Выйди, — буркнула она и снова припала к чайнику. Противный привкус исчез изо рта, но пить хотелось страшно.

Ловец забрал у нее из рук чайник, поставил на стол, а потом бесцеремонно развернул ее к себе и положил пятерню на лоб. Карна возмущенно попыталась его оттолкнуть, но Рихард лишь улыбнулся.

— Смотрю, тебе лучше.

— Ты раздел меня!

— Знаешь, в академии ловцов у нас тоже была медицинская практика, — ответил Рихард, поворачивая ее лицо к свету и оттягивая веко. — Правда, по богадельням нас не водили, и лечили мы все больше переломы, растяжения да ушибы — как раз твой случай. Мне пришлось тебя раздеть, чтобы обработать ссадины и царапины. Но я не смотрел на тебя, как на женщину.

Карна с подозрением уставилась на него, смахнула прядь волос с глаз.

— Ты была только пациентом, — безмятежно добавил Рихард. Он обхватил ее голову пальцами, наклонил к себе и, раздвинув пряди волос, посмотрел на шишку.

— Выйди, мне надо одеться, — повторила Карна.

Она опустила ресницы, чтобы не видеть пугающе пронизательные глаза ловца, и уставилась на темную дорожку волос, сбегаящую под брюки — и это было еще хуже. Попятившись, уперлась попой в стол, но Рихард шагнул за ней, снова оказавшись неприлично близко.

— Что со мной? — спросила Карна. — Я смутно все помню, и во рту такой странный привкус... В вино снова что-то подмешали?

— Серьезных повреждений нет. Что до помутнения рассудка — ты и раньше не мыслила здраво, — Рихард рассмеялся и, перехватив ее руку, занесенную для пощечины, быстро размотал запястье. — Думаю, дело в ведьминой крови, — пояснил он, осматривая посохшие порезы, похожие на следы от укуса. — Она дала тебе каплю.

— Что? Я пила чужую кровь?

— Только каплю. Кровь ведьмы из красного леса — лучшее лекарство. Ей сотни лет, если не тысячи, а выглядит максимум на... — Рихард задумался, а перед глазами Карны вспыхнуло воспоминание: склонившееся к ней молодое лицо женщины с ореховой кожей и огненными глазами. — Пятьдесят. Да, больше бы я ей не дал. Почему ты выпрыгнула из экипажа? Дай мне посмотреть воспоминания, если не можешь сказать.

— Точно. Я выпрыгнула из экипажа, — повторила Карна. — Так глупо. Могла ведь разбиться насмерть.

— Все правильно сделала, — ответил Рихард. — Я мог и не догнать. Там была навка, помнишь?

Рыжие волосы, капля, стекающая за воротник... Карна захлебнулась ужасом, и тут же оказалась в успокаивающих объятиях.

— Не бойся, все хорошо.

Она часто дышала, прижавшись к мужчине и вцепившись в крепкую шею, его руки гладили ее по спине.

...а еще там был аромат, что преследовал ее после похорон. Белые пионы, ее любимые цветы, которые она теперь не может видеть. Слезы сами потекли по щекам, и Карна попыталась отодвинуться, но Рихард только обнял ее крепче.

— Поплачь, — прошептал он, погладив ее по голове, как маленькую девочку. — Тебе давно надо было это сделать.

Карна подняла к нему лицо, и он вытер ее влажную щеку, легонько поцеловал в уголок губ. Она ахнула, отпрянув, села на стол, а Рихард отвел ладонью ее колено и оказался между разведенных бедер.

— Только не начинай эту свою песню «без поцелуев», очень тебя прошу, — тихо попросил он. И его губы накрыли ее рот.

Она уперлась ладонями в его грудь, а потом руки скользнули выше, обняли его шею и запутались во влажных волосах.

Звякнул сдвинутый чайник. Всхрипнула потревоженная Фифи.

Он целовал ее неторопливо, нежно и так уверенно, словно имел на это право.

— Рихард, — выдохнула она, когда он оторвался от ее губ и легонько прикусил мочку, поцеловал за ухом. — Не надо.

Он запустил руки в ее волосы, пропуская пряди между пальцами, слегка помассировал затылок. А она будто снова оказалась в реке и плыла, подхваченная течением.

— Почему ты поцеловал меня? — прошептала она, посмотрела ему в глаза, будто надеясь увидеть там ответ.

— Потому что захотел. Разве для поцелуев бывает другая причина? — его глаза затягивали, как два омута. Пальцы скользили по шее вниз и снова вверх, и так хотелось просто расслабиться и отдаться тому ощущению, что рождалось в ее теле. — Кто там был, в экипаже?

— Эдмон.

Ее горло словно сдавило, крик ужаса застрял где-то в глотке, и Рихард обнял ее, снова погладил волосы.

— Все хорошо, — пробормотал он, прижимая ее к себе, — все закончилось.

— Все не хорошо, — возразила она, покачав головой. — Я осталась одна. Совсем. И родители, и Эдмон — они умерли. Все, в один день. И вот теперь он вернулся за мной? Да? Так значит, ничего не закончилось! Я зря выпрыгнула? Пусть бы увез меня туда, где мои родные!

Рихард тряхнул ее за плечи.

— Не начинай истерику, — приказал он. — Ты не одна.

— А кто у меня есть? — зло улынулась она сквозь слезы. — Ты?

— Карна, прими как факт, что больше ты не одинока, — сказал Рихард, заправив прядь волос ей за ухо. — Теперь у тебя есть мужчина, который несет за тебя ответственность.

Карна посмотрела на него с подозрением, сморгнула слезы.

— Тот, кто готов сражаться за тебя. За ваших будущих детей...

— Что ты несешь?

— Уго, — пояснил Рихард, широко улыбнувшись. — Да и я не могу оставить в беде невесту друга.

Она оттолкнула его, и Рихард рассмеялся.

— Ты еще не видела будку. Там такие хоромы...

— Фифи не оценила, почему я должна?

— Так ты уверена, что это был твой муж?

— Я видела только его шею и волосы, — ответила Карна. Она все же выскользнула из объятий Рихарда и отвернулась. Вытерла слезы ладонями, похлопала по щекам. Глаза наверняка опухли, и нос покраснел. Распустилась совсем, вот стыд. — Сама не знаю, откуда такая уверенность. Может, это в самом деле был обычный кучер.

— Необычный. За экипажем тянулся навкин след. Эдмона кремировали?

Карна кивнула.

— Уверена?

— Я была там.

— Уже легче. Не высшая навь.

— Рихард, — она повернулась к нему и запнулась. Сейчас ловец смотрел на нее без насмешки, скорее сердито и внимательно. Волосы его взъерошились, короткий порез алел на гладком подбородке — к вечеру опять зарастет щетиной. — Я, наверное, просто переволновалась. К тому же ты вывел меня из себя там, в ресторане. Зачем ты все это говорил, да еще и при людях? — ее упрек прозвучал жалобно.

— Потому что ты еще большая лгунья чем я, — ответил он. — И это бесит. Ты отталкиваешь меня, но при этом отвечаешь на мои поцелуи. Как он выглядел? Детали.

— Волосы были мокрыми. Рихард, может, кучер просто вспотел...

— Мокрый. Значит, вотум, — кивнул он. — Так я и думал. Навка среднего уровня. Воплощается в прежний телесный облик.

— Но зачем ему это? — воскликнула Карна.

— Ты мне скажи, — потребовал Рихард и подошел к ней. — Вспоминай. Он хочет отомстить тебе за что-то? Ты была ему неверна?

— Да как ты смеешь! — рассердилась она.

Рихард улыбнулся.

— Что тогда?

— Эдмон не может желать мне зла, — твердо возразила она. — Мы любили друг друга!

— Карна, я знаю тебя всего несколько дней, и мне уже иногда хочется тебя придушить, так что появление Эдмона было вполне ожидаемым. Но если не мечь, то что может тяготить его душу? Какой-то долг? Незавершенное дело? Чего он может хотеть от тебя, Карна?

— Знаешь, тебя это не касается, — заявила она. — В любом случае мне лучше уехать. Здесь небезопасно, а в монастыре меня защитят.

— Он появлялся и раньше?

— Нет, — ответила Карна. — Не знаю. Я видела пионы — он знал, что я их люблю, чувствовала взгляд... Ничего такого, но иногда мне становилось страшно без причин.

Рихард задумался.

— Может, действительно сама себя накручивала. Ты останешься, Карна.

Вспыхнув, она открыла шкаф, сняла несколько платьев прямо с вешалками, поддела пяткой чемодан и, вытащив его, замерла, увидев фото Эдмона. Она и забыла, что положила его туда. Мягкая улыбка, добрые глаза. Отчего он стал навью? Неужели она действительно сделала что-то не так?

— Одевайся и спускайся вниз, — сказал Рихард, проследив за ее взглядом. — Если ты уедешь, я не стану заниматься Эдмоном, и он так и будет бродить вдоль Червы, разыскивая любимую жену. Ты этого хочешь? Чтобы душа его не нашла покоя?

Карна постояла, прижимая платья к груди, а потом по одному повесила их назад в шкаф.

— А можешь и не одеваться, — сказал Рихард. — Дай посмотрю колено, ты здорово его ушибла.

Он шагнул к ней, провел рукой по бедру, поднимая рубашку.

— Уйди, — рявкнула она.

— И, кстати, здесь ты можешь ничего не бояться. Мой дом — самое безопасное место.

— Да у тебя даже решеток нет на окнах!

Многозначительно подвигав бровями, Рихард взял череп с полки.

— Позволь представить тебе Гектора.

Ему тогда исполнилось двенадцать, и он почти забыл, каково это — не чувствовать боли в спине и пониже. Наставник приюта, отец Йорген, лупил его нещадно, и, положив руку на сердце, было за что. Рихард отличался задиристым нравом, хитростью и к проказам подходил с выдумкой и фантазией. А уж мстил с размахом.

Вот и сейчас он сбежал из комнаты, где под худыми одеяльцами спали остальные мальчишки, и тихо крался к церкви. Ночью барельефы, украшавшие стены, казались грубее и проще, но отчего-то красивее, словно луна отсекала лишнее, оставив лишь суть, а заодно накинула серебряную вуаль на купол, приглушив бесстыдное сияние позолоты.

По утрам отец Йорган надевал черную рясу, делал постное лицо и рассказывал им, что все они сгинут во тьме, если не станут вести себя хорошо. Детей в приюте было много, завывания Йоргана приходили послушать и бабки из деревень, и монахини, так что в толкотне Рихарду удалось незаметно приоткрыть окошко, а потом снова его закрыть, подсунув между ним и рамой сложенный лист бумаги.

Подойдя к тому самому окну, он толкнул его. Как и надеялся — за день никто не заметил, что окно не закрыто, и теперь оно легко поддавалось. Подтянувшись на руках, Рихард вскарабкался по стене, цепляясь за выщерблины между плитами босыми пальцами ног. Пришлось идти разутым — ботинки они на ночь выставляли в коридор, и толстая Марта ходила по нему до отхожего места раза три до рассвета.

Скатившись внутрь церкви, Рихард осмотрелся — повезло, что он видит в темноте, как кот. Скамейки оказались сдвинуты в угол, а пол вонял мокрыми тряпками. В свете луны, пробивающемся через витраж с изображением фигуристой дамы с кошкой на круглых коленях, сверкало серебро, украшавшее постамент, на котором хранилась главная ценность церкви и отца Йоргана. Рихард подошел и посмотрел через мутное стекло, зацелованное прихожанами. Череп святого Гектора лежал на бархатной подушечке и скалил безупречные зубы. На той неделе отец Йорган так влепил Рихарду по щеке, что синяк не сошел до сих пор, а один зуб едва не выпал. Рихард вынул из-за пазухи принесенный сверток и положил на пол. Потом достал из кармана штанов тонкую линейку — ею отец Йорган любил бить по пальцам. Со стеклом пришлось повозиться. Ключа у Рихарда, конечно, не было, так что он отогнул серебряную рамку, расковырял замазку линейкой и аккуратно достал заднее стекло, положив его рядом со свертком. Развернув тряпку, вынул оттуда череп свиньи, найденный им позади хлевов и, внутренне холодея от восторга и ужаса, заменил им череп святого Гектора. Руки его дрожали, но он сумел поставить стекло на место, прижать рамку, замотать череп святого и выбраться из церкви. Потом он убежал на берег реки — быстрой Береники, которая журнала звонко и бойко, перепрыгивая валуны, — сел там и без особой церемонности развернул тряпку.

Череп святого казался вполне обычным — за исключением разве что хороших зубов. Вот у отца Йоргана зубы почернели и половина вывалилась, хотя ему вряд ли сильно больше сорока. Святой Гектор был славен милосердием и добротой и исцелял больных. Когда болел кто-нибудь из мальчишек, то вся надежда была на скупую молитву отца Йоргана и бульон толстой Марты, которая варила его из говяжьих костей.

Рихард, несмотря на то, что ребра у него так и торчали, не болел никогда. Он потрогал языком пострадавший после оплеухи зуб и довольно улыбнулся: снова прирос. Череп в его ладонях был совсем легким и светлым, и ему отчего-то не хотелось выпускать его из рук. Луна висела в небе круглой монетой, и речка вдруг словно замедлила свой бег, и умолкли ночные птицы. А Рихард медленно поднес череп к лицу, пытаясь рассмотреть сверкнувший в пустых глазницах свет...

Он пришел в себя уже на рассвете. Череп лежал рядом, у руки, и Рихард спешно закопал его в корнях ивы, полощущей ветви в реке. Он прибежал в приют и нырнул под одеяло, трясясь от холода и сиюсь понять, что произошло. Вспышка света в пустых глазницах распалась на лабиринт чужой жизни. Он видел Гектора младенцем, мальчиком, юношей и мужчиной сразу. Он прожил вместе с ним все удачи и падения, взлеты и разочарования. Учился, дружил, спорил, сражался с тьмой и любил.

Через час Рихарда растолкали к утренней службе, где отец Йорган, бордовый до самых залысин и трясующийся от ярости, ткнул в него пальцем. Вину Рихарда не могли доказать, но кому это было нужно? К счастью, монашки не дали забить его до смерти, но отец Йорган запер его в чулане, а потом, когда дверь открылась, впуская болезненно яркий свет, Рихард увидел перед собой человека. Высокий, плечистый мужчина, с угольными глазами и коротким седым ежиком волос, подал ему руку, помогая встать.

Отец Йорган вопил, что этот мальчик — исчадь тьмы и навье отродье, и просил ловца душ убить тварь, но тот вместо этого забрал Рихарда с собой...

— Так я попал в академию ловцов, — добавил Рихард, наблюдая, как Карна ест овсянку. — Давай, еще ложечку. Отец Йорган был в общем неплохим человеком. Плохим учителем — это да. Недалеким, сварливым, несдержанным. У него в попечении было с полсотни беспризорников, как с такими справиться без ремня? После окончания академии я даже хотел попросить прощения и заехал в приют, но отец Йорган давно умер.

— Почему ты не вернул череп на место? — возмутилась Карна.

— Тогда, в детстве, из принципа. А потом церковь сгорела. Череп нашелся там же, где я его и закопал — целый и невредимый, и я взял его с собой. А потом понял, что навь боится Гектора. По видимому, он действительно был святым. Конечно, от высшей навь не защитит, но ни вотум, ни какой-нибудь банальный жрун тебя не тронет.

— Так кто у нас явился? Муж? От чего он помер? — влезла Грета. — Ты его часом не отравила?

— Несчастный случай, — холодно ответила Карна. — Спасибо, я наелась. Пойду к себе.

— А что за мужик храпит в твоей спальне? — спросила Грета, едва она вышла из кухни. — Харди, я, конечно, догадывалась, что ты открыт для экспериментов, но настолько...

— Это Фифи, — сказал Рихард. — Собачка. Покорми ее чем-нибудь. И побудь с Карной, пока я не вернусь.

— А ты куда, снова бегать с кабаном?

— Нет, у меня дела, — ответил Рихард. Он вынул из кармана брюк розовую ленточку, усыпанную стразами, и задумчиво посмотрел на два тусклых камешка, заметных среди стекла. — В Рывне происходит что-то странное: два жуна, потом безголовый труп и вот теперь явление мертвого мужа...

— А я давно говорила, — поддакнула Грета. — Тьма наступает. Начнется навий век, и лишь птицы будут виться над землей, усыпанной костями.

— Кстати, о костях, — вспомнил Рихард. — Свари какой-нибудь суп, а?

— А Карна? — насупилась Грета.

— Она не умеет готовить, — улыбнулся он.

Перед тем, как уходить, Рихард взбежал на второй этаж и заглянул к Карне. Она спала, подложив руку под щеку, а Фифи сопела рядом, иногда всхрапывая таким густым басом, какого сложно было ожидать от ее тщедушного лысого тельца. На полке за Гектором снова стояла фотография, и Рихард, нахмурившись, подошел ближе. Эдмон не был таким уж уродом, если судить справедливо. Короткий нос прямой и с тонкими изящными ноздрями. Оттопыренную нижнюю губу кто-нибудь мог бы посчитать чувственной, а глаза... Сложно судить по фотографии, какими они были. Поставив фото на место, Рихард снова взглянул на Карну. Свалилось же на него сокровище. За пару дней она успела надавать ему пощечин, облить вином, обозвать, унижить, вывести из себя, а заодно и вызвать в его душе ревность и иррациональное желание не отпускать ее никогда.

С ней было интересно. В ее глаза хотелось смотреть снова и снова. А что до тела... Рихард окинул Карну взглядом с головы до пят. Он узнает все его секреты совсем скоро. Она была такой податливой с утра, такой мягкой. И такой несчастной...

Что бы ни понадобилось тут Эдмону, пусть убирается назад во тьму.

Рихард вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь, спустился вниз и, захватив кинжал, отправился на пробежку.

Промозглый ветер хлестнул его по лицу, окатил моросью, и сырость тут же пробралась под свитер, так что на миг Рихард подумывал вернуться и одеться потеплее, но в итоге лишь прибавил темп. Дыхание вырывалось из его рта паром, а сердце застучало быстрее, подгоняя кровь. Серые улицы Ривни были пусты — мало кому захочется гулять в такую погоду, и яркое алое пальто Уго он приметил издалека.

Оборотень ждал его на Шальном перекрестке, где пересекались сразу три улицы. Расставив ноги пошире, Уго переносил вес то на одну ступню, то на другую, не особенно заботясь о том, как это выглядит со стороны.

Рихард кивнул ему и, не останавливаясь, махнул в сторону улицы, ведущей в верхнюю часть города.

— Меняем маршрут? — выкрикнул Уго, догоняя его.

— Хочу забежать кое-куда. Не против?

— Нисколько.

Дождь стал накрапывать сильнее, и вода собиралась в швах брусчатки, узкими ручейками бежала вдоль бордюров, стремясь вниз, к реке.

— Карне понравилась будка? — спросил Уго.

— Она в восторге, но случилось кое-что неприятное.

— С Карной все хорошо? — встревожился Уго.

— Она повстречалась со своим мертвым мужем, — ответил Рихард. Решив сократить путь, он свернул в такой узкий переулок, что Уго пришлось отстать и бежать следом.

— Что ты сказал? — выкрикнул он ему в спину. Эхо тяжелых шагов отразилось от влажных стен, а ветер ударил в грудь, будто желая вытолкнуть их прочь.

— Эдмон, — крикнул Рихард в ответ. — Мертвый муж Карны. Так его звали. Воплотился в вотума и пришел требовать... не знаю чего.

— А Карна что?

— Говорит, что они любили друг друга, и он не может желать ей зла.

— Даже не знаю, как относиться к тому, что она уже была замужем. — Узкий переулок закончился, ветер разочарованно взвыл позади. Уго догнал Рихарда и снова побежал рядом. — С одной стороны — хорошо. Она знает, что у мужчин есть недостатки и готова с ними мириться.

— Не думал, что у тебя есть недостатки, — искренне удивился Рихард.

— А хвостик?

— Разве что, — кивнул он.

— К тому же у нее есть опыт, — добавил Уго и широко улыбнулся выходящим из магазина дамам,

так что те шарахнулись в сторону. — Ты понимаешь, о чем я?

— Боюсь, что да.

— На фоне мертвого мужа я только выиграю. Посуди сам — какой-то задохлый аристократишко и оборотень-кабан.

— Ни в какое сравнение не идет, — подтвердил Рихард. — Но...

— Но она наверняка попытается привнести в нашу семью прежние порядки.

— А у тебя есть свой взгляд на это.

— Разумеется. Все эти сервировки стола, украшения. Еще, чего доброго, начнет выращивать цветочки вместо овощей, или учить детей играть на скрипке. И вот еще одно «но»: у нее нет детей. А это странно, ведь она была замужем.

— Недолго, судя по всему.

— Все равно. Как думаешь, она согласится проверить свою плодовитость до свадьбы?

— Сомневаюсь.

— Но я, разумеется, верен своему слову. Карна теперь моя невеста, а Эдмон пусть проваливает. Ты ведь его упокоишь?

— Приложу все усилия.

— Так куда мы бежим?

— Познакомлю тебя с Мирабеллой Свон.

— Ох, — Уго споткнулся, сбился с темпа. — Харди, вдруг я не сумею сохранить верность Карне?

— Вот и проверишь серьезность своих намерений, — усмехнулся Рихард, сворачивая на крутую улочку. — Давай, последний рывок в гору!

Кирпичный особняк Гроха возвышался на фоне серого неба и угрюмо глядел зарешеченными окнами на Рывню, расстелившуюся внизу. Уго добежал до ворот первым и, позвонив, виновато уставился на шнурок, оставшийся у него в руке.

— Выкинь в кусты, — посоветовал Рихард, — я всегда так сделаю.

Открыл им Миклос, усатый слуга Мирабеллы. Он мрачно посмотрел на Рихарда и совсем неодобрительно на Уго, который стащил свой вязаный берет, мокрый от дождя и еще больше от пота, и теперь размахивал им, чтобы просушить.

— Мирабелла дома? — спросил Рихард.

— Госпожа Мирабелла Свон, — важно исправил его слуга, — дома. Вам назначено?

— Впусти его, Миклос, — раздался звонкий голос Мирабеллы, которая вышла на крыльцо и махнула им издали.

Слуга нехотя посторонился и пропустил их во двор. Белые камешки подернулись тонкой пленкой изморози, и теперь хрустели под ногами, как мелкие кости, кто-то собрал все опавшие листья в фонтан.

— О, да вы пришли с другом, — заметила Мирабелла, спускаясь навстречу ловцу и кутаясь в розовое пальто с собольим воротником. На каблуках и с высокой прической она казалась выше. — Представьте нас?

— Уго, мой помощник.

— Еще один? У вас ведь девушка...

— У него другие обязанности. Он лучший патрульный Рывни и отличный нюхач.

Оборотень, который сиял как пятак, демонстративно пошевелил носом.

— Впечатляет, — улыбнулась Мирабелла и протянула ему руку.

— А о вас он, конечно, наслышан, — добавил Рихард.

Уго припал к ее ладони с таким долгим поцелуем, что женщине пришлось приложить усилие, чтобы отобрать у него руку и сохранить доброжелательное выражение лица.

— Чему обязана радости видеть вас снова? — поинтересовалась она, спрятав руки в карманы пальто.

— Скажите, у вас есть враги? — спросил Рихард.

— Вы шутите? — женщина посмотрела на него со снисходительным упреком.

— Уточню: такие враги, которые могут желать вам смерти, — добавил он.

— Список стал короче, но ненамного, — вздохнула она. — Скажу вам честно, потому я и выбрала Гроха с его шахтами в Рывне. Отличное место, чтобы растить детей: тихо, мирно. В том числе и благодаря тому, что в городе есть ловец. Вы ведь знаете, что в Рывне удивительно низкий уровень преступности? Столица же словно яма, полная ядовитых змей.

— И вы, полагаю, одна из лучших.

— Надеюсь, вы правы, — кокетливо улыбнулась Мирабелла. Она взяла Рихарда под руку и направилась в глубину сада, а Уго последовал за ними в отдалении. Он решил не тратить время понапрасну и, расстегнув пальто, шел выпадами, поставив руки на пояс.

— Почему вы задаете эти вопросы, Рихард? — спросила женщина, прижимаясь к его предплечью пышной грудью.

— Полагаю, что два журуна могли появиться в вашем доме не просто так, — ответил он.

— Я и сама думала над этим. Но как-то все навалилось...

— Вилмос еще не приехал?

— Ожидаю его вечером.

— Я вижу, — слегка улыбнулся Рихард, бросив на нее взгляд. Пальто распахнулось, демонстрируя обтягивающее платье телесного цвета с декольте, не оставляющим простора фантазии. — Похоже, вам холодно.

— Или мне очень нравится идти с вами рядом, — промурлыкала она.

— Так вы что, собираетесь завести ребенка?

— Да, — ответила Мирабелла, накрутив на палец светлую прядь, выбившуюся из прически. — Возраст, знаете ли... Не хочу упустить момент. А у Вилмоса детей нет, и когда я забеременею, это станет решающим фактором. Я буду такой нежной, такой ранимой, он просто не сможет сделать больно своей кошечке.

— Отчего вы думаете, что так легко забеременеете? Может, Вилмос бесплоден. Он ведь давно женат и...

Она посмотрела на него с усмешкой, и Рихарду стало стыдно.

— Простите, — сказал он. — Разумеется, на этот случай у вас есть запасной план.

Обернувшись, увидел слугу, который заметал красные листья и хмуро поглядывал им вслед.

— А он чем-то похож на Гроха: серые глаза, русые волосы...

— Жаль, у вас фенотип неподходящий, — хищно улыбнулась Мирабелла, а Рихард невольно поразился тому, что судьба одарила их с Вилмосом разными чертами.

Вынув из кармана розовую ленточку, спросил:

— Когда появился этот ошейник?

— Жожо подарили сразу с ним, — ответила Мирабелла. — Три года назад.

Она взяла ленточку в руки, покосилась на Уго. Тот расставил ноги и, раскинув руки, делал наклоны в стороны.

— Странно... — Мирабелла повертела ленту в руках. — Некоторые камешки поцарапались или давно отвалились, а теперь все на месте и как новые... Думаете, кто-то подменил ошейник?

— Кто? — спросил Рихард.

Мирабелла пожала плечиками и, зябко поежившись, отдала ошейник.

— Любая служанка могла это сделать.

— Фифи, то бишь Жожо, обычно спала с вами?

— Да. Я, знаете ли, привыкла к храпу рядом. Но в последнее время с этим справлялся и Вилмос, так что Жожо пришлось потесниться.

— Если бы вы не заметили в ней изменений, то жрун мог бы напасть на вас во сне. Перегрыз бы горло — вы бы и пикнуть не успели. Думаю, вас хотели убить. Возможно, кто-то нашел способ подселять навь в животных.

— А почему жруна было два? — спросила Мирабелла, лишь слегка побледнев.

— Решили подстраховаться. У вас в театре тоже ведь есть замена для примы. Будьте осторожны. И если вдруг вспомните что-нибудь важное — сообщите мне.

— Что ж, спасибо, что зашли, — кивнула она.

— Можно попросить вас об ответной любезности? — спросил Рихард. — Мой друг очень впечатлен знакомством... И если бы вы уделили ему внимание, лишь пара фраз...

Она усмехнулась, распахнула пальто и направилась к Уго, покачивая бедрами так сильно, что Рихард про себя удивился, как ее не заносит.

— Вы такой гибкий, — с придыханием заметила она. — И сильный. Можно потрогать ваш бицепс?

— Мой... что? — переспросил Уго, сглотнув.

Мирабелла легонько сжала его предплечье, бросила взгляд из-под кукольных ресниц.

— Вы явно знаете толк в упражнениях, — покивала она и, будто стесняясь, прикусила нижнюю губку. — Может, дадите совет? У меня в последнее время так ломит спину. Доктор говорит, это из-за большой груди. Советует укреплять мышцы. Какие упражнения вы бы посоветовали?

— Такая женщина не должна утруждать себя физическими нагрузками, — возразил Уго, и Мирабелла польщенно улыбнулась. — Вот вам мой совет: создайте противовес. У вас и так шикарные бедра, но килограмм пять-десять не помешают. Ешьте больше, растите зад.

Рихард поспешно схватил Уго за плечо и потащил прочь.

— Было очень приятно познакомиться, — выкрикнул Уго, оборачиваясь. — Надеюсь на новую встречу! Мирабелла! Я восхищаюсь вашим талантом!

Миклос с лязгом закрыл за ними ворота и задвинул засов.

— Эй, — позвал его Рихард. — Будь начеку. Кто-то желает ей смерти.

— Я всегда начеку, — буркнул тот и, пронзив их взглядом, пошел назад к дому.

— Она меня хочет, — горестно сказал Уго, вынимая берет из кармана пальто и натягивая по самые брови. — Но я помолвлен. Ох, оказывается, быть женатым не так-то просто. Сразу столько соблазнов...

— Подумай, может, тебе и не нужно идти на такие жертвы, — заботливо произнес Рихард.

Когда они спустились с холма, на котором стоял дом Вилмоса Гроха, дождь забарабанил по мостовой сильнее, и Уго жалобно посмотрел на Рихарда. Тот вздохнул и, скрепя сердце, махнул извозчику, раскуривающему трубку у обочины. Однако вслед за Уго садиться не стал, а взобрался на козлы. Кучер, помятый мужик с клочковатой рыжей бороденкой, покосился на Рихарда с подозрением.

— Смотреть в глаза не дам, господин ловец, и не проси.

— Больно надо, — хмыкнул он. — Скажи лучше, в Рывне есть еще рыжие извозчики?

— Я не рыжий, — возразил кучер, подгоняя пятнистую кобылку, и экипаж резво тронулся с места. — То борода от табака як ржавая. Травленный попался. Взял на рынке целый мешок подешевке, такая гадость: горло дерет, воняет, еще и борода порыжела.

— Так выкинь.

— Так четыре шендера с четвертиной! — кучер возмущенно посмотрел на Рихарда.

— А не видел черный экипаж без гербов на дверках? Вчера тут ездил. С рыжим кучером.

— Не видел, — задумался тот. — Куда везти-то тебя, господин ловец?

— Сначала в Общину, — ответил тот, и кучер заметно повеселел, когда понял, что дорога будет длинной.

— А что, натворил он чего, этот рыжий? — поинтересовался кучер.

— Не успел. Передай своим, что если увидят такого, пусть держатся подальше, а лучше сразу дуют ко мне.

— Навка, что ли? — скривился кучер и сплюнул в сторону оранжевой слюной.

Рихард кивнул. До Общины они доехали молча. Там Уго вышел и, махнув, потрусил под ворота, с которых скалились черепа животных. Дождь еще усилился, и теперь по дорогам Рывни бежали целые реки, а Черва набухла и покрылась рябью от капель.

— Теперь в полицейский участок, — скомандовал Рихард.

— Ежели ты меня пытаешься к этому делу пришить, то невинный я! — возмутился кучер и, посопев, вдруг выдернул из бороды клочок волос. — Посмотри, у корня русые!

От потряс перед носом Рихарда зажатые в кулаке волосинами, потом стащил фуражку и склонил к Рихарду бугристую плешку в обрамлении редких патл. Рихард надел ему фуражку и кивнул.

— По другому делу еду, — сказал он, но кучер все равно косился на него с подозрением и даже не стал клянить на чай, когда Рихард с ним расплатился. Лишь поторопил пеструю кобылку и скрылся за поворотом.

В полицейском участке Рихард кивнул стажеру за приемным окном и направился напрямик к Зейну, но столкнулся с Грегором.

— Харди! — воскликнул тот, разводя руки на всю ширину коридора — не проскочишь. — Какие люди!

Однако когда Рихард подошел, то поспешно вытащил из внутреннего кармана темные очки и нацепил на нос, покрытый красноватыми прожилками.

— Сам понимаешь — есть вещи, которых тебе лучше не знать, — пояснил он виновато. — Начальник полиции должен беречь чужие секреты.

Рихард пожал протянутую ему руку — крепкую, но слегка влажную. Сесть бы Грегору на диету, что ли, или хоть побегать по утрам: синий мундир едва не трещал по швам, хотя был новеньким и явно сшитым на заказ не так давно, а нос, и без того похожий на сливу, все багровел.

— Как дела? Как Нэнси?

— Прекрасно, прекрасно, — ответил тот, потирая ладони. — А ты по какому вопросу? Готовишься к проверке? — он склонился к Рихарду и понизил голос. — Я сделал все, что мог. Соврал, что тест оказался испорченным, но новый могут прислать на днях. И тогда я вынужден буду просить тебя пройти проверку заново.

— Понимаю. Все должно пройти хорошо.

— Слышал, у тебя объявилась помощница, — Грегор растянул губы в улыбке. — Кто она?

— Ее прислала аббатиса, — ответил Рихард. — Будущая монахиня. Светлая душа, невинные помыслы...

Тяжелая рука, взрывной темперамент и красивая грудь. Острый язык, баранье упрямство и сладкие губы... Он вдруг понял, что соскучился. Интересно, Карна все еще спит? Вот когда спит, она само совершенство.

— Что ж, рад, — кивнул Грегор. — Заходи, если что. Может, как-нибудь приведешь свою монашку к нам с Нэнси? Посидим, поболтаем... Нэнси скучает в Рывне. Все рвется в столицу и жалуется, что здесь ей не с кем даже поговорить... А твоя монахиня, в миру, из какой семьи была?

— Она вряд ли захочет об этом вспоминать, — ответил Рихард и протиснулся мимо начальника. Кивнув на прощанье, толкнул дверь в кабинет Зейна.

— Стучать не пробовал? — буркнул тот, бросив на него взгляд.

Рихард сел в стул напротив и уставился на следователя.

— И убери с меня свои гляделки. Точно гвозди в лоб заколачиваешь.

— Как продвигается безголовое дело?

— Никак, — ответил Зейн, откидываясь на спинку кресла. — Тело передано безутешной вдове вместе с вспомоществованием от городской управы. Зацепок никаких, и Венкеля тоже пришлось отпустить. Он, кстати, грозился, что пожалуется на тебя в Эйбергский суд.

— Удачи ему, — кивнул Рихард. — Можешь оказать мне ответную услугу?

— Это твоя обязанность — оказывать содействие полиции, — возразил Зейн. — Так что ни о какой моей ответной услуге речь не идет. Но я помогу тебе, разумеется. Бескорыстно.

Он выделил последнее слов интонацией, и Рихард внутренне застонал, поняв, что эта просьба наверняка ему аукнется какой-нибудь мутной работенкой.

— Что тебе надо? — спросил Зейн. — Только не говори, чтобы я перекрасился.

Рихард посмотрел на его медные волосы, уложенные над высоким лбом и поморщился. Синий полицейский мундир сидел на Зейне безупречно, хотя вряд ли был индивидуального пошива, а вот белые манжеты рукавов явно не по уставу. Пижон. На серых казенных стенах благодарственные письма и грамоты в деревянных рамочках. Висят ровно, как по линейке. Ох недолго осталось Грегору сидеть в кресле начальника: или сам помрет от удара, или Зейн его подсадит.

— Можешь достать мне список выпускниц института благородных девиц прошлого года? — спросил Рихард.

Зейн удивленно изогнул рыжую бровь, криво усмехнулся, и в серых глазах мелькнуло понимание.

— А напрямик спросить у Карны ее настоящее имя не пробовал? Или посмотреть?

— Я смотрю только то, что она сама мне показывает, — нехотя пояснил Рихард. — А на вопросы она не отвечает и юлит.

— Ладно, достану, — согласился Зейн. — Она благородная дама, Харди, так что не зарывайся.

— А ты не зови меня Харди, — рыкнул он, склонившись к столу. — Я тебе такого позволения не давал.

Зейн благоразумно отвел взгляд.

— Если это все, то проваливай, — процедил он.

— Не все. В городе появилась навка. Вотум. Рыжий. Ездит на черном экипаже.

— Думаешь, он мог отрезать голову тому бедняге? — оживился Зейн.

— Не исключено, но маловероятно. Вотумы привязаны к конкретному человеку.

— Дай угадаю, к кому привязан рыжий возничий...

— Не надо, — буркнул Рихард и встал. — Сообщи, когда получишь список выпускниц.

Мужчина в синем полицейском мундире подошел к окну и, немного сдвинув белый тюль, посмотрел на ловца. Тот вышел из здания полицейского участка, осмотрелся по сторонам и побежал вниз по улице, сразу взяв хороший темп. Дождь почти утих, но все еще накрапывал по подоконнику. Мужчина задумчиво побарабанил пальцами по стене, в такт дождю.

Приказ был нечетким. Он такие не любил. Убить ловца или женщину. Кого именно, когда, как — всех этих деталей очень не хватало. Ловца было жаль, женщину тоже, а особенно мужчина жалел себя — потому что если ловец узнает — о нависшей над ним угрозе, или о тайне — то мало не покажется никому.

А ведь он может узнать, если покушение провалится. В Рывне хватает отморозков, готовых вонзить ножик в печень в глухой подворотне или выпустить пулю из-за угла. Но что если наемный убийца промахнется? Ловец посмотрит ему в глаза и узнает, кто стоит за покушением... И даже если удар окажется точным, но жертвой будет женщина, то ловец сможет узнать. Нырнет в ее остановившиеся глаза, а потом явится со своим кинжалом, или пистолетом, или... Да кто его знает, как он будет мстить. В одном мужчина был уверен — это будет неприятно.

Он задернул тюль, вернулся за стол и выдвинул полку. Вынув черную бархатную коробочку, открыл плотную крышку и полюбовался на белые камешки. Он оставил несколько себе. Как знал, что пригодится. Ловец, конечно, профессионал, но из глаз навки он не узнает ничего. А если на него нападет целая стая, то увидит он лишь свою собственную смерть.

Проснувшись и открыв глаза, Карна едва не подскочила. Фифи лежала нос к носу и смотрела на нее с преданным обожанием. Увидев, что новоприобретенная хозяйка не спит, собачка тут же принялась посвистывать и тявкать, быстро рассказывая что-то на своем лысо-свиристельском языке.

— Кушать хочешь? — предположила Карна, и Фифи тявкнула, вскочила, быстро перебирая лапками.
— Или в туалет?

Судя по свету за окном, время уже послеобеденное. После завтрака и рассказа Рихарда о Гекторе, она поднялась к себе и снова уснула, и теперь чувствовала себя потерявшейся во времени. Ссадины больше не болели, и шишка на голове ныла, только если ее потрогать. Гектор стоял тут же, на полке у изголовья кровати, закрывая фото Эдмона, и теперь вызывал не ужас, а любопытство. Череп святого, надо же.

Взяв Фифи подмышку, Карна спустилась по лестнице и, открыв дверь во двор, выпустила собачку наружу. Та тут же устремилась к клочку еще зеленеющей травы, нарезала пару кругов и присела. Карна деликатно отвела глаза и увидела будку Уго.

Непонятно, чем руководствовался кабан — по-видимому, мечтами о многочисленном потомстве, но будка оказалась трехэтажной. Первый, самый широкий и основательный, мог бы вместить хорошего цепного пса или даже пони, второй, чуть поменьше, был с круглым окном размером с тыкву, а третий, самый маленький, ютился под треугольной крышей. Пожалуй, он бы подошел Фифи, но оставалось загадкой, как собака должна в него забираться. Лестницу Уго не предусмотрел, а прыгать на полтора метра свиристелка вряд ли умела.

— Теперь ты просто обязана ему дать, — заметила Грета из-за плеча Карны. — Руку, сердце, или просто...

— Придержите язык, — возмутилась она. — Я не виновата, что он сам себе что-то придумал.

— А в том, что по Рывне разъезжает твой мертвый муж, тоже нет твоей вины? — спросила Грета, наклонив голову набок.

Карна посмотрела в ее белые глаза и не сразу смола оторваться. Жутко и притягательно одновременно: в глазах служанки словно собрался весь туман, что так часто стелился над рекой.

— Я не знаю, — ответила Карна. — Может, мне просто привиделось.

— Я на тебе навкин след сразу почуяла. Что ему надо? Это ты убила его?

— Разумеется, нет, — устало вздохнула Карна.

Фифи обнаружила в траве какого-то жука, и теперь радостно скакала вокруг, то припадая к земле, то подпрыгивая столбиком вверх.

— Ты надругалась над его телом?

Обернувшись, Карна набрала в грудь воздух для гневной тирады.

— Просто накидываю варианты, — невозмутимо пожала плечами Грета.

— Я не убивала его и не делала ничего плохого. Я любила Эдмона!

— Ну, знаешь, всяко бывает в жизни. От любви до ненависти... Может, он бил тебя, а ты дала сдачи, и он свалился с лестницы и сломал шею.

— Нет, — ответила Карна.

— Ты убила его по-другому?

— Да отстаньте вы уже! Я его не убивала! Не обманывала! Не наставляла рога!

— А кто говорит про рога? — оживилась Грета.

— Рихард, — буркнула Карна.

— Так что ему от тебя надо?

Карна прикусила губу и посмотрела вдаль. Мокрый луг потемнел и почти сливался с речкой, а лес багровой полосой разделял серую землю от серого же неба.

— У меня есть одно предположение, — задумчиво произнесла Карна. — Но это слишком личное. И Эдмон не стал бы...

Позади послышался стук захлопнувшейся двери, быстрые шаги, и во двор вышел Рихард. Его мокрые волосы топорщились, а скулы непривычно розовели, словно он долго бежал.

— Дамы, — произнес он, окинув Карну быстрым взглядом с головы до ног. И ей вдруг стало неловко, будто одним этим взглядом он успел ее раздеть и рассмотреть. — Чем занимаетесь? Оцениваете будку?

— Вроде того, — пробормотала Карна, отворачиваясь. — Фифи, домой!

— Как ты не вовремя, Харди, — возмутилась Грета. — Я почти ее расколола! Карна, так что там за предположение насчет Эдмона?

Карна взяла собачку на руки и обогнула ловца по широкой дуге — отчего-то его близость сейчас воспринималась ею особенно остро — и вернулась в дом. Он поцеловал ее утром. И она даже не дала ему пощечину. Все было так нежно и приятно, и словно так и должно быть. Как теперь смотреть ему в глаза? Что он там увидит?

— Карна, — окликнул ее Рихард. — Если ты знаешь, зачем мог явиться Эдмон, то скажи. Это сильно упростит задачу. Возможно, какая-то фамильная ценность, которую он захотел взять с собой в могилу. Или же невыполненное обещание, которое еще не поздно исполнить...

— Ничего такого, — ответила Карна, злясь на саму себя. Она ведь даже не молилась сегодня! Вот поцеловаться с ловцом успела... — Знаешь, может, это был вовсе не Эдмон, — нарочито равнодушно сказала она. — Чем дольше я об этом думаю, тем больше уверена, что ошиблась. Может, это и не пион лежал в экипаже, а я впотьмах ошиблась, кучер рыжий — тоже мне невидаль. Так что давай вовсе забудем об Эдмоне. Занимайся своей работой.

— Это была навь, я уверен, — возразил ловец. — К тому же у меня нет сейчас заказов, я абсолютно свободен, поэтому могу сосредоточиться на твоём мертвом муже. И на тебе.

Карна невольно вздрогнула от его последних слов, прозвучавших слишком многозначительно, а Рихард вошел в дом и приблизился к ней. Быстро стащил через голову мокрый свитер и сунул его в руки Греты.

— Вот так всегда. Кому-то мокрые тряпки, кому-то горячий мужчина, — вздохнула она. — Пойду, не буду вам мешать.

Она исчезла подозрительно быстро, и Карна осознала, что сейчас они в доме совсем одни. Не считая Фифи. Прижав собачку к груди как щит, Карна повернулась к ловцу, и едва не уткнулась в него носом.

— Как себя чувствуешь? — спросил он и привлек ее к себе, осторожно прошелся кончиками пальцев по шишке над ухом, погладил шею, мягко очертил линию подбородка и склонился ближе.

— У тебя есть заказ, — выпалила Карна, отпрянув и выставив перед собой собаку. — Пока тебя не было, приходил клиент. Я взяла предоплату.

— Что за клиент? — нахмурился Рихард, шагнув за ней.

— Господин Шульц. Из городской управы, — сказала она, почти не запнувшись.

— В городской управе нет никакого Шульца, — возразил Рихард. — Карна, мы оба взрослые люди и прекрасно понимаем, что между нами происходит. Зачем все усложнять? Давай получать удовольствие от жизни. Если бы тут была Грета, она добавила бы что-нибудь вроде — ведь жизнь так коротка и быстротечна и все мы умрем.

— Рихард, — произнесла Карна. — Ты забываешься. Я работаю на тебя, это так. Но в мои обязанности не входит терпеть твои грязные домогательства.

— Не такие уж грязные, — ухмыльнулся он.

— Разумеется, с твоим бордельным опытом, тебе сложно понять, — кивнула Карна, с идеально ровной спиной садясь на диван и устраивая на коленях собачку. — Но приличные мужчины не ведут себя так...

— Так откровенно? Надо ухаживать за тобой с шести лет, и тогда, быть может, лет через пятнадцать ты дашь потрогать грудь? — хмыкнул он.

— Повезло тебе, что у меня Фифи на руках, — прошипела Карна, гневно сверкнув глазами.

— А иначе ты бы дала мне еще одну пощечину? — предположил Рихард. Он сел рядом и облокотился о спинку дивана. И все его мышцы и руки, и плечи, обтянутые лишь черной майкой, оказались слишком близко. — Вот вообще не пугает. Это почти предварительные ласки. Если тебе так нравится, можешь давать мне пощечины прямо в процессе. Вот там уже будет за что...

— Это просто невозможно, — покачала она головой. — Не могу поверить, что сижу здесь, в обшарпанном домишко в какой-то дыре и всерьез объясняю мужчине, которого знаю всего ничего, что между нами не будет интимной близости.

— Интимная близость, — повторил Рихард, смакуя слова. — Интересно, вы с Эдмоном так и говорили? Давайте, дорогая супруга, вступим в интимную близость в будущий вторник после обеда... Ладно, что там хотел несуществующий господин Шульц?

— Господин Шульц из городской управы хочет, чтобы ты убрал жмыха из-под Кривого моста, — сказала Карна.

— И как выглядел господин Шульц? — прищурившись, спросил Рихард. — Знаешь, давай ты покажешь мне это воспоминание: как он пришел, чего хотел. Так будет проще. Вдруг ты упустила какую-то деталь.

— Нет, — возразила Карна, вздернув подбородок. — Я сама решаю, какие воспоминания показывать.

— И почему бы не показать Шульца?

— Он... Он... вел себя неподобающе, — сказала она. — И сделал мне неприличное предложение. Я не хочу переживать это снова.

— Но ты его не выставила и даже взяла предоплату, — добавил Рихард.

— Да, — подтвердила Карна. — Я ответственно подхожу к своей работе. В отличие от тебя.

— Карна, может, ну его, жмыха этого, — пробормотал Рихард и, протянув руку, заправил прядь волос ей за ушко. — Сидит под мостом уже года три и еще просидит. Давай лучше ты снова покажешь мне то воспоминание из библиотеки...

— Будь добр, отправляйся на дело, — Карна отсела чуть дальше.

— Сколько господин Шульц заплатил? — спросил Рихард. — Может, проще отдать предоплату и отказать?

Карна задумалась на долю секунды.

— Пятьдесят шендеров.

Рихард скривился.

— Это лишь половина, — добавила Карна.

— Ладно, — согласился он. — Займись жмыхом. А ты пойдешь со мной.

Он встал с дивана и пошел по лестнице наверх.

— Что? — Карна тоже поднялась с дивана, прижимая к груди Фифи.

— Не сейчас, а позже, на жмыха. Мне понадобятся твои воспоминания. Вдруг что-то снова пойдет не так, я смогу пересмотреть все в твоей голове, — пояснил Рихард. — Возьмешь с собой Гектора, и жмых тебя не тронет. Хотя сейчас тоже можешь пойти со мной. Я в душ.

Он улыбнулся и стащил майку, и Карна пялилась на него несколько долгих мгновений, пока не сообразила отвернуться.

— Предложение бессрочное, — донеслось до нее, и Карна выругалась совсем не подобающе монашке.

После душа ловец потащил ее на кухню, усадил за стол, а сам приподнял крышку с кастрюли и с подозрением понюхал.

— Однажды она пыталась накормить меня арбузными корками, — пояснил он. — Мол, я слепая, что ты хочешь... Я тогда ей зарплату задержал на два дня, так что думаю, это была месть. Но сейчас вроде пахнет съедобно.

Суп, сваренный Гретой, оказался кисловатым, и Карна не была уверена, что трава, которая в нем плавала, не росла еще утром на заднем дворе, но в желудке благодарно потеплело.

— Надень что-нибудь попроще и повульгарнее, — сказал Рихард, бросив на нее взгляд поверх ложки с супом.

— В моем гардеробе нет ничего вульгарного, — заявила Карна.

— А вот та твоя полупрозрачная блузочка, через которую видно белье, — он съел еще ложку супа и снова посмотрел на Карну. — Ты так мило покраснела... Не знала об этой ее особенности?

— Зачем мне так одеваться, скажи на милость?

— На жмыха надо идти с приманкой, — пояснил он. — Ловить на живца.

— Я не буду живцом, — испуганно возразила Карна.

— Ты и не подходишь, — успокоил ее Рихард. — Жмых любит печень алкоголиков. А судя по тому, как тебя развозит с одной рюмки, ты редко пьешь. Нам нужен алкаш. Конкретный такой пропойца. У меня как раз есть один на примете.

— А он согласится? — засомневалась она.

— Нет, — улыбнулся ловец. — Но я не собираюсь спрашивать его мнение. Мы пойдем в бар на Грязной улице, где наш живец числится завсегдатаем, а когда он дойдет до нужной кондиции — берем его и быстренько идем к Кривому мосту. Но если ты явишься туда в жемчугах и со своим фирменным высокомерно-презрительным выражением лица, мне придется драться. Это как пить дать. А хотелось бы сделать все чисто и тихо.

Карна молча осмысливала его слова.

— Я поняла, — кивнула она. — Не выделяться из толпы. Полагаю, я должна выглядеть как твоя обычная спутница. То есть как шлюха.

— Вот дался тебе этот бордель, — вздохнул он. — Если хочешь знать, многие приличные дамы не против провести со мной ночь.

— Разве это не делает их неприличными?

— Я умею хранить секреты, — ответил ей Рихард. — В том числе и о супружеской неверности. Так что в глазах общественности Рывни они не теряют в репутации. Но да, ты права, оденься как шлюха.

Карна красноречиво и возмущенно молчала.

— Ты ведь хочешь, чтобы я убил жмыха под Кривым мостом? Так давай, помогай.

— Этого хочет господин Шульц, — ответила Карна и поджала губы.

— Какое удивительное совпадение, — устало заметил Рихард. — Сидел жмых, никому не мешал, потом ты слышишь о его существовании из пьяной болтовни в таверне, и вот, является некий Шульц с сотней шендеров.

— Хорошо, что напомнил, — тугой мешочек, глухо звякнув, перекочевал из кармана Карны на стол.

— Оставь себе.

— Это твой аванс.

— Я ведь должен тебе жалование.

— Мы договаривались на тридцать, — напомнила Карна.

— А твои расходы на «Золотого гуся»? Я не стану брать у тебя деньги. Есть шанс, что господин Шульц расплатится натурой?

Он осклабился, и Карна посмотрела на него укоризненно, но тут же поняла, что в гляделки ловца не выиграть.

— Хорошо, — сказала она, спрятав мешочек с монетами назад в карман. — Пойду переоденусь.

Она долго перебирала свой гардероб, и в итоге остановилась на юбке с высоким разрезом, которую подразумевалось носить вторым слоем, и серой блузке — довольно скромной, если, конечно, застегнуть ее на все пуговицы. Собрала волосы в высокий хвост, наредила губы помадой ярче, чем обычно, и, подумав, слегка подвела глаза карандашом. Ботинки на высоком каблуке, немного духов... Когда она спустилась по лестнице, то жадный взгляд Рихарда, скользнувший по ее ноге, сказал ей, что она, возможно, перестаралась.

— Не слишком? — спросила она.

— Если позволишь, — он шагнул к ней и аккуратно, не касаясь пальцами кожи, расстегнул еще одну пуговицу на блузке, так что стала видна ложбинка между грудями.

— Это ужасно, — вздохнула она. — Зачем ты во все это меня впутываешь?

Рихард приподнял ее подбородок, посмотрел в глаза, и она испытала уже знакомое чувство то ли падения, то ли полета.

— А ведь ты в восторге, — тихо сказал он, погладив пальцем ее щеку. — Тебе все это нравится, Карна. Подумай вот над чем: может, роль обычной жены, которая заботится о доме и изредка организовывает приемы, — это мало для такой как ты? Через пару лет ты бы заскучала и взвыла от тоски. А в монастыре через пару месяцев полезешь на стены.

Она оттолкнула его руку от своего лица.

— И ты забыла одну мелочь, — добавил Рихард. Он быстро поднялся по лестнице и вскоре спустился, держа в руке череп. — Гектор.

Карна вздохнула, открыла сумочку, и Рихард опустил череп в атласное нутро.

— Моя шляпка утонула в грязи, — пожаловалась она.

— В баре «Вонючий козел» дамы не носят шляп, — успокоил ее Рихард.

Грязная улица спускалась к самой Черве, которая не была огорожена ни парапетами, ни забором, и какого-то мужика рвало прямо в реку. Из бара, на вывеске которого висел рогатый череп, доносилась музыка, ругань и хохот. Карна вцепилась в руку ловца сильнее.

Он распахнул перед ней дверь, и запахи квашеной капусты, спиртного и пота едва не сшибли ее с ног.

— Самое убогое заведение Рывни к вашим услугам, — сказал Рихард. — Рывня — город контрастов.

— Да уж, — протянула Карна, прижимая к себе сумочку с Гектором. — Не «Золотой гусь»...

В «Вонючем козле» было жарко и душно. Интерьер не впечатлял: квадратное помещение, густо уставленное столами и лавками, позади нечто вроде барной стойки, за ней три бочонка, справа в углу небольшая площадка для музыкантов. Гармонист растягивал меха, старый дед бойко щипал струны на гуслях, притоптывая ногой, а мальчик, лет десяти на вид, подпрыгивал, выбрасывая коленки в драных штанах, и размахивал трещотками. Перед ними стояла шляпа, и Карна даже решила бросить монетку, но потом вспомнила, что у нее в сумочке череп. Касаться его руками она не хотела.

Одну деревянную стену выкрасили в зеленый, и кто-то нарисовал на ней козла. Козел был тощ, уныл, и смотрел на мир без всякой надежды, на миг напомнив Грету скорбным выражением морды...

Карна взвизгнула и обернулась на толстого красномордого мужика, который довольно осклабился, показав редкие зубы.

— Рихард! — воскликнула она. — Он ущипнул меня за... ниже талии!

Ловец смачно приложил ладонью ее ягодицу.

— Сегодня это моя задница, усек?

Мужик показал большой палец и отвернулся к друзьям, а Рихард склонился к Карне и прошептал ей на ухо:

— Мы на работе, помнишь? Нам нужен живец, на которого будем ловить жмыха.

— Руку убери, — процедила Карна сквозь зубы.

Рихард переместил ладонь чуть выше и провел Карну между столов. Людей в «Вонючем козле» набралось не в пример больше, чем в «Золотом гусе». Они теснились на лавках, а некоторые женщины сидели прямо на коленях у своих спутников. Расстегнутые пуговицы, спущенные с плеч рукава, задранные юбки — можно было бы подумать, что это бордель, но на десять мужчин тут едва ли приходилось по одной женщине.

Им удалось найти свободную скамейку в углу. Парочка, сидящая напротив, самозабвенно лобызалась, и костлявые руки мужчины с черными каемками ногтей шарили по телу девушки, уделяя особое внимание заднице и груди.

— Какое ужасное место, — прошептала Карна, когда Рихард помог ей снять плащ. — Где твой живец?

— Пока не пришел, — ответил он.

Рихард положил плащ Карны и свое пальто прямо на лавку, вытянул рубашку из брюк, чтобы прикрыть пистолет и ножны, из которых торчала рукоятка с кристаллом. На стол перед ними плюхнулся кувшин, две глиняные кружки, а после и тарелка с чем-то золотистым и хрустящим даже на вид.

Официантка, тощая и желтоглазая, как молодая козочка, подмигнула Рихарду.

Карна осторожно взяла поджаристый ломтик из тарелки и понюхала.

— Рыбка в кляре, — сказал ловец. — Мелкая, можно есть прямо с костями. К пиву отлично.

Он наполнил их кружки из кувшина, слегка подул на густую белую пену.

— А это разумно — пить перед работой? — с сомнением спросила Карна.

— Я почти не пьянею, — ответил Рихард. — И в целом редко теряю контроль. Хотя у тебя прямо талант выводить меня из себя.

— А жмых — это сложно? В смысле, убить его. Кто сильнее: жрун или жмых?

— Зависит от возраста и от животного, ставшего навкой.

— А как ты различаешь навь? — полюбопытствовала Карна. — Как понимаешь, кто именно перед тобой? Ведь выглядят они одинаково чудовищно.

— Низшую навь я определяю по способу, которым она хочет меня убить, — ответил Рихард. — Жрун тупо пытается сожрать, жмых — вырвать печень, хвач самый безвредный — он жадный, и интересуется его лишь золото и украшения. Многим людям удается уйти от него без повреждений, если только они не пытаются отобрать свое добро. Или если не вставили себе золотые зубы... Хвача убить легче всего: он сам бежит на кинжал, когда видит блеск серебра. А вот дрюч самый мерзкий.

— Дрюч? И как он пытается убить?

— Не то чтобы убить... — криво усмехнулся Рихард. — Его еще называют беспутник. Понимаешь?

Карна быстро кивнула, уткнулась в кружку с пивом, чтобы скрыть смущение.

— Когда умирает хороший человек, его душа уплывает по белой реке, — продолжил Рихард. — Но если он в целом был хороший, но с излишней страстью к чему-либо: допустим, обжирался, или пьянствовал, или не пропускал ни одной юбки, то эта часть его души — темная — остается здесь. И если она слишком сильна, то продолжает жить и находит себе вместилище в животном.

Карна сделала еще глоток и потянулась за рыбкой. На вкус оказалось очень недурно, и она сразу взяла вторую.

— С вотумами сложнее, — продолжил Рихард. — Они выглядят как при жизни, за исключением деталей: бледная влажная кожа, бесцветные глаза...

— Белые? Как у Греты?

— Нет, — покачал он головой. — Радужка остается, но она мутная, как грязное стекло.

— У Эдмона зеленые глаза, — сказала она.

— Я видел, в твоём воспоминании, — ответил Рихард. — Но это больше не он. Чего хочет вотум — неясно. Их мотивация куда сложнее. И они быстрые, очень. Появляются неизвестно откуда и так же исчезают. Ну а высшая навь — это вообще отдельный разговор.

Напротив них, сдвинув бедром целующуюся пару, бухнулся тот красномордый мужик, что щипал Карну у входа.

— Сдаётся мне, даме с тобой скучно, — заметил он и с трудом сфокусировал мутный взгляд на Карне.

— Весело, — возразила она.

— Если он тебе надоел, только скажи, — икнул мужик и попытался незаметно втянуть живот.

— Я ей очень нравлюсь, — заявил Рихард.

— Что-то сомневаюсь. Скучный ты какой-то. Рожа пакостная, глаза что та Черва. Я за вами от входа наблюдаю. Такую цацу привел и даже не тискаешь. Если не умеешь, дай другим. А то что это она сидит, смотрит вокруг как королева на вошь.

Мужик хлопнул раскрытой пятерней по столу, так что кувшин подпрыгнул. Парочка рядом прервалась на мгновение, а потом снова сплелась языками.

Рихард вздохнул и повернулся к Карне.

— Вот. То, о чем я и говорил, — прошептал он. — Не могла нормально подыграть?

— Я вырядилась как шалава, что тебе еще надо? — возмущенно прошептала она.

— О чем это вы там шепчетесь? — насторожился мужик, цыкнул языком в дырке между зубами. — Если надо заплатить, так скажите. У меня с собой... — он похлопал по карманам, но звона монет не раздалось. — ...нет ничего. Но можно в долг. Здесь каждый скажет: толстый Борвин всегда отдает долги.

— Ты мне четвертак должен с того месяца! — донесся возглас из-за другого столика.

К ним поворачивались, и даже парочка прервалась и уставилась на Карну двумя парами

осоловевших глаз. Помада девушки равномерно распределилась по ее щекам и лицу парня — совсем молоденького, с легким пушком над губой.

— А мне сдается, это дамочка кислая, — заявила девушка, перемазанная помадой. — Мужик вроде нормальный.

— Кислая? — громко возмутился Рихард. — Такую сладкую девчонку как у меня еще поискать!

Девушка обдала Карну презрительным взглядом, фыркнула и, обняв тощую шею своего избранника, впилась в него поцелуем.

Официантка, пробегая мимо, будто невзначай потерлась бедром о плечо Рихарда и, склонившись, сказала:

— Я сегодня допоздна, но если ты подождешь...

Карна вздернула подбородок, обвила рукой шею Рихарда и заявила:

— Сегодня это мой мужчина! — склонившись к нему, шепотом спросила: — Я правильно говорю?

Рихард ухмыльнулся и так же шепотом ответил:

— Здесь принято доказывать делом, а не словами. Обозначь территорию. Поцелуй меня.

Карна глянула на официантку, на мордатого мужика, повернулась к Рихарду. Он смотрел на нее и ждал, не делая попыток приблизиться. Шея под ее рукой была такой крепкой, и Карна провела пальцами выше, запустив их в густые волосы ловца. Не давая себе времени на раздумья, потянувшись к нему и прикоснувшись губами к губам. Почему у такого жесткого мужчины такие нежные губы? Рихард придвинулся к ней по лавке, обхватил ее затылок пальцами и поцеловал сам. Язык раздвинул губы и проник в ее рот. Вторая рука легла на ее бедро, забралась вод юбку, воспользовавшись разрезом, и у Карны перехватило дыхание, когда горячие пальцы погладили полосу кожи над чулком.

— Понял, — уныло сказал мужик. — Удаляюсь. Но если что...

— Вали уже, — бзыкнул на него Рихард, прервавшись на мгновение, и снова поцеловал Карну.

Его язык ласкал ее рот, а рука гладила бедро. На них глазели, и все это было так неприлично, но она целовала его в ответ, запрокинув голову, и сама прижималась теснее.

— Это только прикрытие, — пробормотала она, когда Рихард отстранился. — Работа.

— Угу, — промычал он и, намотав ее хвост на руку, потянул и поцеловал шею.

— Хватит, — выдохнула она.

Рихард тут же отстранился, отодвинулся чуть дальше по лавке.

— Отличная работа, — ровно поблагодарил он, и это отчего-то задело Карну. Ее сердце едва не выпрыгивало из груди, а в горле пересохло. Она взяла кружку пива и сделала глоток, пряча неуместную обиду. — Нас оставили в покое и очень вовремя — вот наша цель!

Невысокий мужичок с сальными патлами и длинными как у обезьяны руками подошел к барной стойке и, брякнув на нее несколько монет, взял кружку с пивом. Он выпил ее залпом и протянул для добавки. Повернувшись в зал, стал пить вторую мелкими частыми глотками. Встретившись взглядом с Рихардом, поперхнулся и закашлялся. Из-за стойки вытянулась волосатая рука бармена и так хлопнула мужичка по спине, что тот отлетел вперед на пару шагов. Зло прищурившись, он быстро подошел к их столику и уселся напротив.

— Я буду жаловаться на тебя в Эйбергский суд, — заявил он без предисловий.

— Это ужасно, — скорбно покачал головой ловец. — Мне сейчас так не нужны жалобы, и без того ситуация сложная. Послушай, Венкель, я действительно поступил неправильно, когда влез в твою голову без спроса и все там рассмотрел.

— И ведь я невиновен! — кипятился тот. — Задержали без всякой причины, промыли мозги...

— Да, ты не убивал своего шурина, — согласился Рихард. — Я это точно знаю. Тебе, наверное, было плохо утром?

— Плохо? — взвился он. — Да меня так не мутило даже после рождения моих дочерей!

— Могу я искупить свою вину? — печально спросил Рихард, и Карна невольно на него покосилась — настолько его тон не вязался с обычным поведением. — Давай выпьем, я угощаю. Лучшего пива моему другу! — выкрикнул он, взмахнув рукой. — Два кувшина. Три!

Венкель насупился, поерзал по лавке, покосился на целующуюся пару и сказал:

— И рыбки.

— И рыбки, — согласился Рихард и так хищно улыбнулся, что Карна невольно поежилась.

Венкель пил профессионально: пиво текло в его луженую глотку словно вода. Парочка ушла, освободив ему всю лавку.

— А я ведь знал, что найду способ тебя прищучить, — сказал он, хрустя рыбкой. — Уж больно распоясался ты, ловец.

Рихард скорбно вздохнул, подлил Венкелю еще пива. А сам, Карна видела, цедил все ту же кружку.

— Что поделывать, такая работа, — сказал он. — Думаешь, мне это нравится?

— Еще бы! — хмыкнул мужик. — Это тебе не кайлом махать в забое! Посмотрел в башку, пошарил там, вытащил секретик — и сидишь, бабу мацаешь, — взгляд его воспаленных глаз метнулся к Карне, опустился в вырез ее блузки и надолго там прилип. Быстро облизнувшись, Венкель выпил еще полкружки и причмокнул языком. — Красивая баба у тебя, надо признать. Кожа какая, а? Точно молоко. И сиськи торчком.

Карна возмущенно набрала воздух в грудь, но Рихард быстро обнял ее за плечи и поцеловал в щеку.

— Красотка, — поддакнул он. — А какая горячая!

Карна метнула на Рихарда взгляд, который должен был испепелить его на месте, но ловец все так же сидел и ухмылялся, хоть бы хны. А рука его сползла с плеча Карны и устроилась как раз под грудью.

— А вы кем работаете? — выдавила она, решив поддержать беседу, хотя рука Рихарда ее так и нервировала. А он, будто нарочно, склонился и, отбросив мешающую прядь волос, поцеловал ее в шею.

— Так шахтер я, — ответил Венкель. — Как и все на Грязной улице. Один из лучших.

— Наверное, это очень сложная работа, — сказала Карна, пытаясь не обращать внимание на горячие губы Рихарда на своей шее, но выходило не очень. Он целовал ее медленно и так упоительно, иногда касаясь кожи языком, а иногда легонько прикусывая, и от его ласк дыхание перехватывало, и хотелось закрыть глаза и запрокинуть голову, забыв о Венкеле, о жмыхе, обо всем...

— А то, — приосанился мужик, и Карна моргнула, пытаясь поймать ускользающую нить разговора. — Кажется — просто: маши себе киркой. Но надо знать, куда ударить и как, чуют породу. Воздуха мало, от пыли вечно в глазах свербит и горло дерет, будто кошками. Тяжелый труд.

— Сразу видно, что вы очень сильный, — польстила она. — Такие руки...

Венкель поднял пятерню с черными каемками ногтей и пылью, вьевшейся в линии ладони, довольно улыбнулся, и Карна едва сдержала отвращение. Он будто и зубы углем почистил.

— Молодчина, — прошептал ей на ухо Рихард, заодно прикусывая мочку. — Расположи его к себе. Нам надо выманить его из бара, и чтобы он пошел с нами добровольно.

— А ты, — взгляд Венкеля снова опустился в ложбинку между ее грудями, и мужик сглотнул, — сколько берешь? Дорогая небось? Ловец еще на работу жалуется. Уж если может себе позволить такую девку, значит, не так уж все плохо.

Рука Рихарда поднялась еще выше и сжала грудь Карны. Ахнув, она спихнула его ладонь. Венкель уставился на нее с недоумением. Рихард тоже нахмурился, потянулся к ней, но Карна отсела дальше.

— Я передумала, — сказала она. — Не пойду с тобой сегодня.

— Карна, — процедил Рихард, сверля ее тяжелым взглядом. — Что ты творишь?

— Я с ним пойду, — кивнула она на Венкеля.

— Только у меня ж ни гроша, — растерянно выпалил тот, шаря по карманам. — Подожди, спрошу у друзей...

— Не надо, — ответила Карна, повернувшись к мужику, и выдавила из себя нежную улыбку. — Рихард уже заплатил. Он виноват перед вами, так? Вот пусть это и будет искуплением вины.

— Я уже пива ему купил, — напомнил Рихард.

— И это все? — повернулась она к нему. — Ты забрался к человеку в голову, увидел потаенное, личное, то, чего он не хотел показывать никому!

— Да! — подтвердил Венкель, и глаза его, неопределенно-болотного цвета засияли в предвкушении халявы.

— А потом просто покупаешь пиво? И делаешь вид, что все нормально? — Распалась Карна. — Нельзя так поступать с людьми! Ты нарушил личные границы!

— Нарушил! — кивнул Венкель.

— И за это требуется куда более высокая плата, — добавила Карна.

— Ладно, ладно, я понял, — миролюбиво согласился Рихард. — Может, пойдем уже? А то люди смотрят.

Венкель жадно допил пиво прямо из кувшина и вытер губы рукавом, сгреб остатки рыбы с тарелки и сунул в карман штанов.

— Пойдем, — кивнул он.

На выходе из бара Венкель попытался облапить Карну, но Рихард оттер его плечом в сторону.

— Не на улице же, — возмутился он. — У нее есть апартаменты. Все в лучшем виде оформим. Чтоб потом не было, мол, перепихнулся за углом и все. И снова обиды на ловца. Нет уж. Раз я заплатил, то пусть отработает все до гроша.

Он демонстративно стал между Венкелем и Карной, за что она была ему искренне благодарна, потому что и так еле сдержалась, чтобы не отходить этого урода сумочкой. Мешала лишь навязанная роль шлюхи и то, что Гектор мог пострадать. Рихард уверенно направил ее вдоль Червы, и Карна, поежившись от сырого воздуха, приподняла воротник плаща.

— Погодите, — сказал Венкель и, остановившись, принялся расстегивать ремень брюк заплетающимися пальцами. Карна торопливо отвернулась и брезгливо скривилась, когда услышала журчащий звук. — Вот уж не думал, что так обернется, — журчание не прекратилось, но Венкелю отчего-то захотелось поболтать. — За такую бабенку можешь посмотреть мне в башку еще раз. Так сколько ты отдал за нее?

— Килограмм нервов, — пробормотал Рихард.

Венкель не расслышал, но и переспрашивать не стал. Он пошатывался над рекой, и Рихард придержал его за воротник куртки, чтобы не рухнул в воду.

— Все путем, — успокоил его Венкель. — Все просто великолепно, — произнес он по слогам. — Я-то думал, домой пойду, к своей Берте. Она никогда симпатичной не была, а после родов растолстела, сиськи обвисли, вечно унылая, дети орут... — журчание наконец прекратилось, и Венкель принялся застегивать штаны. — Я ведь хотел свалить с города. Когда шурин пропал, думал, он уехал за лучшей долей за остальными. В столицу или на юг. Там хоть нет этой сырости, да из реки не лезет всякая дрянь. А он...

Венкель вздохнул и, наконец справившись с ремнем, обтер руки о штаны.

— Да и пес с ним, — добавил он вдруг и ослабил черные зубы. — Берта вечно грозила, что уйдет к брату. Никуда она теперь не денется.

— Ты думал, что шурин уехал за остальными? — насторожился Рихард.

— Так за последний год трое свинтили. Ни ответа, ни привета, оно и понятно — зачем вспоминать старых друзей, когда на другом месте можно найти новых. Старый Изидор, малыш Лоркас, — загнул два пальца Венкель, нахмурился, но потом просиял и загнул третий палец: — И Рамон. Я ему денег должен был, так что и хорошо, что он уехал.

— Пошли, — сказал Рихард и слегка подтолкнул его вперед.

— А куда это ты меня ведешь, — насторожился вдруг Венкель, оглянулся по сторонам. — Апартаменты? Там же нет ни черта. Старые бараки, которые сгорели еще в том году да Кривой мост. Эй! — он попытался оттолкнуть руку Рихарда, и тот перехватил его шею и толкнул сильнее. — Помогите! — завопил вдруг Венкель тоненьким голоском. — Убивают! На помощь!

Рихард зажал ему рот рукой, но отдернул ладонь.

— Кусается, сволочь, — прошипел он.

— Люди добрые, помогите! — продолжил орать Венкель, и из темноты появилась крупная фигура в алом пальто. — Ловец хочет меня убить! — с воодушевлением выкрикнул он. — Спасите!

— Привет, Харди, — сказал Уго и, сняв берет, запихнул его Венкелю в рот. — Карна, — слегка склонил голову.

— Уго, — с облегчением произнес Рихард. — Я так и надеялся, что ты патрулируешь этот участок.

— Дерьмовый район, река близко, а я лучший патрульный, мне всегда дают сложные места. Что делаете?

— Идем на жмыха, что у Кривого моста, — пояснил Рихард, заламывая руки Венкелю и связывая их его же ремнем, с которым управлялся куда ловчее.

— А этого... господина зачем с собой тащите? — полюбопытствовал Уго, глянув на мычащего мужика.

— Приманка, — пояснил Рихард, и Венкель задергался и замычал еще сильнее. — Цыц, — ловец отвесил ему легкий подзатыльник.

— Неужто кто-то решил расщедриться на жмыха?

— Господин Шульц из городской управы, — слегка улыбнувшись, ответил Рихард, подталкивая вперед Венкеля. Тот попытался упасть на колени, но получил ботинком под зад.

— Не знаю такого, — нахмурился Уго, шагая рядом с Карной.

— Никто не знает, — ответил Рихард. — Но он есть.

Они пошли вдоль реки, пока и без того редкие огни города остались позади. Река вздыхала рядом, нашептывала что-то, шипела, ударяясь о берег. Дорога под ногами сменилась едва намеченной тропинкой, но идти стало даже проще: теперь грязь не скользила под ногами и не липла к обуви. Задержавшись, Карна вытерла ботинки пучком сухой травы, с отвращением тряхнула рукой.

— А Карну зачем взял? — спросил Уго. — Там может быть опасно.

— С ней Гектор.

Карна в доказательство открыла сумочку и ойкнула.

— Он светится, Рихард! Светится!

Ловец покосился в сумочку, синяя атласная подшивка которой блестела в сиянии глазниц черепа.

— Значит, навь близко, — кивнул он.

Черный мост, изгибающийся плавно вверх, а потом ныряющий в середину реки, показался из темноты. Рихард слегка подтолкнул Венкеля под колени, а когда тот упал, связал ему еще и ноги, используя теперь свой ремень.

— Жмых старый, осторожный, — шепотом пояснил он. — Просто так не выйдет. Но у нас такая сочная приманка, насквозь пропитанная алкоголем, что он не удержится от соблазна. Карна, ты иди вон туда, на холм, иначе отпугнешь его Гектором. Сюда не суйся и смотри в оба.

Карна понятно кивнула.

— А с ним ничего не случится? — робко спросила она, глянув на Венкеля. Тот, вывернув шею и вытаращив глаза, уставился на Рихарда, ожидая ответ.

— Посмотрим, — зло ухмыльнулся тот. — Как пойдет.

Уго пошевелил носом и сплюнул в сторону.

— Смердит, — сказал он. — Гадкий запах. Навью несет и будто еще чем-то.

Рихард повернулся к мосту. Лысые ветки кустарника слегка пошевелились, хотя ветер стих. Схватив Венкеля за шкуру, подтащил его поближе к реке на пустой пяточок земли. Мужик мычал и плакал, и Уго, покосившись на Рихарда, спросил:

— За что ты его?

— Он мразь редкая, — ответил тот. — Бьет свою жену, регулярно. Начал, еще когда она беременная была.

Уго посмотрел на Венкеля и пнул его ногой. Тот застонал и съежился.

— Отходим, — приказал Рихард, и обернулся на Карну, которая все так же стояла рядом. — Ну, чего ждем? Господин Шульц будет недоволен, если не выполним заказ.

Она вздернула подбородок и пошла на холм, стала под березкой, сжимая в руках сумочку, свет из которой пробивался даже с закрытой защелкой. Подумав, Рихард направился вслед за Карной и, сняв пальто, повесил на сук березы. Стащил и рубашку, оставшись по пояс голым.

— Так надо, — пояснил он в ответ на недоуменный взгляд Карны.

Спустившись с холма, взял за рукав Уго и отвел его за чахлые кусты.

— Зачем ты разделся? — шепотом спросил тот, присаживаясь и прячась за ветками. — Холодно же.

Рихард пожал плечами, посмотрел на небо. Луна светила щедро, обливая землю серебром. Пусть Карна посмотрит. Когда он дрался с жруном, это ее впечатлило.

— Ползет! Ползет! — взволнованным шепотом сообщил Уго, напряженно всматриваясь в ночь.

Рихард и сам видел. Трава у моста всколыхнулась, распадаясь на пробор.

— А мне что делать? — прошептал Уго.

— Оттащишь Венкеля в сторонку, — сказал Рихард.

— Так может, скормим его жмыху? — невинно предложил кабан. — Зачем ему зря небо коптить?

— Нельзя, — строго ответил ловец, — у меня скоро повторная проверка. После убийства точно ее завалю.

Он вынул кинжал, и лезвие сверкнуло, будто напитываясь светом луны. Трава у моста больше не шевелилась, жмых выжидал, но тут Венкель извернулся и шустро пополз прочь, отталкиваясь коленями и загребая грязь подбородком.

И навь, наконец, показалась.

Карна прижала сумочку к груди, напряженно всматриваясь в то, что творилось под холмом: Венкель уползал, как очень длинный и очень пьяный червь, Уго в красном пальто, ярком даже при свете луны, прятался за кустами, трава у Кривого моста шевелилась, выдавая чье-то движение, а Рихард... Ох, как он был хорош! Тугие мускулы, серебряный кинжал, зажатый в руке, звезды, рассыпавшиеся по небу мерцающей рекой. На миг Карна даже подумала, что это выглядит постановочно, как в театре: лысый пятачок перед мостом, изъезженный когда-то телегами и истоптанный тысячей ног, полуголый воин, монстр, таящийся в ночи... А потом навка выползла из травы, и Карна, охнув, еще теснее прижала сумочку.

Когда-то это была змея: безобидный уж, судя по желтым отметинам на голове. Но навь его раздула и искорежила, и теперь это был монстр длиной не меньше пяти метров и с пастью, полной острых клыков, блеснувших, когда тварь оскалилась на ловца. Рихард перепрыгнул беднягу Венкеля, за которым осталась целая колея, взмахнул кинжалом, и тот сверкнул, как осколок луны. Затаив дыхание, Карна наблюдала. Рихард отчего-то не спешил воспользоваться пистолетом, который торчал у него из-за пояса. Они со змеей кружили вокруг Венкеля, который то ли притворился мертвым, то ли потерял сознание, делали ложные выпады, изучая друг друга. Уго выбрался из-за кустов и, улучив момент, когда змея была подальше, схватил Венкеля за ноги и дернул на себя. Навка зашипела, рванулась, пасть с изогнутыми клыками клацнула прямо возле приманки, но Рихард молниеносным движением схватил змею пониже треугольной головы и сдавил. Кольца черного чешуйчатого тела свивались, хвост бил по земле, ударил Венкеля пониже спины. Уго схватил его и закинул себе на плечо, как мешок с картошкой. Рихард вонзил кинжал в змею, и черная кровь брызнула на землю. Потом чудовищу как-то удалось вырваться, и оно опять бросилось на Венкеля, почти впилось острыми зубами ему в бок, но Уго отскочил, унося его, а Рихард схватил навку за хвост, раскрутил и отшвырнул, и сам бросился за ней, сильный и ловкий, точно какой-то мифический герой.

Карна, опомнившись, убрала изо рта палец, ноготь на котором сгрызла едва не до корня. На луну набежали облака, и теперь толком нельзя было разобрать, что происходит у моста. Не дав себе времени передумать, Карна открыла сумочку и вынула череп, направив сияющие глазницы на место сражения.

Рихард снова сжимал змею пониже головы, теперь обеими руками, не давая ей укусить себя. Быстро глянув в сторону Карны, он сдвинул руки ниже и стал мотать чудовище туда-сюда. Потом принялся бить ее о землю, о покосившиеся перила моста... Уго и Венкель тоже наблюдали за зрелищем из-за кустов. Наконец Рихард взял измочаленную навь одной рукой, второй приставил кинжал к телу — там, где оно расширилось.

— Я вижу тебя, — донеслось до Карны.

А потом кинжал вонзился в навку, рассекая плоть, раздалось громкое шипение, точно кто-то спустил воздушный шар, и змея опала наземь, расползаясь черной лужей.

Рихард встряхнул кинжалом, сбрасывая с него черные капли, и спрятал его в ножны. Гектор вспыхнул и погас, и Карна торопливо положила череп назад в сумочку. Она сняла с сука березки рубашку и пальто Рихарда и, спустившись с холма, подала ловцу его одежду.

— Ты не ранен? — спросила она. — Все происходило так быстро и бурно, может, навь тебя задела?

Он тяжело дышал, и лоб его был влажный от пота.

— Немного о чешую оцарапался, — ответил Рихард. — Ерунда.

Она заметила мелкие порезы на его груди, чуть выше шрама, осторожно прикоснулась к горячей коже кончиками пальцев.

— Дома подуешь, — подмигнул он ей и, натянув рубашку, подошел к Венкелю, лежащему за кустами. Расстегнул ремень, стягивающий руки, потом второй. Берет Венкель вытащил сам и отшвырнул его прочь, вскочил на ноги.

— Тебе это с рук не сойдет, — прошипел он, тыча палец с черным ногтем под нос Рихарду. — Я буду жаловаться! Во все инстанции!

— Согласно статье номер пять Закона о защите населения от нави, каждый должен оказывать требуемую ловцу помощь по первому запросу, — скучным тоном произнес Рихард. — Отказ несет за собой штраф в размере десяти базовых величин. Теперь всегда со мной на дело будешь ходить. Хорошая из тебя приманка. Жмых аж слюни пускал.

Венкель побледнел и попятился.

— За помощь в уничтожении нави оказавший содействие ловцу имеет право на вознаграждение в размере одной пятой по прейскуранту, — вспомнил Рихард и, сунув руку в карман, бросил Венкелю один шендер. Монета упала к его ногам, и Венкель, присев, быстро выудил ее из грязи.

— Ты не посмеешь, — пробормотал он, пряча монету в карман. — Я не хочу! У меня здоровье слабое!

Рихард быстро подошел к нему и, схватив за грудки, потрянул.

— Только тронь свою жену еще раз, — прошипел он в лицо Венкелю. — Я ведь узнаю. Посмотрю в твои глаза поганые и увижу все как есть.

— Я имею право...

Рихард встряхнул его как котенка.

— Я тебя предупредил. Иначе в следующий раз на дрюча со мной пойдешь. И может, я слегка припозднюсь.

— Эй! — донесся из-под моста голос Уго. — Харди!

— Что там? — выкрикнул Рихард, отпустив Венкеля.

— Иди сюда. Только без Карны.

Рихард, нахмурившись, пошел к мосту, приминая траву, туда, где виднелось красное пальто Уго. Обезображенное тело лежало на берегу уже, по-видимому, несколько дней. Жмых сожрал печень, насекомые и мелкие животные подъедали остальное, а головы не было вовсе.

— Да это ж малыш Лоркас, — просипел из-за плеча Рихарда протрезвевший Венкель. — Такого здорового бугая во всей Рывне не сыщешь.

Раздался тихий вскрик, и Рихард, быстро обернувшись, едва успел подхватить Карну, упавшую в обморок.

— Ты свободен, — сказал он Венкелю. — И если не хочешь, чтобы наши пути снова пересеклись, не забывай, что я сказал. Ты, — он обернулся к Уго, — зови сюда полицию. Это их дело. Черепа нет, я ничем не могу помочь, — он закинул Карну себе на плечо и взял в другую руку ее сумочку. — Похоже, в Рывне завелся серийный маньяк, и мне очень не нравится его почерк.

Карна очнулась на полпути домой: завозилась на плече, заерзала, потом стукнула его кулаком по спине, и Рихард, усмехнувшись, поставил ее на землю. Поправив плащ и одернув юбку, Карна забрала из его руки свою сумочку с таким видом, будто он ее украл.

— Что опять? — спросил он.

— Нечего меня таскать, как... — она запнулась, — как свой трофей.

— Я в самом деле заслужил награду, — пожал плечами Рихард и слегка потер затекшую шею. — Ты могла бы и отблагодарить меня.

— За что это?

— Если не за спасение Рывни от жмыха, то хотя бы за то, что я пронес тебя пять кварталов. А ты, знаешь, не пушинка.

— Спасибо, — буркнула Карна и взяла его под руку. Голова слегка кружилась, и ноги были будто ватными.

Она узнала улицу: булочная, кирпичный дом, второй этаж которого построили из дерева, и он слегка поехал, точно шляпа, сдвинутая на одно ухо. Здесь ее раньше ждал извозчик, чтобы отвезти в «Золотой гусь». Осталось спуститься вниз — и появится дом ловца с круглой вывеской, перечеркнутой кинжалом.

— Тебе тоже спасибо, — сказал Рихард. — Ты мне очень помогла. Ты смелая и находчивая, и прекрасно справилась с ролью шлюхи.

Карна фыркнула в ответ.

— Ты ведь мог подловить этого Венкеля у порога дома, — укоризненно произнесла она.

— Я хотел быть уверен, что он напьется.

— Можно было подождать, пока это случится. Он ведь пьяница. Вопрос пары дней максимум.

— Не хотел заставлял ждать господина Шульца, — ответил Рихард.

Карна вздохнула, и какое-то время лишь стук ее каблучков нарушал тишину. Рывня спала, фонари горели через один, а туман, окутавший улицу легкой влажной дымкой, делал все вокруг призрачным и нереальным, и Карна невольно порадовалась, что рядом ловец — оплот жизненной силы и уверенности. Он поднялся по ступенькам первым, открыл дверь и посторонился, пропуская Карну внутрь. Она включила свет, и едва не подпрыгнула от испуга, когда к ней что-то метнулось.

— Фифи! — с облегчением выдохнула она.

Собачка виляла всей задней частью тушки вместе с хвостом, выражая радость от их прихода, повизгивала, посвистывала, а потом кинулась к двери, выходящей на задний двор, и поскреблась.

— Какая умница, — умилилась Карна. Она быстро скинула ботинки, измаранные грязью до середины голенищ, и, пройдя через гостиную, открыла заднюю дверь. Собачка тут же выскочила наружу и облегченно засвистела.

Рихард подошел следом и обнял Карну сзади.

— Что ты делаешь? — воскликнула она.

— Расстегиваю твой плащ, — невозмутимо ответил он. Его пальцы ловко расправились с пуговицами, и Карна сбросила плащ ему на руки.

— Благодарю, — официальным тоном произнесла она.

— Рад услужить, — сказал он. — Может, окажешь ответную любезность?

Карна обернулась, и быстро отвела взгляд. Рихард успел повесить ее плащ и снять пальто, и теперь расстегивал рубашку.

— Ты вон и сам вполне справляешься с раздеванием, — буркнула она. — Даже с избытком.

Рихард бросил рубашку на диван. Вынул из-за пояса кинжал и пистолет и, открыв дубовую панель, спрятал их внутрь.

— Я про раны, — пояснил он. — Поможешь обработать?

— Ты сказал, там ерунда.

— Царапины, — кивнул он. — Но кто знает, какая зараза могла попасть с навьей чешуи.

Фифи вернулась в дом и прижалась к ноге Карны.

— Хорошо, — кивнула Карна, стараясь не смотреть на него. — У тебя есть что-нибудь обеззараживающее?

Рихард кивнул и, вынув из ее сумочки Гектора, пошел наверх. Карна взяла Фифи на руки и послушно отправилась следом.

Ловец открыл дверь в ее спальню и, отвечая на вопрос, который готов был сорваться с уст Карны, пояснил:

— Лекарства тут. И освещение лучше.

Лампа на потолке светила тускло, словно в ней тоже клубился туман. Толстый мотылек взметнулся и ударился о стекло плафона. Фифи привычно устроилась на одной из подушек, а Рихард тем временем поставил Гектора на полку у изголовья кровати, выдвинул ящик стола и достал пузырек с прозрачной жидкостью. Карна же взяла из шкафа чистый носовой платок.

— Присядь вот тут, — она указала на стол. Рихард послушно прислонился к краю стола, и Карна сразу пожалела, что выбрала это место. Здесь он целовал ее утром, а теперь они будто поменялись местами. Но уютнее от этого не стало. Ее руки слегка подрагивали, и вся она была, словно сжатая пружина. Кто знает, что тому виной? Может, просто переволновалась — уж чего-чего, а поводов было, хоть завались, а может, Рихард так влиял на нее. Его глаза следили за ней неотступно, и она чувствовала на себе его взгляд все время, пока брала платок, пока смачивала его лекарством.

— Брюки снимать? — насмешливо уточнил Рихард.

— Не надо, — буркнула Карна.

— А вдруг навь меня задела.

— Ты бы почувствовал. — Она прижала платок к царапинам, кровь на которых уже успела подсохнуть.

— А подуть?

— Потерпишь, — она промокнула следующую царапину, провела платком вдоль шрама. — Откуда он у тебя?

Пытливо заглянула ему в глаза, но Рихард не расщедрился на ответ, а вместо этого спросил сам:

— Как тебе «Вонючий козел»?

— Мне понравилось, — улыбнулась она, продолжая обрабатывать его царапины. — Место, конечно, злчное, но было интересно.

— Ты отлично вжилась в роль, — похвалил ее Рихард.

— Это и было ролью. Все словно происходило не со мной, — ответила Карна. — Я никак не могла оказаться в баре с таким названием! Моя жизнь была распланирована с самого рождения. Родители договорились поженить нас с Эдмоном, когда я только родилась. Это могло стать трагедией, но Эдмон был моим лучшим другом, и я не представляла рядом с собой никого другого. Мы должны были жить долго и счастливо...

Ловец не спеша откинул ее волосы с шеи, обхватил ее ладонью, и Карна решила, что он сейчас снова поцелует ее, и поняла, что дрожит, то ли от негодования, то ли от предвкушения, но Рихард попросил:

— Покажи мне воспоминание. Что-нибудь светлое и с Эдмоном.

Его пальцы гладили ее шею, а глаза смотрели внимательно и участливо, и Карна, выдохнув, кивнула.

Яркое солнце ослепило ее.

Она сидела на цветастом покрывале, постеленном на траве. Рядом стояла корзинка, из которой

служанка доставала булочки и запотевшую бутылку с компотом. Смешение красок на лугу было таким буйным, словно небесный художник решил использовать всю свою палитру. На небе не было ни облака, и солнце жарило, как печка, но служанка предусмотрительно выбрала место в тени высокого дерева.

Карна увидела Эдмона издали, приложила ладонь козырьком к глазам, чтобы не слишком щуриться. Он тоже шел с корзинкой, и она недовольно нахмурилась. Она ведь сказала, что возьмет все необходимое. Но когда он приблизился, нежно улыбнулась. Их помолвка состоялась всего пар недель назад, и роль невесты пока что была в новинку. Кажется, и Эдмон слегка смущался. Он поставил перед ней корзинку, присел и поцеловал протянутую ему руку.

— Не стоило беспокоиться, — все же заметила Карна, стараясь, чтобы недовольство не прорвалось в ее голосе. — Здесь уже есть все необходимое для пикника.

— Это подарок, — сказал Эдмон, посмотрев на нее, и у Карны перехватило дыхание. Пусть бы у их детей тоже были зеленые глаза. Такие же яркие и будто пронизанные солнечными искорками. Она откинула салфетку с корзинки, и лишь потом посмотрела вниз, и взвизгнула, забыв о взрослой роли невесты.

— Какой он...

— Толстый? — улыбнулся Эдмон.

Щенок, которого Карна вынула из корзинки, походил на плюшевого мишку. Коричневая шерстка с рыжеватыми подпалинами, крепкие толстые лапки, мокрый нос. Щенок недовольно закрутился в руках Карны, и она опустила его на землю. Тут же, проявив неожиданную прыть, щенок рванулся в траву.

— Стой! — воскликнула она, вскакивая с места. — Куда?

Они смеялись и бегали за щенком, а потом он спал в тени под деревом, а они пили прохладный компот, и Эдмон осторожно сдвинул руку, так что их пальцы соприкасались...

Она вынырнула из воспоминания и снова оказалась в чужом доме, с тусклой лампой на потолке, о которую бился мотылек.

Рихард вытер пальцем слезинку, скатившуюся по ее щеке, а потом склонился ближе, но Карна быстро отвернулась, так что его губы лишь мазнули по щеке.

— Ты совсем не такой, как он, — укоризненно произнесла она.

— Верно, — согласился он, и поцеловал ее за ухом. Развязал ленту, стягивающую волосы в хвост, и пропустил длинные пряди через пальцы.

— Вы с ним вообще не похожи.

— А разве должны? — Он потянул ее за волосы, так что ей пришлось запрокинуть голову, провел языком по шее, и Карна прерывисто вздохнула.

— Его я любила.

— А меня?

— Конечно, нет! Ты меня злишь и выводишь из себя и... Ох... — он целовал ее шею, и мысли путались, и мотылек стучал о лампу все сильнее. Глупый, он же сгорит. — Рихард, все это ошибка.

— Я никогда не ошибаюсь, — возразил ловец, слегка отстранившись и посмотрев ей в глаза.

— С чего ты взял?

— Работа такая, — ответил он. — За ошибки слишком высокая плата. Я вижу в твоих глазах то же желание. И еще страх. Ты не боялась изобразить шлюху, ты пошла со мной в самое грязное место города, ты отправилась на жмыха, а теперь боишься разделить со мной постель? Почему это пугает тебя, Карна?

— Потому что я — порядочная женщина, — заявила она, вздернув подбородок, и Рихард поцеловал ее в губы, разом сметая все возражения.

Он не давал ей возможности ни отказать, ни произнести хоть слово, а его губы были такими жадными и горячими, что волна жара взметнулась по ее телу, затапливая его почти болезненным желанием. И Карна целовала его в ответ, обнимала голые плечи и, кажется, вот стыд, помогала растегнуть ремень. А Рихард, не пожелав возиться с ее пуговицами, просто дернул блузку в разные

стороны. Пуговицы брызнули, градом застучав об пол.

— Рихард, — пролепетала она, когда он накрыл ладонями ее грудь, на которой остался лишь шелк белья.

— Ты такая красивая, — пробормотал он, приподнимая ее грудь, лаская, легонько сжимая, обводя пальцами твердые соски. — Карна, я так хочу тебя.

Он погладил ее голый живот, проведя пальцами сверху вниз, и заведя руки за ее спину, расстегнул пуговицу, вжикнул молнией. Юбка сползла по бедрам и упала на пол. И Карна, переборов смущение, посмотрела Рихарду в глаза. Ей было страшно, и в то же время хотелось увидеть, какое впечатление она производит на мужчину. Восхищение, страсть, жажда обладания — на обычно непроницаемом лице ловца эти чувства горели ярко, как лампочка.

Странно, но в комнате будто и вправду стало светлее. Карна подняла глаза к потолку. Мотылек пробрался в плафон и теперь лежал там недвижно. Обернувшись, она вскрикнула и указала рукой на Гектора, чьи глаза горели точно как тогда, у Кривого моста. А потом посмотрела в окно и зажала себе рот ладонью.

Эдмон был там. Бледное лицо, прилипшие ко лбу мокрые волосы, искривленные обидой губы.

Рихард проследил за ее взглядом и выругался. Бросился к окну, распахнул створки, впуская сырой влажный воздух, высунулся на улицу по пояс.

— Это он, — бормотала Карна, обняв себя руками. — Он пришел за мной.

— Как пришел, так и ушел, — сказал Рихард, выглядывая наружу. — Вот чем вотумы плохи — их сложно поймать. Карна...

— Уходи, — сказала она, быстро забираясь в постель и натягивая одеяло до самого носа. Рихард закрыл окно, посмотрел на нее и вздохнул. Глазницы Гектора погасли.

Рихард вышел, и Карна слышала, как он моется в ванной, чистит зубы, а сама старалась унять озноб, охвативший ее от страха. А потом дверь открылась, и Рихард снова вошел в ее комнату, держа в руках одеяло.

— Фифи, подвинься, — сказал он, устраиваясь на другой половине кровати.

— Что это ты делаешь? — возмутилась Карна.

— Собираюсь здесь спать, — пожал плечами Рихард. — Чтобы тебе не было страшно.

Он протянул руку и щелкнул выключателем у изголовья, погрузив комнату в мрак. А потом нашел ее ладонь под одеялом и сжал пальцы. И Карна не нашла в себе сил его прогнать. Она слушала его ровное дыхание и храп Фифи, смотрела на Гектора, боясь увидеть свет в его глазницах, и сама не заметила, как уснула.

Рихард проснулся от храпа, который раздавался прямо ему в ухо, и, отодвинувшись от собаки, посмотрел на Карну. Она крепко спала, обняв одеяло и закинув на него голую ногу.

Рихард тихо встал с кровати, обошел ее и полюбовался открывшимся видом сзади. Если бы не явление бывшего муженька, то сейчас он мог бы повернуть Карну на спину, отбросить одеяло... Или не переворачивать...

Вздыхнув, он тихонько вышел из спальни и отправился в душ. А после забрал Фифи с кровати, отнес ее вниз и выпустил во двор.

— Снова спали вместе? — спросила Грета, выглянув из кухни. Сегодня служанка надела белое платье с кроваво-красными разводами, живо напомнив Рихарду о находке под Кривым мостом.

— Ты против?

— Мне любопытно, — ответила она. — Допустим, ты развратишь нашу монашку, если уже не сделал это. А дальше? На таких, как она, женятся. А ты готов жениться, Харди? В этом мире, где столько тьмы, где грязь и беды, и монстры ужаса таятся за углом. Смерть, мрак и безнадега, — печально припечатала она.

Рихард направился к вешалке и засунул руку в карман пальто.

— В этом мире есть и прекрасные вещи, — возразил он и протянул ей изгвазданный берет. — Сможешь отчистить? Его связала бабуля Уго.

Грета повертела его в руках, понюхала и скривилась.

— Им что, протирали барную стойку?

— Почти, — не стал вдаваться в подробности Рихард. Он сел за стол и подвинул к себе тарелку с горячей кашей. — Знаешь, Грета, в твоём пессимизме есть нечто целительное. Мне принципиально хочется с тобой поспорить и доказать, что все не так уж плохо. Вот взять вчерашний день.

— И что?

— Я убил жмыха под Кривым мостом.

— Давно пора было. Много заработал?

— Я получил благодарность господина Шульца. Ты его не знаешь.

— Выходит, вчера ты снова смотрел в глаза тьме, и тебе за это даже не заплатили.

— Но потом... — он прервался, ностальгически вздохнул и зачерпнул ложкой овсянку.

— Когда я пришла, от порога несло навью, — заметила Грета.

— Это Эдмон приходил, покойный муж Карны, — сказал Рихард. — Настырный тип.

— Не выяснил, чего ему надо? Где-то она ему крепко насолила, раз с того света вернулся.

— Даже не знаю, — задумчиво ответил он. — Карна не способна на подлость. Она вспыльчивая и может влить пощечину, но не злая. Наивная, смелая, очаровательная...

— Так ты женишься на ней или как?

— О чем ты? — вздохнул Рихард. — Не с моим образом жизни заводить семью. Так вот, в Академии нам рассказывали о вотумах, которые возвращались в наш мир с благими целями. К примеру, мать-покойница вернулась, чтобы придушить мачеху, которая плохо обращалась с ее дочкой.

— Сама добродетель, — с сарказмом подтвердила Грета.

— Или еще случай: жених-вотум убил мужчину, за которого собралась его бывшая невеста. А потом в его подвале нашли несколько трупов.

— Так может Эдмон считает, что ты не пара для Карны? И в общем-то, он прав. Что вас связывает?

— Взаимное влечение, — ответил Рихард, жуя овсянку. Он глотнул чая и скривился. — Грета, тут соль!

— Перепутала, — пожала она плечами. — Я ведь слепая.

— Я что, снова задержал тебе зарплату? — нахмурился он, заедая отвратительный привкус чая овсянкой.

— Вчера должен был выплатить, — подтвердила Грета. — Но кто считает? Дни летят, как красные листья со старого леса. Конец уже близко, дышит в спину могильным холодом.

Рихард поднялся, вышел в гостиную и, открыв панель, вынул коробку с монетами из-за серебряного щита. Отсчитав тридцать, положил их в мешочек, накинул сверху еще пять и затянул завязку.

В дверь постучали — три ровных удара, и он быстро закрыл панель. Заглянув на кухню, бросил мешочек Грете, и та ловко его поймала.

— Так и знал, — укоризненно произнес он.

— У меня есть третий глаз, — быстро выпалила Грета, сноровисто пряча мешочек в карман. — Интуиция, ясновидение...

Рихард покачал головой и пошел открывать.

На пороге стоял Зейн. Как всегда, в безукоризненной форме и с фуражкой на согнутом локте. Рыжие волосы, уложенные волной, блестели медью.

— По поводу вчерашнего? — спросил Рихард, пропуская его в дом.

— Найденное тело действительно принадлежит малышу Лоркасу, — сказал Зейн. — А где Карна?

— Спит.

— К сожалению, посмертные повреждения трупа не позволяют с точностью сказать, что убийца действовал так же, как и в прошлом случае.... Ты можешь попросить ее спуститься?

— Нет.

— Головы нет, и это сходство нельзя игнорировать. Возможно, убийств больше, просто мы не нашли тела. Люди постоянно уезжают из Рывни, а приезжают куда реже. Что здесь забыла Карна? Что нужно ей в моем городе?

— В твоём? — удивился Рихард.

— Я — главный следователь полиции Рывни и несу ответственность за спокойствие горожан. Вот список выпускниц института благородных девиц, — Зейн вынул аккуратно сложенный лист из внутреннего кармана мундира.

Рихард развернул его и уставился на имя, обведенное красным карандашом.

— Каролина Кеза, — произнес Зейн. — Это она? Невеста с навьей свадьбы? Рихард, ты кого приютил? — он непроизвольно повысил голос. — Скажи, из-за нее в Рывне полезла вся эта скверна?

— Навья свадьба, — задумчиво повторил Рихард. — Смутно припоминаю... Какой-то громкий случай в столице, да?

— Об этом писали все газеты! — Зейн провел рукой по волосам — аккуратно, чтобы не испортить прическу. — С год назад. Ты тогда, кажется, валялся после Олафа Златоглазого. Хорошо он тебя приложил.

— Он ему чуть сердце не вырвал, — встряла Грета. — Ой влип ты, Харди, ой влип...

— Во время свадьбы, где соединялись два древних рода, произошло нападение навь, — сказал Зейн. — Это случилось уже в конце вечера, когда большинство гостей разошлись, не желая докучать хозяевам.

— После этой свадьбы прекратились гонения на ловцов, — кивнул Рихард. — Осознали важность нашей опасной и неблагодарной службы. И зарплату мне подняли.

— Двадцать два трупа. Около пятидесяти пострадавших, разной степени тяжести, — сказал Зейн.

— Что за навка там была? — удивился Рихард.

— Навки, — исправил его Зейн. — Целая стая. Три жруна, два жмыха, один дрюч. Те, кто попались ему, остались живы, но воспоминания не сотрешь, сам понимаешь. Полиция прибыла через минут десять, не больше. Всю навь изрешетили серебром.

— Откуда она там взялась?

— Выбралась из канализации.

— Очень странное дело, — задумался Рихард. — Навки не ходят стаями.

— А два жруна у Мирабеллы Свон?

— Откуда знаешь?

— У меня есть свои люди.

— Это не они слили Вилмосу информацию о том, что я не прошел проверку?

— А ты не прошел? — искренне удивился Зейн.

— Проехали, — проворчал он. — У Мирабеллы жруны появлялись по очереди, не сразу. Но тоже необычно, конечно. Так что, ты думаешь, что Карна... Пстой-ка, а как звали жениха?

— Эдмон Наги, — без запинки произнес Зейн.

— Вот навье дерьмо, — протянул Рихард.

Наверху послышались шаги, и Карна, растрепанная и в белом халате, выглянула через перила.

— Ох, у нас гости, — улыбнулась она, такая милая спросонья. — Доброе утро, Зейн.

— Доброе, — сухо ответил он и повернулся у Рихарду. — Я настаиваю, чтобы Каролина Кеза немедленно покинула мой город. Вторая навья свадьба мне здесь не нужна.

— Она останется, — сказал Рихард и пристально посмотрел Зейну в глаза. Тот покачнулся, быстро отвернулся.

— Не смей так больше делать!

— А ты не смей являться в мой дом и указывать, что делать моей женщине!

— Твоей? — усмехнулся Зейн и бросил взгляд на Карну, которая побледнела и вцепилась в перила лестницы обеими руками.

— Короче, проваливай, — вполне миролюбиво произнес Рихард. — Спасибо за информацию. Ты очень помог. Обращайся, если и тебе понадобится помощь. Доброго дня.

Он открыл перед Зейном дверь и тот, все так же стараясь не встретиться взглядом с ловцом, переступил порог. Дверь за ним тут же захлопнулась, едва не поддав ему под зад.

Рихард повернулся к Карне, помолчал, нахмурившись.

— Как мне тебя звать? Карна или Каролина?

— Карна, — тихо ответила она, такая бледная и несчастная, что ему тут же захотелось утащить ее в постель и утешить. — Это мое домашнее имя, я к нему привыкла.

Он кивнул, помолчал еще немного, размышляя.

— Карна, скажи, пожалуйста, ты девственница?

Румянец залил ее от шеи и до щек, которые прямо-таки заалели.

— Как смеешь ты задавать такие вопросы! — вздернула она подбородок.

— Это многое объясняет, — кивнул Рихард, усмехнувшись. — Почему не сказала?

— А ты считаешь, что тебя это как-то касается? — Карна расправила плечи в попытке выглядеть уверенной и высокомерной, но губы ее едва заметно подрагивали.

— Грета, ты свободна, — сказал Рихард, не поворачиваясь к служанке.

— Мне еще столько надо сделать, — возразила та. — Полы не мыты, плита не чищена...

— Такие мелочи, — ответил он. — Что значат они перед концом света, который вот-вот грядет.

— К тому же ты только что мне заплатил, и вроде даже с лишком, — упрямо стояла она на своем. — Не могу же я брать с тебя деньги просто так.

— А деньги и вовсе грязь, не стоящая внимания. С собой в могилу их не унесешь.

— Но я могу прибраться. Хотя бы попытаться сделать этот мир чуточку чище...

— Я дал тебе берет Уго, вот им и займись.

Рихард открыл дверь и дождался, пока Грета выйдет.

— Расскажешь потом? — жалобно попросила она, обернувшись, но Рихард закрыл за ней дверь и повернул ключ.

Он поднялся по лестнице и, взяв Карну за руку, разжал ее пальцы, которыми она впилась в перила, и повел за собой вниз. Она послушно пошла следом, кусая губы, села на стул на кухне и обхватила ладонями горячую чашку чая, которую Рихард поставил перед ней.

— Как тебе удалось выжить? — спросил он, садясь напротив.

Карна еще покусала губы, отпила глоток и скривилась.

— Соленый!

— Ах да, — спохватился Рихард. Он вылил чай в мойку, и поставил чайник заново.

— Меня там не было, — пробормотала Карна.

— Тебя не было на собственной свадьбе?

— Именно в тот момент — нет. Мы праздновали в гостинице «Звездное небо». Гости еще веселились в зале, но мы с Эдмоном решили пойти наверх. У нас был номер для новобрачных, на последнем этаже. Там стеклянные потолки, и вид потрясающий: звезды так близко, кажется, можно потрогать... — Карна меланхолично улыбнулась и вздохнула. — Мой отец и свекор задержали Эдмона, они говорили какой-то ужасно пошлый тост, а я пошла в номер, чтобы привести себя в порядок. У меня прическа растрепалась и вообще...

— Уверен, ты выглядела бесподобно.

— Эдмон так и не пришел, — сказала она. — Гостиница — самое высокое здание Эйберга. Я даже не слышала криков и ни о чем не подозревала. Только потом поняла, что что-то не так, когда в коридорах забегали горничные, а на улице внизу собралась вся полиция города. Я выглянула в окно и увидела, как через главный вход выносят носилки. Даже с верхнего этажа было видно, что ткань на телах пропиталась кровью.

Она все же не сдержалась и расплакалась, но оттолкнула руку Рихарда, который хотел ее утешить.

— Я в порядке, — заявила она, промокая слезы поясом халата. — Сделай мне, пожалуйста, чай.

Рихард повернулся к плите, но чайник пока не кипел.

— Если брачная ночь так и не состоялась, тогда очевидно, что нужно Эдмону. Ты могла бы и сама догадаться. Бедный парень. Он так долго ждал...

— Вот только не надо этих твоих грязных инсинуаций! — вспыхнула Карна.

— Да я даже слова такого не знаю, — пожал он плечами. — Если бы меня мурыжили пятнадцать лет, или сколько там, я бы тоже вернулся с того света.

— Эдмон не такой! — воскликнула она. — Он умный, нежный, добрый...

— И, скорее всего, тоже девственник, — кивнул Рихард. — Уж больно неловко он тискал тебя там, в библиотеке.

Карна занесла руку, чтобы вlepить пощечину, но потом просто махнула.

— Конечно, он тоже хранил невинность, — ответила она. — Мы любили друг друга, и Эдмон, разумеется, не пошел бы в бордель, как некоторые.

— Ну и зря, — заметил Рихард, поднимаясь, чтобы заварить чай. — Поднабрался бы опыта, и брачная ночь прошла веселее. И, может, не пришлось бы возвращаться с того света, чтобы наконец... как ты там говорила? Познать интимную близость?

— Он вернулся не за этим, я уверена, — проворчала Карна. — Хватит уже мусолить тему девственности! Такое чувство, что тебе это доставляет удовольствие!

Рихард поставил перед ней чашку чая.

— Только прошу, не выплескивай его на меня, тут кипяток. Но да, твою девственность я бы помусолил.

— Иди ты в Черву!

— Я предлагаю тебе отличный вариант решения проблемы, — ответил Рихард. — Может, Эдмону важно стать у тебя первым. Иначе почему он появился именно сейчас, когда велик риск, что твой цветок сорвет другой мужчина — более опытный и живой. Нет цветка — нет Эдмона.

— А нельзя у него спросить? — Карна положила в чай одну ложку сахара и теперь аккуратно ее размешивала. — Просто узнать, что ему надо. Может, он хочет сообщить мне что-нибудь.

— Он пытался тебя увезти, — напомнил Рихард. — Для того, чтобы перекинуться парой слов, не обязательно покидать Рывню.

— А вдруг это долгий разговор, — пожалала она плечами. — Я не стану с тобой спать только из-за каких-то бредовых теорий.

— Вчера ты чуть не сделала это просто так, — заметил Рихард.

— Ты дурно на меня влияешь. Мой план нравится мне куда лучше.

— Какой еще план? — нахмурился Рихард.

— Встретиться с Эдмоном и поговорить.

— Я вот все думаю, может, Августина затаила на меня какую-то обиду? Иначе за что мне такое наказание?

— Это проще простого, — воодушевленно продолжила Карна. — Я отправлюсь гулять ночью по Рывне. Пройдусь около «Золотого гуся», где он ждал меня в прошлый раз, прогуляюсь вдоль Червы. Если он меня не найдет, то подожду на крыльце. Теперь Эдмон знает, где я живу.

— Я лучше привяжу тебя к кровати! Гулять она пойдет, ночью.

— А я заявлю на тебя в полицию, — фыркнула Карна. — Сдается, вы с Зейном не слишком дружны.

— Тебя он вообще хочет выслать из города, так что заявлять на меня ты не пойдешь. Иначе глазом моргнуть не успеешь, как отправишься первым же дилижансом до Эйберга. Или до монастыря. Почему ты все же решила уйти в монастырь, Карна?

Она подула на чай и аккуратно отпила глоток.

— После произошедшего все изменилось. После полугода траура меня начали приглашать на обеды. Я попыталась вернуться к привычной жизни. Но везде, где появлялась, я слышала шепот за спиной: навья невеста, невеста с навьей свадьбы. И взгляды: любопытные, жалостливые, осуждающие.

— За что тебя судить?

— Может, за то, что не умерла? — пожалала она плечами. — Я стала белой вороной, не смотря на

траурные одежды. Было бы куда проще, если бы я ушла с любимыми. А теперь я одна. И прошу тебя, не надо напоминать про Уго и его сватовство.

Стук в дверь прервал их, и Рихард пошел открывать.

— Дружище, а мы только тебя вспоминали, — донеслось до Карны, и она закатила глаза, отпила еще чай. — Да, твоя невеста тут. Конечно, соскучилась. Проходи.

Уго появился в дверном проеме, в неизменном красном пальто нараспашку, прислонился к косяку и почесал живот, обтянутый вязаной кофтой горчичного цвета. Карна невольно задержала халатик плотнее — таким плотоядным взглядом окинул ее жених.

— Тыковка моя, — бархатным баритоном произнес он. — Мой сочный патиссончик... Ты снилась мне сегодня.

— Все, с меня хватит, — заявила Карна, вставая со стула. — Рихард, объясни уже ему! А мне пора.

— Куда собралась? — спросил Рихард.

— Не твое дело.

— Без Гектора не пущу.

— Ладно, — буркнула она и, протиснувшись мимо кабана, вышла во двор и позвала Фифи. Собачка влетела в дом и, виляя всей попой, бросилась к Уго, повизгивая от счастья.

— Ха, крыске я понравился, — обрадовался он, присаживаясь на корточки и глядя собаку. — Значит, и сердце хозяйки в кармане.

— Я поговорю с ним, — пообещал Рихард, поймав негодующий взгляд Карны, и она ушла наверх.

— О чем ты со мной поговоришь? — спросил Уго, глядя Фифи, которая бухнулась на спину, подставив животик.

— всплыли некоторые детали прошлого Карны, — сообщил Рихард. — Слышал, год назад или больше было крупное происшествие в столице, в газетах его называли «навьей свадьбой»?

— А то!

— Карна была на ней невестой.

— Ничего себе, — сказал Уго, слегка нахмутив косматые брови. Подтолкнул Фифи к площадкам с водой и кашей, стоящим под окном. — Выходит, ее опыт семейной жизни совсем небольшой.

— Нет у нее никакого опыта, — ответил Рихард. — Вообще никакого. Ты понимаешь?

— О нет! — расстроено посмотрел на него Уго снизу вверх. — Харди, она что, невинна?

Рихард кивнул.

— Но как же... — оборотень выпрямился и почесал щетинистый затылок, а потом и вовсе потерял спиной о дверной косяк. — Я рассчитывал, что у нее есть опыт. Люблю, когда женщина умеет получать и дарить удовольствие.

— Увы.

— Ладно, — проворчал он. — Этот недостаток можно исправить. Я чего пришел: сегодня всех поставили на уши: прочесываем берег Червы, а я лучший нюхач, так что тренировка без меня.

— Из-за вчерашнего трупца?

Уго кивнул.

— Зейн рвет и мечет. Поднял списки всех пропавших за год, опрашивает родственников тех, кто уехал с концами.

— Ясно, — сказал Рихард. — Побегает в следующий раз.

Уго одним глотком допил чай Карны и, хлопнув Рихарда по плечу, ушел. А тот сел на диване в гостиной и углубился в чтение утренней газеты, принесенной Гретой. О вчерашней находке не было ни слова, а вот про убитого жмыха писали на первой странице. Пробежав глазами по строкам о благородстве и бескорыстии ловца, Рихард наткнулся на имя Венкеля, который значился добровольным помощником, проявившим недюжинную смекалку и храбрость. Дальше репортер

сворачивал в хвалебные оды шахтерам Рывни, называя их кровью и плотью всего города, и Рихард перевернул страницу.

Услышав шаги, он поднял глаза. Карна успела одеться — в черную юбку до щиколоток и синюю блузку, подчеркивающую цвет глаз — и теперь спускалась по лестнице. Жемчужные сережки в ее ушах мягко колыхались, губы немного блестели от помады. Рихард невольно облизнулся. Ее помада была сладковатой на вкус и пахла ягодами. В руках Карна держала Гектора.

— Я с тобой, — заявил Рихард, откладывая газету на журнальный стол и поднимаясь.

— Не стоит, — вежливо отказалась она, кладя череп в сумочку.

— Я все же составлю тебе компанию, — мягко настоял он. — Заказов у меня нет, и даже господин Шульц больше не заходит...

— Что ж... — ему показалось, или в ее взгляде мелькнуло злорадство. — Если ты хочешь...

Он помог ей надеть плащ, невольно вдохнув глубже, когда ее волосы, закрученные в высокий пучок, оказались у его лица. Фиалки, море и что-то еще...

— Я собираюсь пройтись по магазинам, — невинно прощепетала Карна. — Когда Эдмон увозил меня, я заметила несколько многообещающих витрин.

Поначалу это его даже забавляло: продавщицы строили ему глазки и угощали чаем и пирожными, Карна иногда выходила из примерочной и крутилась перед зеркалом, и на ней все смотрелось очень хорошо, но через три часа и на четвертом магазине Рихард забеспокоился.

— А что мы, собственно, ищем? — спросил он, когда Карна выглянула из-за желтой шторки примерочной и попросила продавщицу принести меховое боа.

— Важен сам процесс, — ответила Карна, накручивая на шею узкую полосу серебристого меха, и придирчиво глядя на свое отражение. — Но если тебе надоело — иди домой. Мы с Гектором и вдвоем управимся.

Продавщица — девушка с цыплячье-желтыми локонами и острым, как клювик, носом — недоуменно огляделась, а Рихарду захотелось взять боа за разные концы и затянуть потуже.

— Я подожду, — процедил он и кивнул, когда ему принесли еще одну чашку. На вкус как опилки, никакого сравнения с чаем Греты.

Продавщицы сновали туда-сюда, мельтеша перед глазами, Карна протягивала из-за шторок ручку, то отдавая вещи, то забирая новые, стрелка на круглых часах, что висели на стенке, еле ползла, и Рихардом овладела угрюмая апатичность.

Он откинулся на спинку диванчика и прохватулся, когда его осторожно потрогали за плечо.

— Господин ловец, — позвала его продавщица с желтыми волосами, глядя виновато и испуганно.

— Что? — он тряхнул головой, прогоняя сонливость, и вытер тыльной стороной руки подозрительно влажный подбородок. Глянул на часы. Выходило, что он проспал больше часа. — Она решила купить все и не хватило денег?

— Нет, госпожа взяла лишь шляпку и сказала вас не будить. Вы ведь ночью ходили на жмыха, я читала... — девушка кокетливо улыбнулась, бросила на Рихарда многообещающий взгляд, и он автоматически считал эмоции: любопытство, жадность и такая едкая зависть, что у него заныли зубы.

— Где она? — Рихард вскочил, и девушка отшатнулась.

— Госпожа ушла, но забыла сумочку, — она протянула ему сумку с серебряной застежкой в форме цветка. Рихард расстегнул ее и глухо зарычал, убедившись, что Гектор на месте.

Продавщица тоже сунула внутрь свой острый нос и, вскрикнув, осела на пол. Рихард подхватил ее и уложил на диван, а сам, выскочив из магазина, осмотрелся по сторонам. Карны и след простыл, а на улице уже смеркалось.

— Пять навих часов ходить по магазинам, — рычал он себе под нос, припустив в сторону «Золотого гуся». — И купить лишь шляпку! — он быстро бежал по узким улочкам, держа сумочку на сгибе локтя. Туман выплеснулся на улицы Рывни, точно молоко, и теперь оно текло под ногами, скрывая грязь. Завидев блестящую вывеску ресторана, Рихард рванул к уже знакомому прыщавому официанту у входа и схватил его за грудки.

— Дама, что была со мной в прошлый раз, — выпалил он. — Где?

— Го-го-го...

— Да не гогочи ты! Толком говори! — рассердился Рихард.

— Го-господин ловец, ежели желаете столик, то для вас всегда есть место. И для вашей помощницы.

— Видел ее сегодня?

— Не-не-не припомню, — проблеял официант, и Рихард нырнул в его глаза, чтобы просмотреть воспоминания последнего часа.

Мужчины, женщины, веселые и грустные, Мирабелла под ручку с Вилмосом Грохом, тот выглядит подавленным и обескураженным. Официант провел их в зал и не отказал себе в удовольствии заглянуть в глубокое декольте Мирабеллы, которая снова вошла в роль глупышки и щебетала как птичка, обмахиваясь веерами ресниц. Снова улица. Полицейский патруль, все с угрюмыми лицами, горничная, искривленная от тяжести сумки с покупками. Компания оборванных детей, при виде которых официант насторожился и попытался заслонить вход в ресторан тощими плечами. Оборванцы дразнили его, корча рожи, и по мужчине, прошедшему мимо ресторана, официант лишь

мазнул взглядом: очень высокий, шляпа надвинута на глаза, которые сверкнули желтым, как у кота, и горло Рихарда словно сдавило, а старый шрам зачесался. Не может быть! Это отразился свет фонарей, которые зажглись один за одним, рассеивая необычно густой туман.

Карна!

Она прогуливалась по другой стороне улицы. Не удивительно, что официант ее не узнал: со шляпки — очень похожей на предыдущую: круглая, как таблетка, с длинным пушистым пером — свешивалась вуаль, прикрывающая наглые синие глаза. Наконец Карне надоело ходить туда-сюда, и она свернула на улицу, ведущую к реке.

Рихард вынырнул из воспоминаний, придержал официанта, чтобы тот не упал, и слегка встряхнул, приводя в чувство.

— Спасибо, — буркнул на прощание и побежал вслед за ней.

Ближе к реке туман стал гуще: теперь Рихард не видел своих ног и пару раз едва не упал, поскользнувшись. Стены домов задернулись пеленой, люди появлялись внезапно, словно призраки из иного мира. Тревога сжимала сердце и заставляла бежать быстрее. Вот ведь глупая девка! Он найдет ее и... План дальнейших действий вырисовывался однозначным. Он пытался быть понимающим и не давить слишком сильно — и что в итоге? Может, черный экипаж, управляемый рыжей навкой, уже увозит ее прочь из города. Будто в подтверждение его худших предчувствий, носа коснулся знакомый запах, от которого волосы на затылке встали дыбом.

Он налетел на какую-то старушку и едва не сшиб ее с ног, столкнулся с компанией толстяков, которые будто задались целью испинать его животами, из-под ног с диким воем бросилась кошка, черная как Черва. А потом он оказался на набережной и едва успел остановиться, чтобы не рухнуть в реку.

Мост изгибался над белым туманом, как черная радуга, словно в мире разом пропали все цвета, и он стал монохромным. Карна стояла наверху — тонкий силуэт в шляпке с длинным пером. А напротив нее — мужчина, чей профиль с коротким носом и слегка выступающей нижней губой Рихард тоже сразу опознал. В руке Карны что-то блеснуло. Пистолет?

— Стреляй! — выкрикнул Рихард, но голос его потонул в тумане и шуме реки, которая, напившись дождями, текла быстрее, выплескиваясь через невысокий парапет набережной.

Карна опустила пистолет, а Эдмон шагнул к ней и протянул руки.

Рихард рванул кобуру — она оказалась пустой, схватил кинжал — глупо метать его с такого расстояния.

— Карна! — выкрикнул он, и она вздрогнула, но не повернулась к нему, глядя на вотума.

Мост изгибался над туманом, и Карна с Эдмоном словно плыли на спине кита по молочной реке. Рихард бежал к ним, не сводя глаз с навки и прикидывая, сколько у него есть времени. Успеет? Не успеет? При желании вотум уже мог бы свернуть ей шею. Туман взметнулся, затягивая Карну дымкой, и Рихард рванул застежку сумочки, выхватил Гектора и направил на мост. Свет прорезал туман двумя лучами, и вотум, который, оказывается, всего-то и успел, что приподнять вуаль на новой шляпке Карны, оскалился, по лицу его, как по воде, побежала рябь, а потом он быстро перешагнул перила моста и без всплеска ушел в Черву. Рихард взбежал на мост, перегнулся через перила, всматриваясь в реку, но под слоем тумана ничего было не разобрать. Свет в глазницах Гектора еще мерцал, и Рихард схватил Карну за предплечье и потащил за собой.

— Отпусти меня! — возмутилась она.

Рихард и в самом деле отпустил ее, спрятал Гектора назад в сумочку и отдал ее Карне. Забрал свой пистолет и сунул назад в кобуру.

— Какого жмыха ты за мной увязался? — воскликнула Карна. Лицо ее было белым, как туман, и синие глаза, полные слез, сверкали сапфирами.

Рихард снова схватил ее за плечо и подтолкнул вперед.

— Прекрати! — выкрикнула она. — Что ты себе позволяешь?

Он повернулся к ней, и на ее лице на мгновение мелькнул испуг, а потом она упрямо уставилась ему в глаза, вздернув подбородок с маленькой ямочкой.

— Дома поговорим, — процедил он сквозь стиснутые зубы и потащил ее за собой. Сейчас он не пытался приравливаться к ее походке и шагал широко, так что Карне приходилось едва не бежать. Она возмущалась, ругалась, угрожала — он не обращал внимания, понимая, что просто не сможет сдержаться. И лишь когда дверь за ними захлопнулась, и Карна повернулась к нему, снимая шляпку с поникшим от влаги пером, он схватил ее за плечи и встряхнул.

— Ты! Могла! Погибнуть! — выкрикнул он ей в лицо. — Твой муж умер! На мосту был не он! Это навь! Понимаешь?

Карна дернула плечами, пытаясь высвободиться. Волосы ее растрепались и упали на лицо.

— Убери от меня свои руки, грязный ты мужлан! — возмутилась она. — Мне лучше знать — Эдмон это или нет! И если бы ты не явился вместе с краденой черепушкой, то я бы уже узнала, что он хочет! Я любила его! И если я могу помочь ему обрести покой, я это сделаю!

— Переспшишь с навкой? — спросил Рихард. — У тебя там, в твоей голове, лишь эхо, как в пустой трубе? Ты ляжешь в постель с мертвяком?

— Это ты решил, что Эдмону нужно лишь мое тело, — горячо возразила Карна. — Он не такой как ты. И если уж сравнивать, то лучше я и вправду потеряю девственность с ним, чем с тобой!

Рихард толкнул ее к стене, вжался всем телом и впился в ее губы поцелуем. Он целовал ее с болезненной злостью и пылом, не щадя нежные губы с ягодным привкусом, проникая языком глубоко в ее рот. Быстро расстегнув пуговицы на ее плаще, смял мягкую грудь ладонью.

Карна его укусила, Рихард рефлекторно отпрянул, и голова его мотнулась от хлесткой пощечины.

— Не смей обращаться со мной как со шлюхой! — выкрикнула она, растрепанная и раздумяившая. Губы ее припухли и стали от поцелуев яркими как клубника.

Рихард вытер прокушенную губу рукой, посмотрел на Карну.

— Ты ошибаешься, — сказала она спокойнее. — Ты понятия не имеешь, кто такой Эдмон. Ты ему и в подметки не годишься. Полная его противоположность! Он умный, добрый, нежный...

— А я, выходит, тупой, злой и грубый?

Карна лишь многозначительно фыркнула.

— А ты, что ли, тоже идеал? — спросил Рихард, снова шагнув к ней и прижав к стене. Ладонь его легла на ее шею и слегка переместилась, так что пульс застучал под пальцами. Синие глаза посмотрели на него с вызовом.

— Что, не нравится слышать правду о себе, да? Сам-то привык в чужих недостатках копать! Казалось бы — ты можешь видеть людей как никто другой, должен знать, что они отличаются, и некоторым просто не дано понять устремления других.

— В смысле, я умишком не вышел, чтобы понять твоего ненаглядного Эдмона?

Карна улыбнулась, надменно вздернула подбородок, так что теперь их губы почти соприкасались.

— Не трогай меня, — отчеканила она, и голос ее даже не дрогнул. — У нас уговор.

— Все еще надеешься на кодекс ловца? — теперь улыбался он, и у Карны по спине пробежал холодок нехорошего предчувствия. А Рихард отпустил ее шею, обхватил запястья и быстро завел вверх, прижав над ее головой к стене. — Ты сама напросилась!

— Не прикасайся ко мне, — прошипела она снова.

— Я только держу твои руки, — заметил он. — Это ты трешься об меня, как кошка.

Карна тут же прекратила всякие попытки вырваться. И то правда — руки у него, как клещи, не разомкнешь.

— И что теперь? Снова будешь смотреть мне в глаза? — с вызовом спросила она. — Знаешь, что? В твоей проблеме виноват ты сам. Вот что ты разглядываешь в моих воспоминаниях? Щенков, цветочки, солнечный луг. Это все было и у тебя, я уверена. Солнце светит каждому, и цветы есть везде, как и щеночки. Просто ты не способен видеть хорошее! Вот и все!

— А я и не собираюсь разглядывать хорошее, — пробормотал он. — Хватит. Давай теперь посмотрим на твои грязные тайны. Постыдные секреты. Вся такая правильная, да?

Карна, ахнув, дернулась, пытаясь вырваться, но он прижал ее к стене своим телом, а пальцы сомкнулись на ее запястьях не хуже стальных наручников.

— Значит, и тебе есть что скрывать? — заметил он. — Покажи мне...

А потом она провалилась в бездонный колодец его глаз, чтобы на самом дне увидеть себя.

Она оказалась в своей девичьей спальне. Светлая комната, мягкий ковер под босыми ногами. Букет пионов с белыми шарами цветов растопырил резные листья, словно пытаясь удержать равновесие. Карна видела себя в отражении зеркала с кружевной серебряной рамой. Завтра свадьба. Платье висит в углу комнаты. Она меряла его сто раз, и оно было идеальным. Но сейчас на ней другая одежда: белый шелк, тонкие бретельки, слегка впивающиеся в ключицы, трусики с широкой каймой кружев, чулки. В ушах жемчуг, и жемчужные бусы спускаются до ямки пупка. К свадебному платью она повесит их в три ряда, но сейчас ей нравится так.

Сознание Карны забило от ужаса, словно муха в стекло, когда она поняла, что ловец тоже видит ее такой. Где-то там, в другой реальности, она чувствовала горячее дыхание на своих губах, пальцы, обхватившие запястья, и чужое сердце, которое билось все сильнее, ударяя ей в грудь. Но не могла ничего поделать. Как бабочка, приколотая булавкой, которую выставили на потеху, накрыв стеклом. Не могла вырваться, не могла это прекратить...

Отражение погладило выпуклые холмики груди кончиками пальцев, губы сами приоткрылись. Кожа гладкая и теплая. Завтра Эдмон снимет с нее платье и прикоснется к ней. Ему понравится к ней прикасаться. Она погладила грудь и соски проступили через тонкую ткань. Завтра ее будут ласкать мужские руки. Это будет по-другому. Но Эдмон будет нежным, она знала. Они лягут на кровать, и это его руки будут гладить ее грудь, скользить по плоскому животу, все ниже. Он не будет спешить, изучая ее тело. Карна вытянула шпильки, и волосы упали на спину темной волной. Запустила пальцы в пряди, слегка взбивая.

В зеркале была какая-то другая женщина, более взрослая, раскрепощенная, жаждущая любви и готовая к ней. Карна завела руки за спину и растянула бюстгальтер. Отражение одобрительно улыбнулось ей, когда она слегка приподняла и сжала груди. Такие налитые, упругие... Внизу живота сладко зануло, и она, быстро глянув на дверь, закрытую на щеколду, потянула вниз трусики...

И лишь когда женщина в зеркале запрокинула голову, прикрыв глаза от удовольствия, Карна дернулась изо всех сил, возвращаясь в реальность, где ловец тяжело дышал, вжимаясь в нее всем телом, и не оставалось никаких сомнений, что он видел все. До последней детали, отраженной в

зеркале с серебряной рамой.

Карна вырвалась из его рук, толкнула в грудь и, с размаху влепив очередную пощечину, ахнула и схватилась за кисть. Щеки пылали, ее всю колотило, и теперь еще и руку ударила о мерзкую рожу этого...

— Не ушиблась? — нахмурившись, озаботился Рихард. — Эту пощечину я заслужил, согласен.

Он смотрел на нее слегка виновато, но на лице не было ни насмешки, ни осуждения. А когда он прижимался к ней, во время воспоминания, она явственно чувствовала, что все это его возбуждает.

Карна глухо застонала и бросилась вверх по лестнице.

— Карна! — он поспешил за нею. — Ну прости...

— Ненавижу тебя! — выкрикнула она и захлопнула за собой дверь, которая, впрочем, тут же открылась.

Рихард помялся на пороге, но все же шагнул в спальню, а Карна уже вытащила чемодан из-под кровати и быстро бросала в него вещи, лишь фотографию Эдмона положила аккуратно, чтобы не разбить стекло в рамке.

— Карна, — повторил Рихард. — Там же не было ничего предосудительного.

Она шмыгала носом и иногда вытирала щеки ладонями, но когда Рихард сделал еще шаг к ней, выпрямилась, выставив вперед руку, а потом быстро завела ее за спину — так позорно та дрожала. Вся ее выдержка, все воспитание не могло помочь в такой постыдной ситуации.

— Только попробуй сделать еще шаг, — пригрозила Карна. — Ты подлец, Рихард Мор. И нет ничего странного в том, что ты не прошел проверку. И следующую не пройдешь. И мне плевать, что с тобой будет дальше.

Она снова шмыгнула носом и вытерла слезы ладонью.

— Я не должен был смотреть, — согласился Рихард, запустив пальцы себе в волосы.

— Конечно, не должен! — взвилась она.

— Воспоминания имеют окраску. И я думал, там нечто постыдное... Но тебе нечего стыдиться. Ты красивая, чувственная женщина...

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой, — отрезала она, вынимая из шкафа еще несколько вешалок. — Мы договаривались: ты смотришь только те воспоминания, которые я тебе показываю, в противном случае я сразу уезжаю.

Он молча наблюдал за ее сборами.

— А как же Эдмон? — спросил, наконец.

— Я сама помогу ему упокоиться, — ответила Карна. — Спрошу, что ему надо, и сделаю. Тебе не понять.

— Может, и не понять, — пожал он плечами и спрятал руки в карманы. — Ради меня и живого-то никто не станет напрягаться. Что уж говорить про мертвого.

— Вот не надо давить на жалость, — фыркнула Карна. — Уго ради тебя в лепешку разобьется.

— Ну, разве что... — Рихард сделал еще шаг вперед. — Карна, прости. Я так испугался, когда ты исчезла. Ты поступила глупо.

— Это моя жизнь и мои поступки, — заявила она. — Глупо было сюда приезжать.

Выдвинув ящик шкафа, Карна вынула из него охалку белья и положила в чемодан. Взгляд Рихарда против воли метнулся к пене кружева, но Карна быстро прикрыла чемодан. Попыталась застегнуть его, но замок заело, а вещи, накиданные в кучу, торчали по центру горой.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала, — сказал он.

— А я не хочу оставаться, — ответила она, пряча от него глаза.

Вот как после этого с ним общаться? Как смотреть в глаза?

— Ладно, — сказал он. — Раз уж моя грядущая проверка тебя не заботит, и с Эдмоном ты решила разобраться сама, предлагаю тебе еще одну причину, чтобы остаться.

— Нет таких причин, — буркнула она, сражаясь с замком, и засовывая внутрь чемодана выпавший рукав блузки.

— Месть, — произнес Рихард, и Карна вскинула на него глаза. На его щеке, заросшей щетиной, все еще виднелся след от пощечины, волосы взъерошились, а нижняя губа немного припухла от ее укуса. — Ты ведь не могла не связать эти два факта: подселение жрунов в свиристелок и нападение навьей стаи на твоей свадьбе. Если допустить, что кто-то научился целенаправленно подселять навок в животных, то очевидно, что произошедшая трагедия — спланированное покушение.

— Ты об этом знать не знал, — напомнила Карна, — а теперь так уверен?

— Твой отец — Константин Кеза — был советником Великого Князя, — сказал Рихард. — Он многим как кость поперек горла стоял.

— Мой отец служил верно и не боялся говорить правду, — вздернула подбородок Карна.

— И я об этом, — кивнул Рихард. — Ты хочешь найти тех, кто виновен в навьей свадьбе?

— Это произошло год назад, — нахмурилась она. — Улики, если они и были, исчезли, их никак не найти.

— И тут тебе очень пригодился бы человек, который может определить преступника, лишь посмотрев ему в глаза...

Карна оставила чемодан и подошла к окну, повернувшись к Рихарду спиной. Вцепившись пальцами в подоконник, она лихорадочно думала. Отомстить за гибель родных? Найти преступников? Все в ней вспыхнуло от новой цели, озарившей дальнейшую жизнь. Было ли это покушением? Если кто-то сумел подселить навку в лысую свиристелку, то отчего же не допустить, что и трагедия на ее свадьбе — дело чьих-то рук. Конечно, так и было!

— Фифи! — позвала Карна, вспомнив о собачке, и та испуганно выглянула из-под подушки, куда забились, прячась от их воплей, и присвистнула.

— Надо ее выгулять и накормить, — сухо сказала Карна и, взяв собачку, пошла вниз.

Рихард выдохнул и последовал за ней.

Открыв дверь во двор, Карна выпустила Фифи и сама вышла на улицу. Звезды висели так низко и светили так ярко — ничуть не хуже, чем в номере для новобрачных в гостинице «Звездное небо». А луна была огромной, и бок ее лишь слегка стесало тенью.

Рихард гремел дверками шкафчиков где-то на кухне, а потом вышел следом и протянул Карне бокал красного вина. Он вытащил на ступеньку подушку от дивана, сел и похлопал рядом с собой. Карна сделала глоток — вино оказалось неожиданно хорошим — и присела так, чтобы не касаться ловца.

Он молча пил вино, смотрел на звезды и не делал попыток коснуться ее, но она чувствовала тепло его тела.

— Я что, настолько невыносима? — спросила она, крутя в ладонях бокал.

— Есть немного, — согласился он и усмехнулся. — Карна, не ходи к Эдмону одна. Хорошо, мы попытаемся узнать, что ему нужно, но вдвоем. Если с тобой что-то случится, Уго мне не простит.

Карна ткнула его локтем в бок, и Рихард улыбнулся.

— Я, наверное, должна поблагодарить тебя, — произнесла она не слишком уверенно.

— Смотря за что.

— Хотя бы за то, что не выставил меня из города, как хотел того Зейн.

— У него сейчас и других проблем хватает.

— И за то, что бросился спасать меня от Эдмона.

— Если бы ты не удрала, мне бы не пришлось этого делать, — укорил он ее.

— Я взяла пистолет.

— В прошлый раз тебе не слишком-то удалось с ним управиться.

— Я смотрела, как ты стреляешь. Надо взвести курок.

— И снять с предохранителя.

— О, — Карна отпила еще глоток.

— В доме Вилмоса Гроха я успел сделать несколько выстрелов, и лишь потом жрун выбил пистолет. Предохранитель уже был снят, — пояснил Рихард. — Так что если бы Эдмон схватил тебя за горло и потащил за собой в Черву, ты бы ничего не смогла поделать.

— Он бы не стал, — она покачала головой, а потом вдруг громко всхлипнула, еще раз, и Рихард обнял ее, а она уткнулась ему в грудь и разрыдалась. — Он совсем такой как раньше! Те же черты: нос, брови, скулы, даже оспинка на щеке. И совсем другой, понимаешь? У него глаза такие мутные, как грязное стекло. И губы бледные. И еще вода — волосы слиплись, капли на коже...

— Он сказал что-нибудь? — спросил Рихард, глядя ее по волосам.

— Позвал по имени, — ответила она, вытирая слезы и отстраняясь. — Голос тоже не его. Глухой, как будто из-под земли. Он поднял вуаль на моей шляпке и мимоходом коснулся лица, и его пальцы такие холодные...

Она допила вино залпом, и Рихард, глянув на пустой бокал, поднялся и ушел на кухню. Вернулся он очень скоро, с бутылкой вина и тарелкой, где лежал наспех нарубленный сыр. Подлив вино в бокалы, снова сел рядом и обнял Карну, которая успела успокоиться и теперь только изредка шмыгала носом. Она покосилась на его руку, но не оттолкнула — просто не осталось сил на ссоры.

— Как ты собираешься искать виноватых? — спросила она. — Если ты думаешь, что за этим всем кто-то стоит, какой-то человек, убивший моих родных... Что кто-то совершил это целенаправленно...

Ее руки снова задрожали, озноб охватил тело, и Рихард обнял ее крепче, прижав к себе, быстро поцеловал в макушку.

— На ошейнике Фифи были осколки кристалла из кинжала ловца. От этого и будем отталкиваться. Конечно, тела навок с твоей свадьбы давно были уничтожены, и там мы ничего не найдем, — он криво усмехнулся, подлил ей еще вина. — Ирония судьбы: ведь это твой отец закрыл Академию ловцов. Мол, слишком жестокие методы отбора. И в итоге погиб от нави.

— Я и не знала, что отец к этому причастен, — удивилась Карна. — Дома он никогда не обсуждал государственные дела.

— Когда кристалл наполняется, я сдаю его в полицию и получаю новый, пустой, — размышлял Рихард вслух. — А старый отсылают в гильдию для очистки. Преступник имеет доступ к кристаллам. К счастью, или нет, настоящих ловцов осталось совсем мало. Как и кристаллов. Так что эту цепочку можно отследить. И почему бы не начать с Рывни, тем более журуны появились именно здесь. Думаю, мы имеем дело с одним и тем же человеком. Либо же они как-то связаны.

Фифи подбежала к Карне, ткнулась носом в протянутую ладонь и снова исчезла в темноте, потягивая и посвистывая, и разряжая повисшую в их разговоре паузу. Тепло, то ли от вина, то ли от руки, что лежала на ее плече, растеклось по телу, и Карна повернулась к ловцу.

— Можно спросить? — произнесла она, прикусывая губу.

— Что угодно.

— Почему ты так... ну... — она смутилась, отвернулась, пытаясь подобрать слова, — так настойчив.

Рихард хмыкнул, развернулся к ней.

— А то ты не понимаешь.

— Я понимаю, что ты хочешь меня, как мужчина женщину, — ответила Карна, поджимая губы. — Но ты ведь сам говорил, что в физическом смысле я ничем не отличаюсь от шлюхи. Так сходил бы в бордель, если тебе так приперло.

— Карна!

— Что?

Рихард допил вино одним махом и отставил пустой бокал на ступеньку.

— И ты как-то сказал, что это тоже помогло бы тебе пройти проверку, — продолжила Карна. — Так что может быть проще? Пошел бы, снял женщину, или несколько, и готово.

— Ты — другое, — сказал Рихард. — Я хочу именно тебя.

Карна отвела взгляд, чтобы ловец не прочитал в ее глазах иррациональное торжество, охватившее ее после этих слов.

— ...не какое-то тело, не короткое удовольствие... — продолжил он. — Не знаю даже, в чем тут дело. Может, это попытка выместить гнев, потому что так, как ты, меня еще никто не бесил.

Она дернулась, пытаясь высвободиться, но Рихард удержал ее на месте.

— И шлюхи результатам проверки никак не помогут, — продолжил он. — Скорее, напротив. Я знаю, что они пошли бы с любым, кто заплатил. Знаю, что они ничего ко мне не испытывают. Я стараюсь не смотреть в глаза женщинам, когда... ну, вступаю с ними в интимную близость. Слишком много фальши. К тому же при проверке важно, как я сам оцениваю себя.

— Вот как? — нахмурилась Карна.

— Самоуважение, самооценка... Чем бы ни прикрывал свои действия человек, как бы он себя ни оправдывал, ни хвалил, в глубине души каждый все о себе понимает: когда он на высоте, а когда барахтается внизу.

— И как это связано со мной? — Карна взяла кусок сыра, откусила и пытливо посмотрела в глаза ловцу.

— Если бы ты переспала со мной, я бы однозначно считал себя очень крутым, — улыбнувшись, пояснил Рихард.

— Но этого не случится, — отрезала Карна. — Придется тебе повышать самооценку другим способом. Например, начни тренироваться еще активнее. Или заведи себе новое увлечение. Рисование, или вышивка, к примеру. Очень успокаивает. Можно еще помогать бедным и неимущим, — с энтузиазмом предложила она. — Открыть приют для собак. Я давно об этом думала. Люди боятся нави и бродячих собак убивают, но они ведь ни в чем не виноваты!

— Очень воодушевляет, — протянул Рихард с сарказмом, но она не уловила интонации.

— Подумай над этим, — Карна машинально стряхнула с его колена крошку сыра, и ее рука так и

осталась на его бедре. — Богадельни, сиротские приюты, лепрозории — везде будут рады сильным рукам.

— Тебя уже развезло? — уточнил он.

— Я тебе даже завидую, — призналась Карна. Держа в другой руке бокал, она обвела широким жестом дворик ловца, едва не расплескав вино. — У тебя ведь нет ничего. Ни денег, ни семьи, ни каких-то перспектив.

— Да, есть чему позавидовать, — кивнул он.

— Ты совершенно свободен. Ты действуешь, ты живешь. Делаешь этот мир лучше и чище. Не удивительно, что Грета пришла работать именно к тебе.

— Карна, можно теперь я спрошу?

Она нахмурила брови и кивнула.

— Скажи... — он потрогал языком ссадину на губе. — Чисто гипотетически. Есть какой-нибудь вариант развития событий, в котором бы ты осталась со мной?

— Рихард, ты только что сказал, что никто в этом мире не бесит тебя так как я!

— Может, потому, что на большинство людей мне плевать, — предположил он, пожав плечами. — А на тебя, по какой-то причине, нет.

— Просто ты хочешь со мной переспать, — рассудительно пояснила Карна. — И боишься, что я погибну раньше.

— Ну, в таверне «Пьяный голубь» считают, что я сплю с мертвяками, так что... Шучу! Шучу! — быстро выпалил он, когда увидел ее лицо с расширившимися как плоски глазами. — Карна, я не знаю, как принято ухаживать в вашем высшем обществе...

— Сначала надо спросить дозволения отца девушки или, если его нет, то другого мужчины, который несет за нее ответственность, — охотно ответила она. — Потом можно прийти в гости и побеседовать, разумеется, в присутствии компаньонки. Затем разрешается пойти на прогулку, тоже в сопровождении.

— А целоваться когда можно? — тихо спросил Рихард.

Она сглотнула, посмотрела на его губы. Опомнившись, убрала руку с его бедра, но Рихард поймал ее ладонь, поднес к губам и поочередно поцеловал каждый пальчик. Трава шумела, и посвистывала Фифи, выскивая поздних жуков, и звезды светили так ярко... Рихард слегка наклонился к Карне, и сердце ее забилось чаще.

— А целоваться можно после свадьбы, — прошептала она и потянулась к нему сама.

Мягкое касание губ, терпких от вина, теплое дыхание. Горячие руки на ее спине и колкая щетина, царапающая кожу. Рихард остановился первым, немного отстранился.

— Ты поцеловала меня первой.

— Мне захотелось, — признала она.

— По-моему, это переломный момент в наших отношениях, — улыбнулся он. — Ты наконец-то поняла, что тебя тоже влечет ко мне.

— Не может быть отношений, где нет ничего кроме влечения, — возразила Карна, поднимаясь.

— У нас есть совместное дело, — возразил Рихард, тоже выпрямляясь. — А еще твой покойный муж и Фифи.

Собака, услышав свое имя, подбежала к крыльцу и вопросительно уставилась на Карну.

— Я устала и пойду спать.

— Можно я с тобой?

— Нет.

— В высшем обществе для этого тоже нужна компаньонка? Возьмем Фифи.

— Проваливай, Рихард.

— Ты меня поцеловала. Сама!

— Я выпила лишнего, вот и все. Не придавай значения.

— Давай выпьем еще...

Карна фыркнула и пошла вверх по лестнице, а Рихард улыбнулся, глядя ей вслед. Гордая, высокомерная, упрямая... А какой она была в воспоминании... В горле тут же пересохло, и он глотнул прямо из бутылки.

Вернувшись в дом, закрыл двери и налил собаке в плошку воды. Дал кусок сыра, который Фифи тут же благодарно слопала. Пошатавшись по гостиной, сел на диван.

Заметив у дверей оброненную сумочку, он поднял ее, вынул оттуда Гектора и, хмыкнув, пошел по лестнице. Отличный повод, чтобы попасть в спальню к женщине. Лучше бы с цветами, но и череп сойдет.

Постучавшись, он толкнул дверь.

Карна уже спала, свернувшись под одеялом. Луна освещала ее тонкие черты, и видно было и родинку над бровью, и ямочку на подбородке, и нежный изгиб губ. Карна нахмурила брови во сне, и Рихард осторожно разглядел их пальцем, а потом, поставив череп на полку, тихонько вышел.

Карна проснулась от того, что кто-то бесцеремонно потряс ее за плечо. Открыв глаза, она вздрогнула, поморгала. Ей снился какой-то очень приятный сон, и обрывки его еще плавали перед глазами: крепкие плечи, нежное касание губ, светлый шрам, изгибающийся лунным серпом...

— Грета? — пробормотала она, когда зрение сфокусировалось.

— Нет, великая княгиня, — буркнула служанка.

— Чего тебе? — Карна облизала губы и сглотнула. Пить хотелось ужасно, а голова кружилась — то ли от выпитого вчера вина, то ли от невыносимой расцветки платья Греты: розовые круги, оранжевые кляксы... Карна зажмурилась, чтоб не стошнило.

— Там пришел клиент, — сказала служанка. — А это вроде твоя обязанность — принимать посетителей. Я-то с ним поговорила, и он даже не сбежал, так что, похоже, ему действительно что-то надо.

— А Рихард?

— Спит. Разбудить?

— Нет, — Карна села в постели, скинула одеяло и заметила Гектора на полке. Вчера она о нем совсем забыла, и значит, Рихард заходил в ее комнату и видел ее спящей...

— Ты идешь? — нетерпеливо спросила Грета. — Или сказать ему, чтоб шел восвояси?

— Иду-иду, подай ему чаю, — Карна быстро поднялась и распахнула шкаф.

— Еще чай переводить непонятно на кого, — буркнула Грета.

— И мне сделай — попросила она, недоуменно глядя в пустое платяное нутро.

Вспомнив, повернулась к чемодану, наполовину спрятанному под кровать. Найдя серое платье, Карна задумчиво приложила его к груди: скучно, скромно и соответствует ее теперешнему положению. Помешкав, повесила его в шкаф, а сама порылась в чемодане и вытащила блузку, которую Рихард посчитал полупрозрачной.

— Мне ведь не так долго осталось, — пояснила Карна Фифи, которая приподняла мордочку и осоловело уставилась на нее глазками-пуговками. — Потом, в монастыре, придется носить рясу.

Фифи чихнула и присвистнула.

— Так что пока есть шанс, можно и принарядиться, — заявила Карна, выбирая в куче кружевного белья одинаковый комплект.

Через несколько минут она спустилась по лестнице, придерживая длинную юбку одной рукой, чтобы скрыть скомканную ткань. Не надо было бросать вещи в чемодан, но что уж теперь: остается надеяться, что мятая юбка помощницы не слишком повредит репутации ловца.

Посетитель, заметив Карну, привстал и слегка поклонился. Средних лет, плешив, зато русые бакенбарды и усы так и колосятся, на носу темные очки. На столе перед ним остывал чай в маленькой чашке, и было похоже, что гость к нему не притронулся.

— Добрый день, — сказала Карна, пытаясь выглядеть приветливо, не смотря на головную боль и сухость во рту. — Я помощница господина Рихарда Мора.

— А он сам?

— Отдыхает после вчерашних дел, — ответила она. — Что привело вас в такую рань? — спохватившись, переиначила вопрос: — Расскажите о вашей проблеме.

Опустившись на другой конец дивана, Карна вспомнила о блокноте и ручке, забытых в комнате. Смотрелось бы солиднее, но возвращаться за ними не хотелось, как и демонстрировать смятую на спине блузку, так что она понадеялась на память.

— Прошу прощения за столь ранний визит, — произнес мужчина. — Но дело безотлагательное. Меня зовут Оберт Шульц. Я управляющий у одного весьма влиятельного господина, владеющего землями около Рывни, в том числе и особняком по ту сторону Червы.

— Очень приятно, — пробормотала она, услышав знакомую фамилию. — Карна.

— Хозяин приказал проверить особняк на наличие порождений тьмы, — добавил Оберт Шульц и поправил очки.

— Он собирается жить по ту сторону Червы? — нахмурилась Карна.

— Я не осведомлен о его дальнейших планах. Возможно, хочет продать особняк. Или просто захватить в фамильное гнездо, не боясь быть разорванным навью.

Карна покивала, но голова от этого закружилась, и она замерла, боясь лишний раз пошевелиться.

— Значит, вы хотите, чтобы ловец отправился в дом и проверил, все ли там в порядке, — уточнила она.

— Именно, — Оберт Шульц потер ладони — непропорционально крупные и красные, сцепил пальцы в замок. — Господину ловцу наверняка известен этот дом, по левую сторону от серебряного моста. Ошибиться невозможно. Пусть осмотрит там все комнаты и подвал, — голос мужчины слегка сорвался, и он откашлялся. — Особенно подвал.

— Подвал, — повторила Карна. — А почему?

— Пожелание хозяина. Возможно, там что-то произошло. Какая-то семейная трагедия.

— Вы не знаете?

— Нет, — подтвердил господин Шульц.

Карна придирчиво на него посмотрела. Станный он какой-то и нелепый. Лохматые бакенбарды переходили в пышные усы, и гладко выбритый подбородок смотрелся еще более острым и мелким — лучше бы бороду отрастил. Костюм был приличный, но оливковый оттенок придавал посетителю болезненный вид.

— Обычно ловец берет предоплату в половину стоимости заказа — произнесла Карна. — Но я даже не знаю, какую сумму вам назвать, ведь непонятно, что он найдет в доме: может, призрака, а может, и ничего. Но если там на самом деле сидит навка, то и расценки поднимутся, вы понимаете?

— Разумеется, — ответил Оберт Шульц и положил на стол мешочек с монетами. — Вот, тридцать шендеров. Если дом окажется чист, то этого, я надеюсь, хватит.

— А если нет?

— Я вернусь завтра и господин ловец, или его прекрасная помощница, назовут всю сумму, — он натужно улыбнулся и вновь поправил очки, будто Карна могла заглянуть ему в глаза, как Рихард.

— Хорошо, — согласилась она, лишь бы поскорее избавиться от незваного гостя. — Ловец возьмется за ваше дело немедленно, но для начала лишь проведет осмотр дома. А завтра назовет цену.

Оберт Шульц подскочил с места, будто его подбросило пружиной, схватил с вешалки свое пальто и, сбивчиво попрощавшись, выскочил наружу. Перед Карной опустилась чашка чая, и она благодарно ее взяла.

— Дерганый он какой-то, — заметила Грета, садясь на диван и подвигая к себе нетронутую чашку.

— А ты с ним долго общалась? — спросила Карна. — Рассказала о грядущем апокалипсисе и о неминуемой смерти?

— Совсем немного, — ответила служанка. — Обозначила вскользь.

— Вот и причина, — Карна отпила глоток и зажмурилась, чувствуя, как в голове проясняется, а сухость во рту проходит. — А может у него много дел перед приездом хозяина.

— Наверняка ворует потихоньку, — кивнула Грета. — Видела, какие у него грабли?

— Я-то видела, а вот ты...

— И пахло от него страхом, — задумчиво произнесла она.

— От кого? — слышался голос ловца, и сам он спустился по лестнице, на ходу застегивая рубашку. Карна скользнула взглядом по крепкому торсу, покрытому темными волосками, задержалась на шраме. Точно такой же, как и в ее сне...

Рихард подошел к ней и, склонившись так быстро, что Карна не успела отвернуться, поцеловал в щеку.

— Приходил какой-то господин Шульц, — сообщила Грета. — Вы что там, целуетесь? Я слышала звук.

— Это я причмокнул губами, увидев твоё новое платье, — соврал Рихард. — Господин Шульц, значит? Опять? И чего на этот раз он хочет?

— На этот раз приходил настоящий, — буркнула Карна, уткнувшись в чашку и пряча смущение и необъяснимую радость, охватившую её при виде ловца. — У тебя новое дело.

Они отправились за Черву вдвоем. Рихард нес корзинку, которую ему сложила Грета, щедро сопроводив ее упреками и мрачными предсказаниями, а в сумочке Карны, помимо Гектора, теперь лежал и маленький пистолет. Рихард сказал, что научит ее стрелять, но Карна отчего-то надеялась, что это лишь повод остаться вдвоем. А уж удрать от пристального внимания Греты она всегда была рада.

— Я у тебя работаю уже больше трех лет, а ты ни разу не водил меня на пикник, — упрекнула ловца служанка, выглянув из дома. — А ведь я очень хорошо работаю и даже отчистила берет Уго.

— Я дал тебе прибавку, — напомнил Рихард. — Приготовь что-нибудь на ужин.

— Вот ее ты целуешь, пусть она тебе и готовит, — ответила Грета и захлопнула дверь. Потом снова открыла ее и крикнула вслед: — Будьте осторожны! Тучи сгущаются, и темные времена наступят...

— Мы вернемся засветло, — пообещал Рихард и прибавил шаг, так что Карна, которая держала его под локоть, едва не побежала.

Однако когда они вышли к набережной, ловец пошел медленнее, с явным наслаждением подставляя лицо солнцу, расщедрившемуся на тепло. Река сегодня выглядела непривычно спокойно и радостно: солнечные зайчики плясали по темной воде, лениво плыли красные листья, а воробьиная стайка устроила галдеж у небольшой запруды. Карна откинула вуаль у шляпки и, прищурившись, всмотрелась вдаль.

— О нет! — вырвалось у нее.

— Кто там? Эдмон? — встревожился Рихард.

— Хуже! — выпалила она. — Уго!

Красное пальто оборотня выделялось на улице ярким пятном, и Карна, застонав, сжала локоть ловца сильнее.

— Пожалуйста, скажи, что он не пойдет с нами, — взмолилась она.

— Нам ведь нужна компаньонка, — напомнил Рихард, насмешливо глянув на нее. — Он присмотрит, чтобы я вел себя прилично.

— Рихард, очень тебя прошу, только без Уго и без его овощных комплиментов!

— Ладно, — благодушно согласился Рихард.

— Ты, надеюсь, поговорил с ним? — спросила она. — Объяснил, что свадьбы не будет?

— Нет, — сказал Рихард. — У меня другая тактика. Я хочу сделать так, чтобы он сам отказался от идеи жениться на тебе.

Карна закатила глаза и снова застонала.

— Поверь, это куда проще, — уверил ее ловец. — Если он почует, что между вами какие-то преграды, то еще, чего доброго, украдет тебя и утащит под дуб. А этого никто из нас не хочет.

Карна потерянно кивнула.

— И как твои успехи? — спросила она.

— Ну, я попытался соблазнить его Мирабеллой Свон. Так сказать, сбить ориентир. Но он не очаровался ею настолько, чтобы забыть тебя, извини.

Карна пожала плечиком, то ли с сожалением, то ли с неуместной гордыней.

— А еще я сказал ему, что ты девственница, и он был очень разочарован.

Карна вспыхнула и остановилась как вкопанная.

— Да как ты... Почему?

— Что — почему? — спросил Рихард, тоже остановившись и повернувшись к ней.

— Почему разочарован? Разве каждый мужчина не хочет стать первым? Единственным? — она быстро опустила вуаль на шляпке, чтобы скрыть румянец, вспыхнувший на щеках.

— Уго не хочет, — ответил Рихард и, взяв ладонь Карны и положив себе на локоть, пошел дальше. — Ему нравятся опытные женщины.

— А тебе? — выпалила Карна и прикусила губу, жалея о сорвавшемся вопросе.

— А мне нравишься ты, — улыбнулся он. — И я тоже не хочу, чтобы он шел с нами. У меня большие планы на этот пикник. Уго! — воскликнул он, подойдя ближе к кабану. — Как раз надеялся тебя увидеть. Гляди, что у меня есть.

Жестом фокусника вытащив из корзинки берет, он помахал им в воздухе.

— Мой берет! — обрадовался Уго и просиял клыкастой улыбкой. — Я уж думал, тот пьянчужка сожрал его! Целехонький! — он покрутил берет в руках, понюхал и, довольный, напялил его на макушку, прикрыв рыжую щетину. — Карна, — произнес он тоном опытного соблазнителя, пророкотав букву «р» как паровоз. — Мой нежный кабачок... Куда это вы направляетесь? И что там так вкусно пахнет в корзинке?

Подняв салфетку, он бесцеремонно вытащил оттуда бутерброд и разинул рот.

— Ветчина из свинины, — сказал Рихард.

Челюсть Уго захлопнулась, а сам он отбросил бутерброд назад в корзинку и вытер руки о штаны.

— У меня дело на той стороне реки, — продолжил ловец как ни в чем ни бывало. — Хочу заодно поучить Карну стрелять. Дорога длинная, вот Грета и собрала подкрепиться. Хочешь с нами?

— Нет, — быстро отказался побледневший оборотень. — Я очень занят. Сегодня полнолуние, мне надо в участок. Бывай.

Он стремительно перешел на другую сторону улицы и едва не бегом припустил прочь.

— Это было просто, — заметила Карна, улыбнувшись Рихарду.

— Но, вообще-то, это индейка, — добавил он. — Пошли?

Серебряный мост оказался сделанным из потемневших досок, между которыми виднелась черная вода, но кусок перил выглядел светлым, как и несколько досок, набитых сверху.

— По нему шахтеры добираются на работу, — пояснил Рихард. — Потому и серебряный.

Они спустились на другой берег Червы и повернули налево — на едва заметную тропку. А накатанная и утоптанная дорога шла вправо — к серым скалам, над которыми курились едва заметные ленты дыма. Крыша особняка, о котором говорил Оберт Шульц, показалась за красными кронами, но Рихард остановился и, сняв пальто, расстелил его на траву.

— Прошу, — сказал он, поставив корзинку на траву, и потянулся.

— Может, лучше сначала сходить и посмотреть, что там в доме? — неуверенно предложила Карна, оглядываясь по сторонам.

Место, выбранное ловцом, ей понравилось. Отсюда открывался чудесный вид на Черву, и город, отделенный рекой, издали выглядел чистым и умытым: окна домов отражали солнечные лучи, и жестяные крыши блестели, и даже люди, прогуливающиеся по набережной, казались наряднее. А красный лес, подступающий сзади, оставался на приличном расстоянии, но так и притягивал взгляд. Отчего-то ей вспомнился рассказ Уго о раненом поросенке, который лежит где-то там, в глубине леса, и страдает от отравленного копыя. Ветер качнул стволы, и ей почудился стон...

Ловец сел прямо на траву и нетерпеливо потянул Карну за руку, заставляя ее опуститься рядом с собой.

— Ты сказала, что я не умею получать удовольствие от жизни, — напомнил он. — Наверное, надо было взять с собой Фифи. Не хватает щеночка.

— Рихард... — чтобы скрыть смущение, Карна принялась выкладывать не особенно щедрое содержимое корзинки: бутерброды, пара яблок, бутылка с чаем. — Я много тебе наговорила не того, что следует. Я даже не могу представить, через что тебе пришлось пройти, и с моей стороны было грубо и бестактно...

— Перестань, — отмахнулся он и повернулся к ней. — Грубость и бестактность — это про меня. К тому же все так и есть. Я вижу тьму и невольно переношу это и в обычную жизнь. Когда погружаюсь в чужие воспоминания, то грязь и прегрешения заслоняют доброе. Но с тобой все иначе.

— Давай я покажу тебе этого Шульца, — предложила Карна. — Знаешь, он был какой-то нервный. Может, его Грета запугала...

Рихард снял ее шляпку и аккуратно отложил в сторону, обхватил шею Карны ладонью, погладил, запустив пальцы в волосы на затылке, и приблизил лицо. Черные глаза оказались совсем рядом: манящие, глубокие. Почему она раньше думала, что они непроницаемые? Они ведь такие живые и яркие...

— Подожди, — заволновалась Карна, облизнув губы. — Мне надо сосредоточиться. Так, нужна деталь. У господина Шульца были такие усищи, будто приклеенные...

— В Черву Шульца, — пробормотал Рихард и поцеловал ее, увлекая на траву.

Он целовал ее так нежно и касался так бережно, что Карна растаяла под его ласками, как мороженое на солнце. Она целовала его в ответ, и пропускала между пальцами жесткие пряди волос, и хватала ртом воздух, когда он покрывал поцелуями ее шею.

Рихард отстранился совсем немного, все так же прижимая ее своим телом и опираясь на локти, и посмотрел в глаза.

— В твоих глазах отражается небо, — прошептал он. — Или наоборот: небо — лишь отражение твоих глаз.

— А в твоих глазах — тьма, — тихо ответила она. Рихард помрачнел и чуть сдвинулся в сторону, но Карна удержала его за шею. — Что будет с нами дальше, Рихард?

— Сейчас я планирую поцеловать тебя еще раз, — сказал он. — Карна, твои губы слаще земляники.

— А потом? Не сегодня, а вообще? — настойчиво спросила она, пытливо вглядываясь в его лицо. — Что значат твои поцелуи и этот пикник?

Рихард посмотрел на ее губы и, склонившись, слегка их лизнул, раздвигая языком.

— То, что сегодня выдался на редкость погожий день, а рядом со мной — красивая женщина. Нельзя упускать такую возможность, — пробормотал он.

Карна оттолкнула его ладонями в грудь и села. Взяв бутерброд салфеткой, откусила и стала жевать, глядя на реку.

— Постой, — Рихард приподнялся и сел рядом с ней. — На что ты намекаешь? Планы, будущее, что значат поцелуи... Ты что же, ждешь от меня предложения?

— Ничего я от тебя не жду! — фыркнула Карна. — Еще чего не хватало. Я — Каролина Кеза, а ты... — она смерила его негодующим взглядом.

— А ведь Грета предупреждала, — хмыкнул он.

— О чем это? — прищурилась Карна.

— На таких, как ты, женятся, — ответил Рихард и лег на траву, закинув руки за голову. — Но с моей стороны это было бы подло.

— Почему «подло»? — поинтересовалась она.

— Потому что ты слишком молода, чтобы становиться вдовой второй раз, — флегматично ответил он, разглядывая легкие облака, плывущие по небу. — А это бы случилось.

Карна дожевала бутерброд и взяла бутылку с чаем. Тщетно поискав в корзинке кружки, вытерла горлышко салфеткой и осторожно сделала глоток.

— К тому же ты была бы ужасной женой, — добавил Рихард, и Карна поперхнулась чаем и закашлялась. — Да-да, я помню твои рассказы, якобы ты была прекрасной женой Эдмону. Целых двадцать минут, или сколько там вы были женаты, — он повернулся на бок, глядя на нее, вытирающую капли чая, попавшие на юбку. — Ты бы пилила меня и пыталась облагородить, а я бы сопротивлялся и учил тебя плохому. Но это было бы интересно и совершенно точно не скучно. Правда в том, что ты, в глубине своей чистой души, та еще авантюристка. И очень горячая штучка. Бедняга Эдмон знать не знал, что берет в жены пороховую бочку.

— Он знал меня лучше, чем кто-либо еще! — сердито возразила Карна, пряча испачканную салфетку в корзинку.

— И поэтому тебе пришлось самой класть его руки себе на грудь там, в библиотеке, — насмешливо покивал он.

— И это — благородное поведение мужчины! — вспыхнула она. — Он защищал меня от моих же порывов. Он берег мою честь!

— А может, правильнее было бы позволить тебе быть собой? — предположил Рихард, глянув на нее. — А не запихивать в рамки.

— Разумеется, тебе рамки ни к чему, — сказала Карна, закупоривая бутылку с чаем. — Ты хочешь сделать меня своей любовницей.

— Очень хочу, — подтвердил Рихард, прикусывая травинку и снова откидываясь на спину. — С самого первого момента, как тебя увидел. Но если тебе так уж нужен официальный статус жены для того, чтобы потерять девственность, то я готов.

— Нет, — сказала Карна.

— Готов, точно говорю! Будку я тебе строить не буду, Фифи все равно спит на кровати. Но пойти и сказать «да» перед алтарем, так и быть, могу.

— Нет, я не выйду за тебя, — с удовольствием пояснила Карна.

— Ну и прекрасно, — улыбнулся он. — Теперь совесть моя чиста. Я сделал тебе предложение, ты отказалась.

Карна открыла сумочку и вынула оттуда пистолет.

— Снять предохранитель, — пробормотала она, — взвести курок...

Рихард быстро вскочил и отвел дуло пистолета, направленное в его сторону.

— Давай все же выберем другую мишень, — предложил он, помогая Карне подняться. Окинув взглядом опушку красного леса, указал на высохшее дерево, стоящее слегка впереди. — Целюсь в него.

— Куда именно? — спросила Карна, водя пистолетом. — Оно большое!

— В ствол, пониже развилки, — Рихард встал позади нее, обнял и накрыл ее руки своими ладонями. — Ноги расставь шире, найди упор.

— Не прижимайся так ко мне, — сердито приказала она.

Но Рихард лишь склонился ниже и, прикусив мочку ее уха, прошептал:

— Можем расписаться в городской ратуше уже сегодня.

— Рихард, я не... — она стремительно обернулась, курок под пальцем дернулся, и пистолет выстрелил куда-то вверх.

— Нет так нет, — проворчал он, снова опуская дуло, направленное на него. — Устроили бы брачную ночь по всем правилам. Я думал, может, для тебя это важно.

Карна напряженно смотрела на него, кусая губы. Рихард насмешничал, но глаза его, темные, как самая поздняя ночь, оставались серьезными.

Она врала себе достаточно долго, но сейчас устала. Хватит! Да, как раньше не будет. Эдмон мертв, родители тоже погибли, и прозвище «навья невеста» приклеилось к ней навсегда. В высшем обществе помнят даже мелкие происшествия, а уж фотографии из отеля «Звездное небо» были во всех газетах и журналах.

Но мужчине, который сейчас обнимает ее, — все равно. Вряд ли он ее любит, но она ему точно не безразлична. Он пытается заботиться о ней, как может, и защищает от нави и ее, и весь мир. А главное — у нее тоже есть к нему чувства. Пусть это лишь страсть, но целый год она была уверена, что кроме горя и тоски не сможет больше испытать ничего.

Статус вдовы подразумевает, что она не девственна. Хранить невинность для следующего мужа, которого может и не быть? Или для монастыря?

Карна повернулась к красному лесу и взвела курок снова. Пуля просвистела мимо дерева, даже не чиркнув о сухую кору.

Рихард снова обнял ее, и она слегка откинулась назад, опираясь на крепкую мужскую грудь.

— Смотри в прицел, левый глаз закрой, нажимай на выдохе, — произнес он.

Она выстрелила еще раз, и пуля впилась в ствол. Карна довольно рассмеялась и, выдохнув, расстреляла всю обойму.

— Неплохо, — Рихард отпустил ее ладони и пошел к дереву.

Опустив пистолет, Карна смотрела вслед ловцу. Он двигался уверенно и спокойно, и его черный силуэт казался еще темнее на фоне красного леса. Облака стремительно неслись по небу, а земля будто уснула, разомлев под солнцем.

— Четыре из шести! — выкрикнул Рихард, подойдя к дереву. — Погляди, две попали в одно место!

Карна медленно пошла к нему.

Ловец переменял что-то глубоко у нее внутри. Может, его слова о том, что она не такая, какой считала себя всю жизнь, в самом деле правда? А может его поцелуи и ласки, далеко переходящие все приличия, разбудили в ней то, что должно было оставаться скрытым всю жизнь? Он была бы счастлива с Эдмоном. Это было бы спокойное светлое счастье, ничуть не похожее на те бурные эмоции, которые вызывал у нее ловец.

Будто нарочно Рихард снял рубашку, повесил ее на сук, а сам, подпрыгнув, ухватился обеими руками за ветку и стал подтягиваться — быстро и ритмично, будто это не составляло для него никакого труда. Мышцы на его спине выделились четче, и Карна поймала себя на желании прикоснуться к ним, погладить, снова ощутить на себе тяжесть его тела. Он целовал ее так, как никогда не делал Эдмон. Он видел все ее тайные желания, но это его нисколько не отвращало, напротив...

Может, с ним она тоже была бы счастлива? Совсем по-другому, конечно.

Она остановилась возле сухого дерева, где остались вмятины от пуль.

Рихард разжал ладони и спрыгнул.

— Рисуешься? — спросила она и провела пальцем по светлomu шраму, изгибающемуся под его сердцем.

— Поддерживаю себя в форме, — ответил он. — Слабый ловец — мертвый ловец.

Карна шагнула к нему ближе и, обняв за шею и привстав на цыпочки, поцеловала. Ее ладони скользнули по широким плечам, царапнули крепкую грудь, ощутив колкие волоски. В одном он точно оказался прав: монастырь — не для нее. Сейчас — нет. Она сойдет с ума, если так и не узнает, каким Рихард окажется любовником. Иногда он пугал ее своим пылом, но сейчас будто переменялся и стал гораздо нежнее, хотя она чувствовала едва сдерживаемую страсть — в его глазах, прикосновениях, поцелуях...

Он отстранился, посмотрел ей в глаза, и Карна, почувствовав уже знакомое парение, мысленно ответила на невысказанный вопрос. Не нужна ей ни роспись в ратуше Рывни, ни следование условностям, ничего. Кроме мужчины, от поцелуев которого она вспыхивает, как свечка.

Глаза ловца слегка расширились, а брови приподнялись, когда он понял, что она согласна. Забрав у нее пистолет и быстро накинув рубашку, он схватил ее за руку и потащил к серебряному мосту, у которого от серебра было лишь название.

— Подожди! — воскликнула Карна. — А Шульц?

— Вот же... — Рихард проглотил ругательство, запустил руку в волосы, а потом обнял Карну и поцеловал так жадно, что у нее подкосились ноги. — Карна, ты не передумаешь?

Покраснев, она покачала головой.

— Так, жди меня тут, — приказал он. — Или нет, пойдем со мной, мало ли кто тут может шляться.

Он сгреб свое пальто с земли и встряхнул его, так что сухие травинки взметнулись в воздухе, а Карна отвела взгляд, чувствуя себя до ужаса неловко. Рихард подал ей шляпку, и она, надев ее, с облегчением опустила вуаль.

Красный лес медленно переваривал особняк, судьбой которого озаботился Оберт Шульц: молодая поросль деревьев пробивалась между мраморными плитами ступеней, растопыривая ярко-алые листочки, вьющиеся плети цветов опутали некогда прекрасные статуи дев, стыдливо прикрывающих прелести узкими ладонями. Вокруг было тихо, и Карна осознала, что идет на цыпочках. Но сухой ковер листьев предательски шуршал при каждом ее шаге.

Потрескавшиеся стены дома зияли пустыми глазницами окон, из которых то там, то сям выглядывали красные ветки, а под крышей над главным входом висело осиное гнездо, в котором, к счастью, не угадывалось признаков жизни.

— И зачем, говоришь, этому Шульцу понадобился дом? — спросил ловец, остановившись напротив крыльца, ступени которого покосились и съехали.

— Он сам толком не знает, — ответила Карна, чувствуя облегчение от того, что их беседа свернула со щекотливой темы. — Он управляющий, а хозяин дома кто-то другой.

— Шульц не назвал имя?

— Нет. Возможно, хозяин решил продать эти земли, или просто хочет навестить бывшее фамильное гнездо.

Ловец поднял сухой сук и потыкал им в старое осиное гнездо. Оттуда высыпалась какая-то труха и несколько мертвых насекомых.

— Еще Оберт Шульц особо попросил проверить подвал, — спохватилась Карна.

Рихард кивнул и шагнул к ней, поставил корзинку с остатками снеди на край разбитого фонтана, дно которого выстелила жухлая трава.

— Поцелуй на удачу? — спросил он.

— Мы и так достаточно нацеловались, — отвернулась она, сердясь и на себя, и на Рихарда.

Сейчас ее согласие казалось ей постыдным и глупым. Она знает ловца всего-то неделю. Если бы мама была жива... А что бы сказал отец? А Эдмон?.. Лучше вообще об этом не думать. А Рихард ведет себя как ни в чем ни бывало. Разумеется, для него в этом нет ничего особенного. Он и по именам-то своих женщин не помнит.

Рихард откинул ее вуаль и, склонившись, осторожно прикоснулся губами к губам. Пытливо заглянул в глаза.

— Это много значит для меня, — сказал он.

— Иди уже, — буркнула Карна, отворачиваясь, но Рихард обхватил ее шею обеими ладонями, приподнял подбородок большими пальцами и поцеловал по-настоящему: глубоко и обстоятельно, бесстыдно проникая в ее рот языком.

— Вот теперь мне точно повезет, — улыбнулся он, отстранившись, и, повернувшись к дому, прищурился. — Никаких следов нави. Думаю, много времени это не займет. Начну со второго этажа.

Карна перевела дух и облизнула губы, оперлась о край фонтана, чтобы не упасть. Сомнения канули в Черву, и теперь она сердилась на Шульца и опять на ловца — за то, что послушался ее и решил сперва закончить дело.

Рихард вынул со дна корзинки коробку с патронами, ловко зарядил пистолет и подал его Карне.

— Постреляй пока, — предложил он. — Странно все же, что хозяину Шульца понадобились эти развалины. Никто не купит тут землю: здесь теперь красный лес. Серебряная жила пролегает куда дальше, а все, что было ценного в доме, давно украдено или испорчено.

Перепрыгнув ступеньки, Рихард толкнул дверь, и та заскрипела протяжно и тоскливо. Нехорошее предчувствие царянуло сердце Карны, но ловец уже исчез в обветшалом особняке.

Переместив ручку сумочки на сгиб локтя, Карна медленно пошла по едва угадывающейся дорожке. Тут когда-то был сад: розы давно выродились в шиповник, который ухватил Карну колючей веткой за юбку. Отцепив шипы, Карна обернулась. Было так тихо, словно Рихард исчез навсегда. Но вот в глубине дома что-то гроыхнуло, хрустнуло, и из окна появился ловец.

— Тут паук размером с котенка, — радостно сообщил он. — И такой же пушистый. Хочешь посмотреть?

Карна передернула плечами и быстро пошла прочь по тропинке.

В зарослях шиповника показался белый мраморный лик, слепо глядящий в небо и напомнимый Грету. Карна обошла статую и наткнулась на другую дорожку, в конце которой виднелись колонны. Вдруг рядом с ней что-то хрустнуло, зашумело, и Карна, вскрикнув, отшатнулась. Нога ее неловко подвернулась, и Карна упала в красные листья, торопливо выставила перед собой пистолет. Мелькнул пятнистый бок, короткие рожки, и олень умчался куда-то в глубь леса.

Карна, тяжело дыша, прижала руку к груди, опомнившись, отодвинула пистолет подальше. Хорошо, что она забыла про предохранитель. Олень точно ни в чем не виноват.

Поднявшись, она отряхнула листья, приставшие к юбке, наступила на ногу — не болит. Сердито глянула на гладкий камень, на котором она поскользнулась, а потом посмотрела на него пристальнее. Раньше она бы прошла мимо. Но когда рядом с изголовьем кровати стоит череп, то волей-неволей запоминаешь, как выглядят его изгибы и впадинки. Присев, Карна сдвинула в сторону плотный слой красных листьев и посмотрела в пустые глазницы. Череп был крупнее, чем Гектор, и зубы у него были куда хуже.

Быстро выпрямившись, Карна пошла к дому, пугливо озираясь по сторонам. Зацепившись об очередную колючую ветку, рванула юбку, не заботясь о том, что ткань безнадежно испортится.

— Рихард! — выкрикнула она, но дом ответил ей тишиной.

Осторожно поднявшись по изломанным ступенькам, Карна обогнула осиное гнездо и вошла в темный холл. Поправив вуаль, постояла немного, осматривая бывшее величие: на второй этаж вела мраморная лестница, распадающаяся на два пролета, у стен валялись черепки, на которых вился синий орнамент, паркет встал дыбом, выпуская тонкие стволы деревьев. К стене справа был прислонен треугольный осколок зеркала, в котором Карна увидела свое отражение, будто бы светящееся во мраке. Она покусала губы, чтобы придать им яркости, поправила выбившуюся прядь.

— Рихард! — выкрикнула Карна снова и открыла сумочку, чтобы спрятать туда пистолет.

Свет, рванувшийся изнутри, затопил весь холл, и огромный мотылек, сорвавшись с остатков гардины, подлетел к сумочке и закружился над Гектором, который сиял как упавшая звезда.

Пол под ногами вдруг содрогнулся, по и без того изломанному паркету побежали трещины, и Карна услышала голос ловца:

— Беги!

Он слишком поздно понял, что это ловушка. Уже задним умом осознал, что на засове, закрывающем дверь в подвал, не было пыли. Металлическая дверь, утопленная в полу, выглядела старой, но царапины по ней распределялись подозрительно равномерно. С дверями так не происходит: остаются вмятины у ручки, следы от постоянного прикосновения потных ладоней, середина же обычно выглядит куда новее, и у петель тоже.

Но в тот момент он думал о Карне, ее сладких губах и нежной коже, об упругой груди и тонкой талии, и о том, как она тихо стонет, и как твердеют ее соски, когда он ласкает ее. А еще о том, что она надела кружевное белье и блузку, о которой он сказал, что она полупрозрачная. И, выходя, сделала это специально. О том, что он увидел в ее глазах, он старался не думать, потому что кровь сразу вскипала и хотелось повалить Карну прямо на красные листья. Она хотела его, и больше этого не скрывала. Желание горело в ее глазах ярко и отчетливо, хотя она, конечно, стеснялась и по-прежнему колебалась.

Он сотрет все страхи из ее глаз, дождетя момента, когда она расплавится в его объятиях, забыв о всех сомнениях. Он будет смотреть ей в глаза, погружаясь и в ее тело, и в ощущения, и это будет восхитительно.

Представляя, какой прекрасной будет эта ночь, Рихард сдвинул засов — слишком чистый, потянул на себя дверь — открывшуюся легко и без скрипа, и шагнул на ступеньки, ведущие вниз. Спасли его инстинкты. Он вынул кинжал еще до того, как понял, зачем это сделал. Может, из-за холода, обжегшего его руки, когда он двигал засов, или сработала интуиция ловца. Он умер еще до рождения, кому же еще чужая смерть?

Запах тухлого мяса шибанул в ноздри, смешиваясь с навью вонью, и он рефлекторно сжал рукоятку кинжала крепче, направив его во мрак. Первая навка напоролась на острие сама. Щелкнула зубами, мелкими и тонкими, как иголки, у лица и обдала тьмой из глаз.

— Ловец, — услышал он уже знакомый голос. — Ты пришел.

А потом что-то холодное обвилось вокруг его ноги и рвануло в подвал, так что он рухнул и проехал спиной по ступенькам.

Остались лишь рефлексы и приемы, отработанные годами тренировок. Не останавливаться ни на мгновение. Все время перемещаться. Быстро. Еще быстрее. Оружием может стать собственное тело. Ребро ладони, колени, голова.

А против него лапы, щупальца, клыки... Глаза, из которых сочится тьма.

Он бил, не щадя ни себя, ни навь, и твари на мгновение отступили, даря передышку.

Рихард боднул лбом навку, бросившуюся на него из тьмы, и, кажется, выбил той несколько клыков, но и у него самого поплыло перед глазами. Отсек кинжалом щупальце, от которого ногу жгло как огнем, и кинулся к белеющему остову скелета животного.

Схватив бедренную кость, принадлежащую раньше корове, отмахнулся от навки, кинувшейся на него из тьмы. Она отлетела, шмякнулась о стену и сползла вниз, но тут же вскочила на четыре лапы. Раньше она была котом. Скверно. Навка редко вселяется в кошек. В академии их учили, что у кошачьих слишком сильный дух, который сопротивляется тьме. Но если уж подселение происходит, то получают самые ловкие твари.

Существо, бывшее когда-то котом, зашипело на ловца, показав загнутые клыки, присело на передние лапы, когти на которых не втягивались в подушечки, и забило хвостом, с которого ключьями облезла шерсть. Ногу снова обвило что-то мерзкое, и ловец, присев, отсек очередное щупальце и метнулся в сторону, уходя от летящей на него навки с растопыренными когтями.

Кот ловко оттолкнулся от стены и прыгнул на Рихарда сзади, вцепившись в пальто когтями, пронзая его насквозь.

— На этот раз ты проиграл, ловец, — услышал он голос в своей голове, а потом шершавый словно наждак язык прошелся по его шее и затылку, и кот поерзал, вжимаясь в него сильнее.

— Ах ты поганая тварь, — выругался ловец и ударился спиной о стену так, что с потолка посыпался песок. Покатился по полу, пытаясь сбросить с себя навку, которая раздирала пальто и одежду когтями, полосуюя заодно и кожу, и ерзала по спине. Рихард ударил кинжалом назад, и острие погрузилось в плоть. Из тьмы, разевая пасть, рванулась еще одна тварь, и он быстро повернулся спиной, подставляя под удар прицепившегося друча.

— Рихард! — послышалось сверху, а мелкая навка, которую он толком не успел рассмотреть, юркнула в светлый прямоугольник дверного проема.

— Беги! — закричал он что было сил и, снова приложившись спиной о стену, содрал с себя кота. На то, чтобы всматриваться в его глаза, не было времени, так что он просто шмякнул его о стену и молниеносно вонзил кинжал в грудь. Это его не убьет, но какую-то передышку даст — позволит удрать от навки, которая выстрелила щупальцем ему по левому боку, обжигая присосками, и догнать ту тварь, что кинулась к Карне.

Яркий свет ослепил даже его, что уж говорить о нави, которая взревела и кинулась в дальний конец подвала, прячась за старыми ящиками, нагромождением хлама и начисто обглоданным скелетом коровы.

Карна появилась в проходе. В левой руке у нее был Гектор, а в правой — пистолет.

— Пригнись, — сказала она и, зажмурившись, выстрелила куда-то в подвал.

Рихард вскарабкался вверх по ступенькам на корточках, как обезьяна.

— Я говорил закрывать левый глаз, а не оба, — пожурил он ее и, быстро захлопнув дверь в подвал, задвинул засов.

Изнутри что-то бухнуло, так что дверь выгнулась наружу.

— А когда я говорю «беги», это значит — беги отсюда, — добавил он, скидывая подранное пальто и закатывая рукава рубашки.

— Указывай направление точнее, — отрезала Карна. — Рихард, ты весь в крови. А твоя спина...

Она всхлипнула и прижала руку ко рту, но потом собралась, прикусила нижнюю губу и аккуратно вынула изо рта ловца застрявший там изогнутый зуб.

— До свадьбы заживет, — подмигнул ей Рихард и опустился на колени. Дверь снова вздрогнула от удара, и засов лязгнул в скобах.

Рихард вытер ладонью оцарапанный лоб и принялся рисовать кровью на двери. Карна с замиранием сердца следила за линиями, вырастающими из-под ладони ловца. Толстый ствол, расходящийся ветками, вырос на половину двери, и когда Рихард провел последнюю черточку, то кровавый знак вдруг вспыхнул, и навь в подвале взвыла.

— Что это? — изумленно спросила Карна.

— А ты думала, меня в Академии ничему не учили? — ответил он вопросом на вопрос, поднимаясь с пола. Знак на двери мерцал, источая ровное красноватое сияние. — Карна, ты только сейчас не дергайся и не смотри вверх...

Она тут же задрала голову и, взвизгнув, прижалась к ловцу.

Удравшая из подвала навка висела на разбитой люстре, обвив ее лысым хвостом, и с наслаждением облизывала застежку в виде цветка на сумочке Карны. Густая капля слюны сорвалась с длинного языка, покрытого наростами, и шлепнулась на пол.

— Моя сумочка! — воскликнула Карна, вскинув руку вверх. Тварь, выросшая, как видно, из крысы, ощерилась и, обхватив сумку передними лапами, прижала ее к груди. — Впрочем, оставь себе...

Рихард забрал у Карны пистолет и, оттолкнув ее себе за спину, быстро выстрелил. Навка, взвизгнув, упала и шустро поковыляла прочь, прихрамывая и унося с собой полюбившуюся сумку. Лысый хвост волочился следом, размазывая кляксы черной крови, сочащейся из раны.

Рихард в два прыжка догнал навку и наступил ей на спину, придавив к полу ногой. Он вонзил кинжал чуть левее тощего хребта, и тварь запищала, заерзала, а черная жижа растеклась из-под нее смердящей лужей.

Подковырнув навку носком ботинка, Рихард склонился и вонзил кинжал ей в грудь, пробив заодно и сумочку.

— Я вижу тебя, — сказал он, и тьма в глазах твари угасла.

Навка прижала к себе сумочку в последний раз, а потом лапы ее расслабились. Черная лужа расплылась шире, оставляя в центре тушку крупной крысы и безнадежно испорченную сумку.

Рихард вопросительно посмотрел на Карну, но та брезгливо скривилась и покачала головой.

Оставив сумочку, ловец склонился и подцепил кончиком кинжала черную ленту на шее крысы. Разрезав, выудил ленту из лужи и поднес к глазам.

— Знакомый почерк, — задумчиво сказал он, разглядывая осколок кристалла, закрепленный на ткани.

— Это был хвач? — спросила Карна, и Рихард кивнул.

— Пошли, — сказал он, бросив ленту назад на крысу. — Знак удержит их на пару часов, не больше. Я вернусь сюда с сеткой, серебряные пули тоже не помешают, и возьму меч побольше для дрюча. Паскуда такая, всю спину мне исцарапал. Лизнул еще...

Он поморщился, брезгливо вытер шею, а потом пошатнулся, и Карна быстро подставила ему плечо.

— Рихард, куда ты пойдешь в таком состоянии? — встревожилась она. — Ты истекаешь кровью!

Они зашагали прочь из дома, и Рихард обвел взглядом пустые комнаты с разбитыми окнами. Навью даже не пахло. Животных привели в подвал, нацепили на них ошейники с осколками кристалла и кинули тушу коровы, чтоб было что жрать. А потом вызвали ловца осмотреть дом. Это было покушение. Вот только неудавшийся убийца слишком поторопился — навь еще не вошла в полную силу, к тому же не рассчитал, что одна из навок окажется хвачом, которого больше заинтересует сумочка, да и дрюч захочет другого...

Передернув плечами, Рихард пошел быстрее, уводя из дома Карну. Позже он посмотрит, что это был за Шульц, и узнает, кто за всем этим стоит, и поймет, отчего навь снова заговорила с ним. Сейчас же ему прежде всего хотелось увести Карну в безопасное место.

Уже у серебряного моста Карна, встрепенувшись, остановилась, придерживав ловца за локоть.

— Рихард! — воскликнула она. — Я совсем забыла!

— Корзинка, — кивнул он. — Я тоже о ней подумал. Надо будет забрать, а то Грета мне плешь проест.

— Да нет же! — рассердилась Карна. — Я нашла череп, там, у дома.

— Посмотрю, когда вернусь, — нахмурился Рихард и обхватил ее запястье. — Покажи место.

Он нырнул в синие глаза и увидел заросшую тропинку между кустами шиповника, статую с обращенным к небу лицом и череп с плохими зубами.

— Понял, — кивнул Рихард. — Скажи, Карна, почему ты пошла за мной? Ты должна бояться навь как никто другой. Почему не сбежала?

— С тобой я ее не боюсь, — ответила она, и Рихарду нестерпимо захотелось поцеловать ямочку на ее гордо вздернутом подбородке. — Тебе понадобится помощь. Зарядишь мне пистолет серебром...

— Ты останешься дома, — заявил он. — Это не обсуждается. Дверь никому не открывать, от Гектора не отходить.

Карна насупилась и, слегка отстранившись от Рихарда, обняла череп обеими руками. Они перешли мост, и пожилая женщина, глянув на ее ношу, пошатнулась и осела на землю. Опомнившись, Карна быстро расстегнула плащ и спрятала Гектора за пазуху.

Рихард свернул к воротам, на которых висели черепа животных, и Карна с опаской последовала за ним. Ведьма сидела там же, перед огнем, над которым булькал котелок, и пламя плясало в ее глазах. Белые косы свисали на грудь, а кожа была гладкой и смуглой, как ореховое дерево.

Рядом с ней сидела Грета и размешивала варево черпаком на длинной ручке.

— Ловец, — заметив его, ведьма легко поднялась с коврика, вышитого таким пестрым орнаментом, что у Карны зарябило в глазах.

— Грета? — удивился Рихард. — Что ты здесь делаешь?

— Чай, — невозмутимо ответила служанка.

Ведьма подошла к ловцу, и длинная юбка странно колыхнулась, будто бы колени изгибались в другую сторону.

— Ты ранен... Хочешь моей крови? — прошептала ведьма, жадно глядя на Рихарда, и огонь отразился в его черных глазах.

Он кивнул, и ведьма, быстро закатав рукав своей рубахи, чиркнула загнутым ногтем по запястью. Она поднесла четырехпалую руку к его губам, и Рихард медленно слизнул сочащуюся кровь.

— Ты знаешь, чего я хочу взамен, — прошептала она, глядя на него, как голодный на хлеб, и Рихард снова кивнул.

— Дай в себя прийти, — попросил он. — Хотя бы пару минут.

Ведьма отступила на шаг, и лицо ее снова стало непроницаемым, как вырезанный в дереве идол.

— Хотите чаю? — спросила она церемонно, усаживаясь на свой коврик, и теперь Карна точно увидела, как по птичьи согнулись ее ноги.

Грета сняла две глиняные кружки, висающие на кольях забора доньшками вверх, зачерпнула из котелка чай и поочередно подала Карне и Рихарду.

Опустившись на край коврика ведьмы, Карна подула на горячее питье. Грета повернула к ней лицо, и Карна готова была поклясться, что белые как молоко глаза ее видят.

— От вас смердит навью, — сказала Грета. — И пахнет любовью. Молодец, Карна, лови момент. Что толку запирать себя в стенах монастыря и лишаться маленькой радости...

— Не маленькой, — буркнул Рихард, садясь на чурбан со шрамами от топора и отпивая чай.

— Мимолетное удовольствие... — продолжила разглагольствовать Грета. — Потом, конечно, возникнут сомнения, самобичевание и неловкость... Не надо этого всего. Да, стыд, да, позор. И твои близкие наверняка перевернулись бы в гробу, если бы их не кремировали. Но твое падение — лишь подтверждение тому, что мир катится во тьму...

— Давай уже сворачивай к тому, что мы все умрем, — поторопил ее Рихард.

— Возможно, скорее, чем ты думаешь, — заметила Грета. — Сегодня полнолуние.

— И? Навки не любят луну.

— Зато оборотни любят. Я видела Уго, он шел сдаваться в полицейский участок. Как и все полулюди. Этой ночью улицы Рывни останутся без патруля.

— Патруль будет, — возразил Рихард.

— Вроде того, — печально подтвердила Грета. — В общем, если что, ты был хорошим работодателем: исправно платил и не жадничал добавить сверху, не привередничал в еде и соблюдал чистоту в ванной...

— Ты что, прощаешься?

— Жизнь так хрупка, — вздохнула Грета. — И несется как воды быстрой реки. Так что идите домой и наслаждайтесь друг другом, пока у вас есть такая возможность.

Она забрала у них кружки и пошла прочь, печально ссутулившись.

— Давно вы с ней знакомы? — спросил Рихард, и ведьма усмехнулась, показав острые треугольные зубы.

— Дольше, чем ты можешь себе представить.

— Вот как...

В его теле растекся теплый чай, настоянный на травах, и кровь ведьмы из красного леса...

— Ты знаешь, кому принадлежит дом по ту сторону Червы? — спросил Рихард, провожая взглядом удаляющуюся фигуру служанку. Перед глазами плыло, и все будто заволакивало туманом, и Грета казалась выше, словно шла она, не касаясь земли.

— Вилмосу Гроху, — без запинки ответила ведьма. — Как и почти все земли и серебряные шахты, — добавила она. — Тебе там так досталось?

— Мне уже лучше, — сказал Рихард и прикрыл глаза. — В твоей крови словно жидкий огонь.

Когда он вновь открыл глаза, вокруг стало темнее. На улице Общины с деревянными лачугами, теснящимися друг к другу, не было фонарей — нет нужды, полулюди отлично видят и в темноте. Ведьма исчезла, а Карна сидела рядом костром и подбрасывала в него тонкие палочки. В свете огня ее красота казалась нездешней и такой хрупкой. Может, от предсказаний Греты, всколыхнувшихся в сознании, или от всего произошедшего за последние дни, тревога сжала его сердце.

Рихард повел плечами, сбрасывая с себя появившийся откуда-то плед, встал.

— Вот навье дерьмо, — громко и с чувством произнес он, прогоняя и тревоги, и дремоту. — Я уснул.

— Ты спал не больше часа, — успокоила его Карна, поднимаясь с коврика.

— Надо торопиться, — выпалил он. — Пошли.

— Подожди! — воскликнула ведьма, выскакивая из шатра. — А долг?

— Не подождет? — нахмурился Рихард.

— А если ты погибнешь? Бормотуха говорит много всего, но часто оказывается права.

— Потому что она предсказывает лишь смерть, а все мы умираем, рано или поздно, — проворчал он. — Ладно. Давай сейчас.

Они приблизились друг к другу: черные глаза напротив огненных. Рихард обхватил тонкую шею ведьмы ладонью, и Карна ощутила неуместный укол ревности. Все закончилось быстро. Ведьма отшатнулась и стремительно ушла в шатер, а Рихард, взяв Карну за руку, пошел прочь из Общины. Порезы на его спине, виднеющейся в прорезях рубашки, затянулись, и шагал он твердо и уверенно.

— Что ты смотришь в ее воспоминаниях? — нарушила тишину Карна, приноравливаясь к его быстрой походке и придерживая Гектора.

— Она заново проживает один момент из своего прошлого, — ответил он. — Когда она любила и была абсолютно счастлива.

— Как грустно, — сказала Карна после паузы. — Жить воспоминаниями вместо настоящего.

Рихард насмешливо глянул на нее, и Карна вздернула подбородок.

— У меня все совсем по-другому! — заявила она.

— В некотором роде, — не стал спорить он. — Ты ведь нашла в себе силы сделать шаг вперед, так?

Она не стала отвечать, и до самого дома ловца они дошли в молчании.

Открыв дверь, Рихард пропустил Карну вперед, и Фифи кинулась им под ноги, радостно посвистывая.

Стадив подранную рубашку, ловец взбежал по лестнице и вскоре спустился, на ходу застегивая пуговицы на очередной черной рубашке. Открыв кладовку под лестницей, вытащил оттуда старую куртку и встряхнул ею, подняв облако пыли, потом достал еще и потрепанную сумку, на холщовой поверхности которой виднелись бурые пятна.

Выпустив Фифи во двор, Карна наблюдала за сборами ловца.

— Возьми Гектора, — сказала она, указав на череп, переместившийся на столик перед диваном.

— Нет, — коротко отказался Рихард. Он открыл одну из дубовых панелей и, вынув оттуда коробку серебряных патронов, зарядил пистолет Карны. Положив его на столик, сказал: — Если явится Эдмон, стреляй. Вотума ты так не убьешь, не бойся. Но мы с тобой договорились: выяснять, что ему надо, будем вдвоем.

— Хорошо, — быстро согласилась Карна. — А Гектора возьми, он отлично подсветит навок в подвале и тебе будет проще прицелиться...

Рихард взял с полки фонарик и демонстративно включил-выключил его несколько раз.

— Гектор отпугивает навь, а мне не надо, чтобы она отпугивалась и разбегалась, — пояснил он, взяв сверток с крупноячеистой сеткой. Вынув из ножен длинный меч с зазубринами, как у пилы, плавно взмахнул им несколько раз и довольно кивнул.

Карна растерянно смотрела на то, как Рихард закрепляет ножны за спиной, складывает сетку и фонарик в сумку.

— Ты что, пойдешь один? — спросила она.

— Нет, — поколебавшись, сказал он. — Меня еще немного ведет от ведьминой крови. Забегу в полицейский участок, попрошу выделить подмогу.

Он взял еще и ружье и коробку патронов. Задумчиво окинув взглядом свои припасы, кивнул.

— Рихард, — Карна стояла посреди комнаты, кусая губы. — Будь осторожен.

— Ты тоже, — сказал он. — Очень тебя прошу — сиди дома и никуда не суйся. Мне кажется, покушение как-то связано с тобой.

— Считаешь, это моя вина, что тебя пытались убить? — вспыхнула Карна.

— Я считаю, что навок, которые напали на меня сегодня, вытащили из моего же кристалла, — ответил Рихард. — Они говорили со мной. На этот раз ты проиграл — вот что я услышал. Значит, был и другой раз, когда я победил.

— Выходит, тот, кого мы ищем, имеет доступ к кристаллам, которые ты сдаешь в полицейский участок, — нахмурилась Карна.

— И это значит, что навки, которые повеселились на твоей свадьбе, тоже однажды были пойманы мной, — нехотя добавил Рихард.

— В том нет твоей вины, — горячо возразила Карна. — Ты делаешь мир чище и лучше, а в произошедшем виноват только человек, который решил выпустить тьму снова.

— Как нет и твоей вины в том, что на меня натравили эту навью стаю, — кивнул Рихард и, подойдя к ней, обнял. — Но в этом есть связь. Возможно, убийца боится, что я увижу что-то в твоих глазах? Может, ты что-то знаешь? Что-то такое, что поможет вывести его на чистую воду?

— Я покажу тебе все, — выпалила Карна, подняв к нему лицо. — Если это поможет найти убийцу.

— Позже, — кивнул Рихард. — сейчас на это нет времени.

Он погладил ее щеку и мягко прикоснулся пальцем к губам.

— А у тебя есть время для поцелуя на удачу? — прошептала Карна.

Рихард слегка улыбнулся и поцеловал ее нежно и неторопливо. Потом надел куртку, взял сумку и вышел из дома, подмигнув перед тем как закрыть дверь. Карна опустилась на диван, погладила Фифи, которая запрыгнула к ней. Вокруг было тихо, но горло будто сжимало от дурных предчувствий, и сердце колотилось сильно и часто. На столике рядом с черепом лежал пистолет, и Карна, быстро взяв его в руки, почувствовала себя немного увереннее.

В полицейском участке было шумно и многолюдно. Растолкав оборотней, Рихард склонился к столу, за которым сидел Зейн, непривычно лохматый и помятый, и сверял явившихся со списком.

— Мне нужна пара-тройка крепких ребят, — без обиняков сказал Рихард. — Сейчас.

— Харди, какими судьбами, — громко поприветствовал его Грегор, начальник полиции, появившись из коридора. Он крутил на пальце связку с ключами, а другой рукой привычно выудил из нагрудного кармана формы солнечные очки и водрузил их себе на нос. — Что случилось?

— В доме на том берегу навья стая, — сказал Рихард. Зейн перестал писать и вскинул на него глаза. Взгляд его прошелся по сумке, заметно провисшей от веса оружия, и остановился на рукояти меча над плечом ловца. — Я запер их в подвале, но скоро они вырвутся.

— На том берегу, говоришь, — задумался Грегор, перестав крутить ключи. Он хлопнул по плечу проходящего мимо широкоплечего оборотня со стальным ежиком волос и клыками, выступающими из-под губы. — Большая камера налево. И всех своих волков с собой забирай.

Оборотень покосился на пухлую руку, лежащую у него на плече, и его верхняя губа едва заметно дернулась вверх.

— И не нервничай так, — Грегор погрозил ему пальцем, на котором висели ключи. — Луна еще только показалась.

— Грегор, дай мне патрульных, — напомнил о себе Рихард.

— Ну каких патрульных, Харди, — вздохнул тот. — Сам видишь, весь наш патруль сегодня сядет за решетку. Сегодня они представляют собой куда большую опасность, чем какие-то навки на другом берегу. За ними нужен глаз да глаз. Один этот волк, — он кивнул вслед широкоплечему мужчине, — может таких дел натворить...

— Два-три человека, на час, может полтора, — не сдавался Рихард.

— Границы Рывни заканчиваются на этом берегу, — ответил Грегор.

— Навки об этом не знают. И когда они перейдут мост...

— А может и не перейдут. Может, отправятся в красный лес. Туда тянет всякую дрянь. Харди, давай завтра, — попросил Грегор и загородил проход стройной рыжеволосой женщине с яркими карими глазами. — Мисса, лисонька моя, чудесно выглядишь.

Она обогнула его, не коснувшись живота, обтянутого синим мундиром, и пошла по коридору, покачивая бедрами. Грегор быстро облизнул губы, снял темные очки и пошел за ней.

— За час управишься? — тихо спросил Зейн.

— Может, и нет, — не стал врать Рихард.

— Уго в камере в левом крыле, — сказал Зейн. — Чтоб через два часа был здесь. Следующий! Арл Вурв, стая Руара, правое крыло.

— Спасибо, — Рихард обогнул очередного волка и быстро прошел в другой коридор.

Он обнаружил друга в одиночной камере в самом конце коридора. Уго, в неизменном красном пальто, сидел на лавке и угрюмо мял в руках берет.

— Уго! — окликнул его Рихард, и тот быстро поднял голову, но тут же виновато отвел взгляд. — Быстро, пошли, у нас полтора часа на то, чтобы зачистить дом у Красного леса от навков.

Оборотень приподнялся, и Рихард невольно отметил, что плечи его раздались еще больше, так что пальто едва не трещало по швам, а позвоночник сильнее выгнулся в холке.

— Пойдем, — Рихард схватил его за шкирку и вытащил из камеры, подтолкнул к выходу. — Давай скорей, пока Грегор не увидел.

— Он не разрешил мне уходить?

— Зейн разрешил, — сказал Рихард. — Ну что ты как вареный? Где твоя кабанья прыть? Где напор?

Они вышли из участка и Рихард, остановившись, развернулся к Уго. Тот снова отвернул морду, обросшую рыжей щетиной, толстой, как проволока, и виновато шмыгнул носом.

— Что случилось? — нахмурился Рихард.

— Случилось страшное, — выдохнул Уго, безжалостно комкая в руках берет. — Непоправимое. И нет мне прощенья никогда!

— Говори, — нетерпеливо потребовал Рихард.

Уго вздохнул, напялил берет на голову и посмотрел Рихарду в глаза.

— Я изменил Карне, — упавшим голосом произнес он.

— Дрюча тебе... Хотя нет, не будем о дрюче, — прервал ругательство Рихард. — Я уж надумал всякого... Пошли, по дороге расскажешь. Итак, кто она? Ты зашел к мадам Роуз?

Он подтолкнул Уго и пошел рядом с ним, прибавив шаг.

— Понимаешь, все так совпало, — начал Уго. — Близость полнолуния всегда сказывается на животной стороне моей натуры. Я становлюсь диким и необузданным, и мне сложно контролировать инстинктивные порывы. К тому же у меня давно не было женщины. А вы с Карной отправились есть свинину на том берегу, — он передернул плечами. — Я давно хотел обсудить это с тобой. Не по-дружески выходит, Харди! Ты мог бы и отказаться от свинины ради меня!

— Я постараюсь, — искренне пообещал Рихард. — И что дальше? Я думал, ты сразу пошел в участок.

— Нет, — насупился Уго. — Было еще рано. Я не знал, чем заняться, и бродил по городу, размышляя о том о сем, и сам не знаю как оказался в шахтерском районе. Вверх от Грязной улицы. Возможно, меня вела сама судьба.

— Скорее всего, — серьезно подтвердил Рихард. — Значит, она живет в шахтерском районе.

— Я вспомнил про Венкеля, которого ты брал приманкой на жмыха. И то, что ты сказал — что он бьет свою жену. Ты пригрозил ему, но я решил, что раз уж я здесь, то проверю, как он себя ведет. Дети указали мне его дом, и там была она... — глаза его сверкнули, отразив полную луну, повисшую над Рывней. — Красотка, чаровница... Богиня! Лицо круглое, как каравай, глазки маленькие, словно бусинки. И у нее такая большая... — он развел руки в стороны.

— Постой-ка, — перебил его Рихард. — Ты что, переспал с женой Венкеля?

Уго снова шмыгнул носом. Доски серебряного моста загремели под их ногами.

— Да, — коротко признался он. — Я вошел, мы поговорили. Она сказала, Венкель ведет себя прилично. Только пьет все время. Ему теперь наливают за так, как герою, победившему жмыха. Он слегка приукрасил историю. Потом она меня накормила, — он облизнулся. — Картошечка была такая разваристая, мягкая. С масличком и укропом. Не рагу Карны, но все же очень вкусно. Ну и вот...

Он снова горестно вздохнул, и некоторое время они шли молча. Красный лес выступал впереди сплошной стеной, туман клубился под деревьями, тянулся к реке. Пахло прелыми листьями, и Рихард, закрыв глаза, вдохнул глубже. Может, это было ошибкой — идти к красному лесу, выпив ведьминой крови? Он ощущал себя иначе: запахи стали резче, звуки отчетливее. Лес звал его, нашептывал, манил, и кровь отзывалась, бежала быстрее. Хотелось что-то делать: мчаться не разбирая дороги, драться, любить...

Карна осталась ждать его дома. Осознание, что он вернется не в пустой дом, как обычно, согрело его сердце. Женщина, чьи глаза и помысли чисты, и собачка, которая храпит громче него самого, — почти семья. Он толком не знал, что это такое, и не думал, что ему это подходит, но сейчас представлял, как бы это могло быть. Может, она не станет дожидаться его возвращения и отправится спать, и тогда он ляжет к ней в постель и обнимет, прижав к себе, и почувствует запах фиалок и тепло ее тела. А может, она уснет в гостиной на диване, и он отнесет ее наверх. Или она не будет спать, а накинется на него с упреками, отчего он так долго и заставил ее волноваться — и это все равно будет приятно, потому что во всем мире о нем не волновался никто. Он улыбнулся своим мыслям и сказал:

— Карна тоже обманула тебя.

— Что? — возмутился Уго. — Она мне изменила?

— Нет-нет, — быстро возразил Рихард, сворачивая влево на едва заметную тропинку. — Она все так же невинна. Но все же была нечестна с тобой. То рагу...

— Никогда его не забуду, — выдохнул Уго. — Этот райский вкус, этот запах...

— Это не она его приготовила.

— Как?! — опешил оборотень.

— Она купила его в ресторане, — сказал Рихард. — Принесла домой в кастрюле и сделала вид, что приготовила сама.

— Какая гнусная ложь!

— Да, действительно, с ее стороны это очень непорядочно.

— Это просто возмутительно!

— Такое нельзя простить.

— Начинать отношения со лжи... — Уго кипел от негодования.

— И, знаешь, — Рихард помялся, будто ему сложно это говорить, — не уверен, что она вообще умеет готовить.

Уго остановился посреди тропинки и ошарашенно посмотрел на Рихарда.

— Думаю, после всего этого, ты вправе расторгнуть помолвку, — добавил он.

Уго коротко кивнул и пошел вперед. Крыша показалась за деревьями, и сам дом выплыл как-то неожиданно быстро, вдруг оказавшись прямо перед ними.

— Ох как навью смердит, — скривился Уго. — И лес еще манит. Харди, надо действовать быстро, пока я не перекинулся.

Рихард поставил сумку на край фонтана рядом с забытой корзинкой. Вынул ружье, зарядил его патронами.

— План такой: ты сдвигаешь засов, открываешь дверь. Я кидаю сетку, она из заговоренного серебра, задержит навок на пару минут. Ты стреляешь, я рублю, потом добиваю кинжалом.

— Давай лучше мне меч, — Уго завистливо глянул на рукоять, возвышающуюся над плечом Рихарда.

— Идет. Там несколько жрунов и дрюч. И еще какая-то мерзость со щупальцами. Так как зовут твою богиню?

— Берта, — расплылся в улыбке Уго. — У нее две дочки-близняшки. Играли во дворе. Маленькие, курносенькие, как поросятки.

— Значит, она еще и плодовита, — завистливо заметил Рихард. — Но Венкель, думаю, не одобрит такого поворота событий.

— Пусть катится колбаской, — заявил Уго. — Я с ним поговорю как мужчина с женщиной, — он выпятил грудь колесом и взял протянутый ему меч. — Сначала, конечно, с Карной. Немного жаль ее, но она сама виновата.

— Уго, такое дело... — смущенно начал Рихард. — В общем, она мне нравится, очень.

— Уверен? — нахмурился Уго. — Так-то она, выходит, не подарок. Ни на кухне, ни в постели... Вот моя Берта просто огонь. И у нее такая большая... — он снова развел руки.

— Да-да, — перебил его Рихард. — Ты уже говорил. А теперь давай грохнем этих навок и вернем тебя в участок.

Уго кивнул и пошел в дом первым, раздувая ноздри мясистого носа.

— Запах все же отвратный, — пробормотал он. — Никогда такого не встречал.

Карна стояла на коленях перед столом и, повернув Гектора к себе, пялилась в пустые глазницы черепа. Фифи лежала на диване и недоуменно сопела.

— Как он это делает, скажи на милость, — проворчала Карна. — Не вижу ничегошеньки.

Она наклонилась ближе, едва не касаясь черепа носом.

— Я тебя вижу-у-у, — замогильным голосом произнесла она. Взяв пистолет, прижала дуло к виску черепа. — Покажи мне свои тайныбы.

В дверь вдруг громко постучали, и Карна, от неожиданности едва не нажав на курок, подскочила на месте и пошла открывать.

— Кто там? — спросила она, обернувшись на череп. Глазницы Гектора были все так же темны, значит, за дверью не навь. В смотровом окошке маячило одутловатое лицо мужчины, показавшегося ей смутно знакомым.

— Начальник полиции, срочное дело, — сказал он, и Карна открыла дверь.

— Рихарда нет, — сказала она. — Он ведь пошел в полицию просить помощи.

— Да, потому я и здесь, — сказал мужчина, виновато улыбнувшись. Он вошел внутрь, вынудив Карну посторониться, быстрым цепким взглядом осмотрел и гостиную, и Гектора, и слегка приподнял бровь, заметив в руке Карны пистолет.

— Рихард дал его мне, — пояснила Карна, взмахнув пистолетом перед лицом толстяка.

— Вам кто-то докучает? — нахмурился мужчина, снимая пальто и полицейскую фуражку, под которой обнаружилась розовая плешь. Форменный синий мундир туго обтягивал солидное пузо.

— Мой муж, покойный, — призналась Карна, криво усмехнувшись. — Проходите, прошу, — гостеприимно взмахнула она пистолетом, указывая на диван.

— Значит, в городе вотум, а я и не знал, — он прошел в гостиную и сел на диван, заскрипевший под его весом. Фифи понюхала бедро полицейского и вежливо вильнула хвостом. — Какая... своеобразная собачка. У моей знакомой такая же.

— У мадам Роуз? — не подумав, спросила Карна, садясь в кресло, и тут же покраснела: знакомство с владелицей борделя — не то, в чем принято признаваться. Мужчина уставился на нее еще более внимательно. Отчего он кажется ей знакомым? Рыхлое лицо, сизый нос картошкой. Где она могла его видеть? — Это та же самая собачка, — выдавила она. — Фифи.

— Фифи, точно, — кивнул толстяк. — Меня зовут Грегор Пржех, кстати говоря.

— Карна, — она помолчала и спросила: — Так что привело вас сюда? Какое срочное дело?

— Рихард пришел в отделение и попросил подмоги, но сегодня полнолуние, — Грегор вздохнул. — Все оборотни явились на ночевку. Толкучка, гам, неразбериха... Просто сумасшедший дом, а не полицейский участок. А ведь патруль Рывни в основном состоит из таких полулюдей. Для многих из них ночной образ жизни куда комфортнее, к тому же скорость реакции и некоторые органы чувств у них развиты сильнее. Так что сегодня остальные силы полиции города брошены на патрулирование улиц. В полнолуние часто случается всякая дичь.

— И вы не выделили Рихарду людей? — ахнула Карна, снова взмахнув пистолетом.

— Я надеялся, что он подождет, и пришел сам. Хоть я и не молод, но пристрелить навку-другую могу. А вы хорошо стреляете? — поинтересовался он, не отрывая взгляда от пистолета.

— Неплохо, — скромно сказала Карна. — Сегодня как раз тренировалась в стрельбе на том берегу. Две пули вошли в одно и то же место.

— Позвольте посмотреть на ваш пистолет? — вежливо попросил Грегор, протянув пухлую ладонь. — Интересная модель...

Карна подала оружие, но в последний момент отдернула руку и быстро сняла предохранитель.

— Он здесь! — воскликнула она и вскочила с кресла, глядя на свет, вспыхнувший в глазах черепа.

— Кто? — не понял Грегор, тоже поднимаясь с места. — Вы кого-то ждете?

— Эдмон! — простонала Карна. — Мой мертвый муж. Но не беспокойтесь, он не сможет зайти сюда.

Она быстро подошла к окну, выглянула наружу — по улице расползлся туман, а луна висела так низко, словно решила окунуться в Черву. Под фонарем стоял уже знакомый ей экипаж, черный и монолитный, как могильная плита, а лошадь вороной масти опустила голову в туман, так что казалось, будто головы у нее нет вовсе. На козлах было пусто.

— Дайте пистолет мне, — потребовал Грегор, подойдя сзади и обхватив ее запястье, однако Карна вывернулась и подбежала к двери, выходящей на задний двор.

— Вы начальник полиции, у вас что, нет своего оружия? — огрызнулась она.

Этот толстяк начал ее раздражать. Мало того, что он не выделил помощи ловцу, и тот наверняка отправился убивать навок сам, так теперь еще и пытается командовать. А еще ей не давало покоя зудящее чувство, что она его знает. Может, напоминает какого-нибудь актера? Карна обернулась и кинула взгляд на мужчину, который выглядел странно раздосадованным. Обвислые щеки, нос картошкой. Нет, точно не актер.

— Мы с вами раньше встречались? — прямо спросила она.

— Сзади! — воскликнул Грегор, указав ей за плечо, Карна, обернувшись, отшатнулась.

Эдмон стоял там, опираясь на стекло ладонями, и руки его были белыми, как бумага.

— Стреляй же! — выкрикнул Грегор, но Карна не обратила на него внимания.

Гектор сиял, освещая каждый уголок гостиной, и окно, выходящее во двор, бликовало, не позволяя рассмотреть Эдмона.

Карна шагнула ближе и осторожно положила ладонь на стекло, разделившее их руки. Прикусив губу, сглотнула ком, собравшийся в горле.

— Эдмон, — прошептала она. — Зачем ты пришел? Скажи. Скажи мне, любимый, что не дает тебе покоя?

Лицо за стеклом ничего не выражало, белые пальцы слегка вздрагивали, точно пытаются процарапать стекло.

— Он точно не может войти? — спросил Грегор, о котором Карна успела забыть.

Эдмон был здесь, и в лунном свете казался почти живым. Губы его изогнулись, точно он пытался улыбнуться, и рыжие волосы влажно блестели. Знакомый запах проник через щелку, и Карна поняла, что не закрыла заднюю дверь после того, как выпускала Фифи погулять. Она толкнула дверь, и аромат пионов обрушился на нее. Но за сладкой свежестью таился другой запах: речного ила и рыбьей чешуи.

Эдмон занес ногу над порогом, и вода капнула на пол. Свет полыхнул еще сильнее, так что Карна зажмурилась, чтобы не ослепнуть, а когда открыла глаза, то увидела, что Эдмон попятился, замерев позади трехэтажной будки Уго.

— Карна, — голос был чужим и незнакомым, но Карна почувствовала, как по щекам ее бегут слезы.

— Да, — прошептала она. — Скажи, чего ты хочешь. Я все сделаю для тебя.

Эдмон перевел взгляд, посмотрев куда-то за ее плечо, и лицо его так изменилось, что Карна вскрикнула и вскинула пистолет. Скулы Эдмона заострились, тонкая белая кожа туго обтянула лицо, и ноздри раздулись, как у хищника. Он оскалился, и зубы его были похожи на осколки ракушек.

— Обернись, — произнес он, и Карна, быстро глянув назад, отшатнулась, так что удар пришелся вскользь.

Острая боль пронзила плечо, и Карна вскрикнула, выронив пистолет и зажимая рану. Она инстинктивно метнулась за диван и расширившимися глазами посмотрела на Грегора, который держал в руке окровавленный кинжал. Это ее кровь — запоздало поняла она. Начальник полиции только что пытался ее убить.

Карна быстро посмотрела на оброненный пистолет, и Грегор тут же поднял его и сунул за пояс.

— Ничего личного, — сказал он виновато. — Будь моя воля, я бы никогда не причинил тебе вреда.

— И не надо, — сдавленно попросила она.

— Надо, — вздохнул он, плавно перемещаясь к ней.

Карна тоже сделала несколько шагов в сторону, зажимая раненое плечо, так что между ними остались диван и столик. Швырнуть в него Гектором? Карна быстро подхватила череп и прижала к груди. Кровь стекала по руке, пропитывая блузку.

— Так жаль, — вздохнул мужчина. — Я ведь помню тебя совсем крошкой. Ты была как куколка: синие глазки, фарфоровая кожа. А сейчас, — он обвел ее окровавленным кинжалом, — стала еще красивее.

— Я вас не помню, — сказала она. — Оставьте меня в покое! Я не знаю вас!

— Знаешь, — вздохнул он. — В глубине твоей хорошенькой головки остались воспоминания. Если бы ты не явилась к ловцу, который может выудить их и пересмотреть, то жила бы себе спокойно и счастливо дальше.

— Счастливо? — возмутилась она, сжимая Гектора. — Это вы убили моих родных? Вы устроили навью свадьбу?

— Не то чтобы я лично... — ответил Грегор. — Ну все. Хватит кружить. Мы не на балу.

— Рихард узнает, — прошептала Карна. — Он посмотрит мне в глаза и узнает, кто убийца.

Грегор цыкнул зубом.

— Не узнает, — сказал он. — Если не будет головы.

Карна пошатнулась, и толстяк вдруг перемахнул через диван с неожиданной ловкостью.

— Не дергайся, и я сделаю все быстро, — пробормотал он, сжав пятерней ее шею, так что в глазах Карны тут же помутнело. — Удачно, что ловец поставил защиту на дом, так что и твой вотум не помешает. Даже хорошо, что он здесь. Будет кому проводить тебя на ту сторону. Ну же. Ты ведь клялась ему в верности перед алтарем, так отчего не хочешь к нему?

Карна выпростала руку и вышвырнула Гектора в открытую дверь. Череп откатился куда-то к забору, и сияние из его глазниц осветило кучу хлама и покосившийся забор. А потом Эдмон вдруг оказался совсем рядом, пальцы, сдавливающие шею, исчезли, и ноги Карны подкосились.

Хрипя и кашляя, она отползла к дивану, с которого оглушительно лаяла Фифи, и обернулась. Грегор остервенело отмахивался кинжалом, но Эдмон перемещался так быстро, что нельзя было заметить его движений. Он просто оказывался в другом месте, и Грегор шарахался от него прочь. Вспомнив про пистолет Карны, он вытащил его и разрядил всю обойму, метя в Эдмона.

Тот лишь слегка поморщился, когда одна пуля пробила его грудь. Черная струйка воды стекла по одежде и осталась на полу. Фифи вжалась в спинку дивана и спрятала нос в лапах.

— Уйди! — выкрикнул Грегор. — Это она тебе нужна! Не я!

Эдмон медленно повернул голову и посмотрел на Карну. Воспользовавшись этим, Грегор кинулся на него и вонзил кинжал прямо в грудь. Лезвие вошло в его тело легко, как в масло, а белые пальцы вотума тут же сомкнулись на толстой шее.

— Я вижу тебя, — прохрипел Грегор, багровея, но Эдмон покачал головой.

— Не видишь.

Он склонился к Грегору ближе, точно желая поцеловать, и заслонил его плечами.

Карна быстро отползла в сторону и увидела, как глаза Грегора, такие маленькие и невыразительные, темнеют, словно наливаясь чернилами, а потом из глаз, ушей, носа и рта мужчины хлынула черная вода.

Вотум разжал пальцы, и грузное тело рухнуло на пол, обмякнув. Ноги в блестящих черных ботинках дернулись и замерли.

Карна прижала руку ко рту, всхлипнула, а когда подняла глаза, Эдмона уже не было. Только слегка колыхнулся тюль у открытой двери. Она встала, поморщилась, опершись на раненую руку, и стараясь не смотреть на мертвого полицейского, побрела во двор. Гектора она нашла у забора. Глазницы снова погасли, и значит, Эдмон ушел. Он выполнил то, что хотел? Выходит, за этим он приходил — защитить ее, а вовсе не для того, что подумал Рихард?

Вернувшись в дом, Карна сорвала с карниза зеленую штору и накрыла ею тело, лежащее посреди

комнаты. Все равно этот оттенок зеленого ей никогда не нравился. Споткнувшись об оброненный полицейским пистолет, подняла его и крутанула пустой барабан. Подойдя к столику, Карна на миг замерла. Цветок пиона, белый и пушистый, как облако, лежал на столе, и от его благоухания на глазах вновь выступили слезы. Положив рядом с пионом череп и пистолет, Карна устало опустилась на диван, а Фифи, жалобно посвистывая, прижалась к ее бедру.

В доме было подозрительно тихо: ни скрежета, ни воя. Рихард быстро повернулся, когда в углу что-то зашуршало, но увидел лишь мышшь, которая возилась с оторванным куском обоев.

— Харди, тут так смердит, — тихо сказал Уго. Он пошевелил носом, и тот вытянулся еще сильнее, а на конце оформился розовый пятячок.

— Ты обращаешься, — прошептал Рихард.

— Это все красный лес, — ответил Уго. Он снял пальто и перекинул его через руку, поднял меч выше, указывая им направление.

Рихард и сам чуял запах. Навью вонь ни с чем не спутаешь, но ведь наружу выскочил только хвач. Неужели это он успел так навонять? Лунный свет лился сквозь разбитые стекла окон, придавая разрухе, царящей в доме, некую романтичность. Краем глаза Рихард уловил движение, но, резко обернувшись, увидел лишь свое отражение в разбитом зеркале, прислоненном к стене.

Мышь протопала в другой угол и не спеша протиснулась в щель в стене. Дом принадлежит Вилмосу Гроху. Как-то странно тянутся к нему нити. С него все началось, и вот его имя снова всплыло. Может, ему есть что скрывать, раз он надевает темные очки при встрече.

Как и Грегор.

Рихард нахмурился, обкатывая эту мысль в голове.

Начальник полиции всегда относился к нему дружелюбно: регулярно повышал жалование и выделял премии, защищал во всех спорных ситуациях, которых было немало, и даже соврал о результатах проверки. Рихард привык думать о Грегоре если не как о друге, то как о приятеле, и с симпатией относился к его жене — тихой милой женщине со старомодным начесом, который отнюдь не делал ее выше ростом.

Но вот Рихард обратился за помощью — и не по какому-то пустяку, но Грегор лишь отмахнулся.

Что если все дружеское отношение Грегора зиждилось на том, что ему были нужны кристаллы с навками? Что если он не дал подмогу, надеясь, что ловца сожрут?

Что если он сейчас отправился к Карне, зная, что Рихарда нет дома?

Он еще сильнее нахмурил брови и прибавил шаг.

— Давай быстрее, — сказал он Уго, переступая тушку хвача и истрепанную сумку Карны, — вход в подвал здесь.

Он вошел в комнату и застыл, глядя на зияющий тьмой проем. Уго остановился рядом и почесал затылок, сдвинув берет на брови.

— Вот откуда эта вонь, — сказал он. — Навь выбралась.

Рихард включил фонарик и осветил в подвал, но лишь кости коровы забелели во мраке.

— Жмыха мне в печень! — выпалил Рихард. — Дрюча мне в зад! Что за...

Засов был сдвинут до упора. Навки не сами удрали, кто-то пришел и освободил их. Рихард обернулся, но не обнаружил Уго и нашел его лишь на крыльце обнюхивающим пустое осиное гнездо.

— Уго, мне нужен след!

— Я чую... — ответил Уго. — Я чую лес... Волшебный запах. Где-то неподалеку есть красный дуб, у него самые лучшие желуды в мире. Они остаются хрусткими и сочными несколько лет.

— Уго! — воскликнул Рихард, но оборотень лишь покачал головой, и клыки его выступили еще сильнее. — Вот навье дерьмо, — пробормотал ловец, запустив пальцы в волосы. Сфокусировав зрение, попытался уловить навий след, но лес мешал, бросая густые тени.

Выругавшись еще раз, Рихард быстро пошел по дорожке между зарослей шиповников. У него было еще одно дело — череп, обнаруженный Карной. Обогнув статую, страдание на лице которой в свете луны казалось злобной гримасой, он заметил белеющий череп. Подняв его, поднес к глазам. Стандартная процедура. Выяснить личность и причину смерти. Можно было бы сделать это и позже, но он и так слишком многое откладывал на потом.

Он поймал отпечаток личности в пустых глазницах, и вскоре перед ним развернулось все жизненное полотно старого Изидора. Он прожил всего шестьдесят, но для потомственного шахтера это очень неплохой срок. С женой ему повезло, и ее теплая нетребовательная любовь всегда его согревала. Трое детей: две девочки и мальчик, семеро внуков... Рыбалка по воскресеньям, дружеские посиделки в гостях, собака, верный Хвост, таскающийся следом. Смерть.

Рихард вздрогнул и выронил череп. Тот упал на мягкую подушку мха и оскалил гнилые зубы на луну.

— Нет, — прошептал ловец и быстро поднял череп снова. — Нет! Нет!

Ошибки не было никакой. Смерть Изидора была страшной, но Рихард досмотрел все до конца, стискивая зубы и покрываясь холодным потом, а старый шрам под сердцем заныл и зачесался. Существо с ярко-желтыми глазами наслаждалось болью и хрипло смеялось в последних воспоминаниях Изидора, и Рихард, сглотив, опустил руку.

Знали ли те, кто выпустил навь из кристалла ловца, что высшая навь не подселается в животных? Думали ли они, что могут освободить чудовище, которое воплотило в себе сразу все грехи? Или, может, считали, что Олаф Златоглазый, убивший больше сотни человек, просто исчезнет? Развеется, как пепел на ветру, уйдет под землю дождевой водой...

Развернувшись, Рихард быстро пошел назад к дому. Олаф был здесь. Это он убил пропавших шахтеров и скинул тела в реку, отрезав им головы, чтобы не привлечь внимание ловца. Он бродит по улицам Рывни, надвинув шляпу на глаза, слушает сплетни о жутком убийце, выбирает следующую жертву, и это его он видел в воспоминаниях официанта у «Золотого гуся».

Уго все так же стоял на крыльце, опираясь на меч и покачиваясь, как деревце на ветру. Глаза его были прикрыты, а на лице блуждала блаженная улыбка.

— Уго! — выкрикнул Рихард. — Приди в себя! Тут высшая навь!

— Скорее всего, — кивнул Уго. — Думаю, она и сдвинула засов, выпустив тварей из подвала. Ах, что за ночь!

Он выпустил меч, и тот со звоном упал на крыльцо. Рихард схватил его, крепко сжав рукоять, обернулся по сторонам.

Уго же спустился с разбитых ступенек и, рухнув на колени, сгреб руками опавшие листья и зарылся в них носом.

Рихард быстро положил череп в корзинку, спрятал меч в ножны за спиной.

— Пошли, — буркнул он. Уго повернулся к нему и хрюкнул. — Соберись!

Рихард поднял еще и оброненное пальто Уго, чувствуя себя, как бабка на рынке: корзинка, сумка, пальто...

Тень, отделившаяся от деревьев, была чернее чем ночь. Желтые глаза блеснули под широкополой шляпой, и Рихард бесцеремонно отбросил и корзинку с черепом, и красное пальто, а потом выхватил из сумки ружье и выстрелил.

От хриплого смеха мертвеца его пробрал мороз, а посмотрев на Уго, Рихард понял, что и помощи ждать не откуда. Одежда оборотня порвалась в клочья, и матерый кабан, напуганный выстрелом, метнулся в лес, ломая кусты.

— Вот мы и снова встретились, ловец, — сказал Олаф, очутившийся совсем близко. Теперь их разделял лишь фонтан, и Рихард, быстро перезарядив ружье, выстрелил еще раз. Олаф отклонился от пули почти лениво, разочарованно поцокал языком. — Ты не убьешь меня серебряной пулькой, как крысу, и не надейся. В прошлый раз тебе удалось заманить меня в ловушку. Ты использовал знаки ловца на крови, лишаящие меня сил, вонзил мне в сердце кол из красного дуба. Что ты сделаешь сейчас? Даже не надейся, что я стану ждать, пока ты будешь рисовать.

Луна плеснула серебряным светом, и Рихард увидел острые скулы, хрящеватый нос и длинные зубы, не помещающиеся под тонкой губой. Глаза Олафа горели как две луны, а позади него зашевелились и другие тени: навка, которая раньше была кошкой, прогнулась в спине и заурчала, два волка, отличающихся разве что расположением плешивых мест, с которых облезла шерсть, скалили желтые зубы, нечто странное, с множеством щупалец, взобралось по гладкому стволу дерева и шелкнуло клювом.

Если он побежит к серебряному мосту, то придется отбиваться и от них. Олаф не станет ждать, пока он перебежит навок. Рихард невольно глянул в сторону красного леса. Сбежать вслед за Уго казалось

самым верным решением. Он не сможет противостоять высшей нави. Не сейчас.

— Беги, — разрешил Олаф, и Рихард сделал шаг назад. — Красный лес тебя укроет. Он сбивает со следа и водит по кругу. А я пока совершу один визит. Этот запах... — он собрал пальцы щепоткой и послал воздушный поцелуй звездам, усыпавшим небо. — Я учуял его еще в городе, но он вел на улицу, где ты живешь, а я не хотел попадаться тебе на глаза раньше времени. Ты приходил сюда с этой женщиной. Ее след тянется над землей словно шлейф из фиалок. Такая сладкая, такая чистая... Я выпью все ее крики. Растяну ее страдания насколько смогу.

Рихард остановился и вытащил меч из ножен, достал из кармана куртки сеть. Олаф снова хрипло рассмеялся и взмахом руки отогнал мелких навок прочь.

— Охраняйте мост, — приказал он, и те послушно поплелись к реке, оборачиваясь и облизываясь. — Если ты настаиваешь, я сперва займусь тобой. Поговори же со мной, Рихард. Мы ведь были так близки — в тот момент, когда ты вонзил кол в мое сердце и заглянул в глаза, познавая саму мою суть, я тоже видел тебя. И знаешь что? Тьма есть в тебе тоже.

— Расскажи, как тебе удалось ожить снова? — спросил Рихард. — Кристалл разбили, это я знаю. Но ведь тебе нужно было твое собственное тело.

— А его не уничтожили, — радостно произнес Олаф. — Кругом было столько трупов, что мой, почерневший и растерзанный, приняли за одну из жертв. А кто-то еще и свистнул дубовый кол.

— Вот придурки...

— Именно, — согласился Олаф. — А тебе наука на будущее — доводи все до конца, даже если издыхаешь от потери крови. Жаль, будущего у тебя нет.

Он вздохнул почти искренне, и вдруг метнулся через фонтан стремительно, как огромная летучая мышь.

Рихард взмахнул сеткой, одновременно поворачиваясь и вкладывая в удар меча всю свою силу. Зазубрины застряли в ребрах, и ловец выпустил рукоять, вытащил кинжал и бросился к Олафу, в чье лицо впилась серебряная сетка, прожигая и без того мертвую плоть.

Острые когти вошли в плечо, и Олаф приподнял его, как котенка, и слегка встряхнул. Удар кинжала пришелся гораздо выше намеченного, скользнув по ключице, и навка покачала головой. Тень шляпы скользила по белому лицу, прикрывая то один глаз, то другой. Кожа Олафа слегка дымилась — там, где соприкасалась с серебряной сетью.

— Так быстро попался, совсем размяк.

Рихард пнул его ногой в пах, а когда Олаф рефлекторно согнулся, ударил по затылку. Хрустнул нос, разможившись о бортик фонтана, треснули ребра, когда Рихард ударил по ним ногой. Олаф скатился на красные листья, стукнул раскрытой пятерней по земле, и Рихард, пошатнувшись, едва не упал. А из фонтана рывками полилась грязь, а следом — черная вода.

Рихард снова ударил кинжалом, и острое вошло чуть ниже скулы. Олаф выпростал руки, разрывая ячейки серебряной сетки, и Рихард не сумел сдержать крик, когда в его тело снова вонзились острые когти. Он все же сумел ударить кинжалом еще раз, и лезвие вошло прямо в сердце. Он чуял плотный сгусток тьмы на том конце клинка.

— И что? — равнодушно спросил Олаф и улыбнулся. Кости его носа медленно срастались, рана под скулой затягивалась. — Посмотришь в меня снова?

Рихард подтянулся ближе, глядя в глаза, где тьма, освещенная расплавленным золотом радужки, казалась еще чернее.

Олаф быстро переменял положение, склонившись к уху Рихарда.

— Не так же сразу, — прошептал он. — Где твои манеры, ловец? Где прелюдия? Вот я собираюсь убивать тебя долго, очень долго. Пока ты не станешь молить о смерти, пока не начнешь целовать мои руки, умоляя даровать тебе забвение. И я увижу тебя — настоящего: жалкого, ничтожного, слабого...

Рихард нажал на рукоять кинжала сильнее, повернул голову, заглядывая в золото глаз, но Олаф вонзил когти еще глубже и резко толкнул, опрокидывая его на землю. Рихард быстро перекатился, сунул руку в сумку, но Олаф наступил на его локоть, ломая кость. Рихард взвыл, повернулся на спину.

— Начнем, — деловито произнес Олаф, расставляя руки, и когтистая тень упала на Рихарда.

Зейн постучал в дверь, но никто ему не открыл, хотя в окошке мелькнула чья-то тень. Он постучал еще раз — кулаком. Ловец перешел все рамки. Было сказано — вернуть Уго. И вот уже и полночь, а оборотня нет. И что теперь? Улицы пусты, и кроме патрульных никого, но если на них рванет кабан-секач, то его нашпигуют серебром по самые уши. А Уго нравился Зейну. Простой, наивный и нюхач отличный...

— Открой, Рихард! — выкрикнул Зейн. — Я вижу, что ты дома!

Он подождал немного, а потом пнул по двери ногой, в раздражении посмотрел на знак ловца под козырьком крыши. Страж света, клинок на грани тьмы... Трепло! Подумав, Зейн быстро сбежал по ступенькам и обошел дом. Перемахнув забор и обогнув какое-то странное сооружение, заглянул в окно. Карна стояла у входной двери, прижав руки к груди и осторожно выглядывая, а посреди комнаты лежал труп, накрытый шторой. Ботинок убиенного сиял казенным блеском, и Зейн, сглотнув, решительно постучал в окно. Карна, взвизгнув, обернулась, и Зейн увидел в ее руках пистолет.

— Откройте сейчас же! — потребовал Зейн.

Но Карна сделала то, чего он никак от нее не ожидал: швырнула в него пистолетом, так что тот пролетел через всю комнату и разбил стекло, осыпав форменные брюки Зейна осколками. Пробормотав про себя ругательство, он просунул руку в образовавшуюся дыру, повернул ручку и открыл дверь.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался Зейн и, присев, отогнул штору.

— Вы тоже хотите меня убить? — выпалила Карна.

— Нет, — коротко ответил он, рассматривая тело.

Начальник полиции был мертв, и в глазах его плескалась черная вода.

— Его убила навь, — задумчиво произнес Зейн. — Тот самый вотум, что ходит за вами по пятам? За что?

— Он пытался убить меня, потому что как-то виновен в навьей свадьбе и боялся, что я его узнаю, — зачастила Карна. — Но я не помню его, хоть убей! Он говорил, что видел меня ребенком, и может, сильно переменялся с тех пор. Я пытаюсь вспомнить — и никак! А Эдмон пришел меня защитить. Рихард думал, что ему нужна моя... мое... В общем, он ошибался. Эдмон хотел, чтобы я жила...

Произнеся последнюю фразу, Карна нахмурила брови и задумалась, как будто эта истина только что ей открылась.

— Виновен в навьей свадьбе? — переспросил Зейн, вычленив из ее сбивчивой речи главное. Он выпрямился и шагнул к Карне, но та схватила череп со стола, словно собираясь им отбиваться, а лежащая на диване собачонка, размером с крупную мышь, вскочила и зарычала.

— Рихард считает, что ее подстроили, — ответила Карна, все еще недоверчиво глядя на Зейна. — Подселили навь специально, как жрунов у Мирабеллы Свон.

— Где Рихард?

— Ушел за серебряный мост. Там целая куча навов в подвале. Это снова ловушка. И мне так страшно, — Карна посмотрела на него глазами, полными слез, и Зейн невольно смягчился.

Все это странно, но он разберется. Грегор погиб. Но что он тут вообще делал? Он знал, что Рихарда нет, и пришел к нему домой. А у Карны на шее багровые следы, будто ее душили, а на рукаве подсохшая кровь. И если все, что она говорит, правда, то это лишь конец ниточки. Зачем бы начальницу полиции провинциального городка устраивать навью свадьбу, на которой погибли весьма уважаемые люди знатных родов и в том числе главный советник Великого Князя...

— Не бойтесь, вам не грозит опасность, — он машинально попытался успокоить женщину. — Патрули курируют улицы...

— Да я не за себя боюсь! — сердито возразила Карна. — А за Харди!

Она вдруг покраснела, словно смутилась того, что произнесла короткое имя ловца.

— С ним Уго, — ответил Зейн. — Но ловец обещал вернуть его в срок, который уже вышел.

— Что-то пошло не так, — кивнула Карна и, быстро подойдя к вешалке, сняла плащ. — Мы пойдем

за ними.

— Мы? — Зейн приподнял одну бровь. — У меня лишь шесть серебряных пуль, и это самоубийство — идти в навье логово...

Карна быстро прошла вдоль стены, открывая дубовые панели, и Зейн невольно присвистнул. Он подошел ближе и взял тяжелый арбалет, который лег идеально, словно продолжение руки. Болты с серебряными наконечниками туго набивали колчан. Щиты, мечи, пистолеты... Какая-то неведомая зубастая штука, к которой даже страшно прикоснуться, цепи и крюки...

Карна сунула череп себе за плащ и, надев шляпку с черным пером, открыла дверь. Стоя на пороге, нетерпеливо топнула ножкой.

— Если вы не пойдете со мной, то потеряете не только лучшего нюхача Рывни, но и ловца. И кто вам назовет убийцу, лишь заглянув в глаза жертвы? Кто раскроет любое преступление?

— Не любое, — проворчал Зейн, вешая колчан с болтами на плечо. — Только то, где есть голова.

— Я, кстати, нашла череп на том берегу, — сказала Карна. — Но впопыхах о нем забыла.

— У вас, как я погляжу, насыщенная жизнь, — заметил он.

Она неопределенно пожала плечами и вышла на улицу, по которой молочной рекой тек туман. Зейн последовал за Карной, невольно завидуя ловцу. Чем он заслужил такую женщину, которая готова отправиться за ним к навкам?

— А ваш муж теперь упокоился? — спросил он.

— Надеюсь, — ответила она.

Рихард не собирался сдаваться, он вставал снова и снова, и пытался ударить навку хотя бы кулаком. После того, как Олаф ударил его запястье о бортик фонтана, кинжал исчез где-то в мутной воде, бьющей из сбитого сопла рывками, точно кровь из раны. Ему не победить — это Рихард знал точно. В глубине души он даже надеялся, что в пылу драки Олаф нанесет ему какие-нибудь повреждения, которые заставили бы его потерять сознание или умереть быстро — это был бы хороший исход.

Картины смерти старого Изидора стояли перед глазами, и такого Рихард точно не хотел. Но навка будто играла с ним, забавлялась. Порезы от длинных когтей зудели и старый шрам тоже ныл, напоминая, как это было в прошлый раз: тогда Олаф, истощенный знаками, действовал быстро и пытался пробить сердце.

Если бы у него хотя бы был кол из священного дерева... А ведь красный дуб растет неподалеку, Уго чуял. Рихард чувствовал лишь запах собственной крови, да навкину вонь, и от фонтана несло тухлой водой.

— Я слышал, как делают ловцов, — ощерился Олаф и молниеносным движением заломил Рихарду руку за спину.

Рихард взвыл и заплясал на цыпочках от боли, но странное дело — локоть согнулся как положено, будто его и не ломали полчаса тому. Олаф прервал его мысли, схватив за волосы на затылке и макнув с головой в фонтан. Кристалл на кинжале сверкнул яркой звездой — далеко, не достать.

Конечно, Олаф выдернул его на воздух, и Рихард жадно вдохнул, старательно тараща глаза, хотя легко мог бы пробыть под водой еще минут пять. Он впитал эту мудрость в Академии, вместе с пылью арены и собственным потом: не показывай противнику ни слабые стороны, ни сильные.

— Но ты другой, — протянул Олаф почти нежно. — Не такой, как остальные. Знаешь это?

Он ослабил хватку, и Рихард дернулся, выворачиваясь, ушел от удара когтистой пятерни, грозящей выцарапать ему глаз, и боднул навь головой, как тараном, под дых. Олаф от неожиданности отступил, и его шляпа слетела, обнажая бугристую лысину и остроконечные уши. Рихард бросился к фонтану, но Олаф вырос перед ним, оттолкнул прочь, так что ловец отлетел к крыльцу дома, и поправил шляпу. Желтые глаза зло блеснули.

— Что происходит? — спросил он. — Другой на твоём месте уже истекал бы кровью и плакал.

Рихард сплюнул в сторону и вытер разбитую губу. Да, у него ныли порезы, и локоть все еще не слушался, как положено, но он чувствовал себя на удивление сильным. Красный лес тихо зашумел, покачивая ветками, и Рихард понял, в чем дело — ведьмина кровь! Он выпил ее до того, как идти сюда, и лес, чуя в нем своего, помогал.

— Шшшш... Нашшшш... Нашшш... — слышал он в шорохе листьев.

— Ты ведь сам сказал, что я не такой, как остальные, — напомнил Рихард, двигаясь по кругу — так, чтобы лес оставался за спиной. Он прислонился к дереву с красной листвой, будто бы переводя дух, и его словно поддержали дружеские руки. Боль уходила, и сердце забило спокойнее, и в душе шевельнулась слабая надежда, что, может, не все потеряно. Рвануть бы в лес — пусть бы Олаф попробовал его догнать, но Карна...

Навка пойдет к ней, а Рихард понимал, что не может этого допустить ни за что.

Его зрение обострилось, и луна светила так ярко, что он слегка прищурился. Щупальца тьмы, тянущиеся к ногам Олафа стали заметнее. Навка сняла шляпу, зачерпнула пригоршню воды из фонтана и плеснула на лысину. Черная вода стекала по белому лицу, и ни одна капля не упала на землю, впитавшись в кожу. Олаф облизнул тонкие губы.

— Может, ты все же научился чему-то новому, пока меня не было здесь.

— Может, и так, — ответил Рихард.

Он и сам бы хотел понять, что с ним происходит, и как это можно использовать. Тело стало горячим, будто у него поднялась температура. У ведьмы красного леса кожа всегда сухая и горячая, и сердце бьется часто, как у птички...

— Есть один отличный способ узнать, — задумчиво сказал Олаф. — Как это мне раньше в голову не пришло?

Он снова оказался так близко, что ловец едва не задохнулся от вони. Холодная ладонь обхватила его шею, вжимая в дерево сильнее, вторую руку Олаф положил на сердце — дернешься, и когти войдут

прямо в него. Желтые глаза приблизились — два огненных омута, в глубине которых неистовствовала голодная тьма.

— Покажи мне, — хрипло прошептал Олаф, — Дай посмотреть, я хочу увидеть. Кто ты такой, ловец?

Он медленно лизнул Рихарду щеку — и язык его был как холодный слизняк, а потом вдруг быстро обернулся к реке, чиркнув полами шляпы ловцу по лбу. Отсюда не было видно ни моста, ни Червы, но навкин вой слышался отчетливо, а еще что-то будто светилось за деревьями, закрывающими реку.

— Подождешь меня здесь? — интимным шепотом попросил Олаф, снова поворачиваясь к нему, а потом резко завел руки Рихарда назад, выворачивая локти, и пронзил его ладони когтями, прибывая к стволу дерева.

Рихард вскрикнул от боли, стиснул зубы, глотая рвущийся стон.

Олаф поднял перед его лицом ладонь, белые пальцы без ногтей пошевелились, как черви на речном дне, а потом на них появились серые наросты, которые быстро вытягивались и заострялись, пока не стали длинными когтями.

— Как удобно, — прошипел Рихард сквозь зубы.

Олаф прочертил на его щеке длинную царапину, поймал пальцем кровь и сунул его в рот. Рихарда невольно передернуло от этого жеста, но ладони прошило болью, и он замер, стараясь не делать лишних движений.

— Я скоро вернусь, — пообещал Олаф, улыбнулся, показав окровавленные зубы, и так стремительно исчез, что у Рихарда взметнулись волосы от ветра.

Он откинул голову к дереву, закрыл глаза, собираясь с духом. Рвануться разок — и свободен. Ладони порвутся в лоскуты... Дерево склонило над ним ветки, так что красные листья коснулись щеки, горячей то ли от царапины, то ли от мерзкого ощущения, которое оставил язык навки.

— Помоги мне еще немножко, — тихо попросил Рихард. — Еще чуть-чуть.

Лес согласно зашумел, а ловец вдруг почувствовал, что когти, оставленные в его руках, будто что-то выталкивает. Медленно, осторожно, дерево выталкивало навь из своей коры, а заодно и из мужских ладоней.

Правая рука освободилась быстрее — когти упали на мягкий мох, и тот расступился, поглотив их. С левой пришлось подождать, но Рихард был рад этой передышке: к нему возвращались силы, а заодно и надежды. Он рванул рубашку, оголяя грудь, и принялся выписывать знак на собственном теле. Раны, оставленные когтями навки, кровоточили все медленнее, но вскоре освободилась и другая рука — со свежими ранами. Он довершил знак, выводя последнюю линию, и тот вспыхнул, обжигая. Рихард быстро повернулся к дереву и, опершись на него ранеными ладонями, постоял еще немного, переводя дыхание. Теперь Олафу будет очень, очень больно к нему прикасаться, и он несколько раз подумает — стоит ли вообще это делать.

Потом он подбежал к фонтану, осторожно перебрался через бортик, чтобы не размазать свежий знак, но все равно едва не упал, поскользнувшись на склизком дне. Вода доходила до бедер и продолжала прибывать, но темная струя, бьющая из фонтана, отклонилась, словно боясь прикоснуться к знаку.

Найдя кинжал, Рихард спрятал его за пояс и, выбравшись из фонтана, побежал к смятым кустам. След, оставленный Уго, напоминал хорошую тропу. Оставалось надеяться, что оборотень, напуганный выстрелом, быстро успокоился и отправился туда, куда манило его животную суть — за желудями к красному дубу.

Гектор начал сиять еще задолго до Серебряного моста. Карна вытащила его из-за плаща, и теперь их путь освещали два белых луча, струящихся из глазниц черепа. Луна щедро изливала на спящую Рывню холодный свет, словно соревнуясь с Гектором, туман тек по воде, а лес впереди казался совсем черным и пах так одуряюще, что хотелось забыть о цели их прогулки. Тем более дама рядом была так загадочна и прекрасна.

— Смотрите в оба, — прошептала Карна, — и приготовьте оружие. Навь где-то близко.

— Стесняюсь спросить, чему вас учили в институте благородных девиц? — Зейн не стал спорить и вставил в арбалет болт с тяжелым серебряным наконечником.

Карна покосилась на него и не ответила. А потом им и вовсе стало не до разговоров, потому что из тьмы выпрыгнула гигантская черная кошка и зашипела, выгнув спину и впиваясь когтями в доски

моста, так что те затрещали.

Болт вжикнул мимо плеча Карны и вошел точно между черных глаз нави. Кошку отбросило, она взвыла, извиваясь на спине. Зейн быстро перезарядил арбалет и, подскочив к навке, выстрелил еще раз — в грудь.

Кошка дернула лапами, ударила хвостом и застыла.

— А когда Рихард убивает навь, та превращается обратно в животное, — заметила Карна, осторожно подходя к навке. — И еще из нее вытекает какая-то дурно пахнущая черная гадость.

— Я не Рихард, как вы могли заметить, — ответил Зейн, снова заряжая арбалет и изо всех сил стараясь не показать, как дрожат у него руки. — Позже навку доставят в крематорий и сожгут, не вынимая серебра из тела. Для низших навок этого достаточно. Однако смею заметить, что ваш, кхм... фонарь не гаснет. Значит ли это, что рядом еще какая-то тварь, либо же он так реагирует и на убитую навь?

— Возможно, вы ее не добились, — сказала Карна. — Вы уверены, что сделали все как надо?

Зейн едва сдержался, чтобы не закатить глаза, однако заметил движение за плечом Карны и, бесцеремонно нажав ей на голову и заставив пригнуться, выстрелил снова.

— Вы испортили мне шляпку! — возмутилась она, выпрямляясь. Сдернув шляпку, гневно посмотрела на сломанное перо, а потом на Зейна.

Повернувшись, она направила Гектора туда, куда стрелял Зейн, однако не увидела ничего, кроме слегка шатающихся кустов.

— Испортили мне шляпку и еще и промахнулись, — проворчала она, а Зейн про себя удивился тому, что совсем недавно завидовал ловцу.

— Давайте постоим здесь немного, — предложил он.

— А Рихард?

— А люди? — ответил он вопросом на вопрос. — Если мы уйдем с моста, то навь переберется в Рывню.

— Где же ваши патрули? — едко спросила Карна. — Где хваленая безопасность?

— Отчего вы не спросите у начальника полиции? Ах да, вы же его убили...

— Не я, а мой покойный муж, — возразила Карна и вдруг насторожилась. — Вы не слышали?

— Что? — буркнул Зейн, оглядываясь по сторонам.

Он слышал тихий шум реки и шелест леса, и дыхание Карны. Она, конечно, волновалась, и грудь ее так вздымалась, что он едва заставил себя отвести взгляд.

— Под мостом, — прошептала она, посмотрев на Зейна и расширив глаза.

Он глянул вниз. Между досками кое-где были щели, через которые виднелся туман, но вот одну из них закрыло тьмой.

Зейн прижал палец к губам, сделал шаг назад, и доска под его ногой скрипнула.

— Чудесная ночь! — громко объявила Карна, отчаянно сигнализируя о чем-то бровями. — Какие звезды! Отчего не поют соловьи?

— Может, оттого, что под мостом ползет навь? — предположил Зейн. — Что вы несете? Навки все равно не понимают речь.

— А вот и понимают, — возразила Карна.

— Нет.

— Да!

— Спросим у Рихарда.

— Если он доживет до этого момента. С вашим-то темпом. Дайте пистолет, — потребовала Карна.

Вздохнув, Зейн подал ей оружие рукояткой вперед, и Карна, сняв его с предохранителя и

зажмурившись, всадила все шесть серебряных пуль через доски моста. Внизу что-то пискнуло и грузно плюхнулось в воду.

— Вот так, — сказала Карна, возвращая ему пистолет. — А теперь в кусты.

Она подняла череп над головой и решительно направилась к зарослям, в которых Зейн уловил движение. Поломанное перо подпрыгивало в такт ее шагам, а сияние становилось все ярче.

— Вы невозможная женщина, — сказал он, догоняя ее и заряжая арбалет.

— Спасибо, — ответила Карна.

В кустах прятались две навки, похожие на волков-переростков, с вытянутыми клыкастыми мордами и на длинных костлявых ногах, в которых они путались, как щенки, прячась от света Гектора. Первую навку Зейн подстрелил удачно, и та заскулила, завертелась на месте, хватаясь зубами за торчащий из бока серебряный болт. Навья шерсть, и без того облезлая, от света задымилась и стала сходить лоскутами вместе с кожей. Второй болт лишь порвал острое ухо, а вот третий вошел в грудину, и навка, опрокинувшись, загребла лапами по красным листьям и затихла.

— Неплохо, — сказала Карна, меняя руку, держащую череп. — Знаете, если бы вы потренировались, то могли бы ходить на навок с ловцом.

— Спасибо, — ответил Зейн и, вскинув арбалет, выстрелил во второго волка. Однако тот оказался хитрее и припал к земле, рыча и скаля клыки.

— Странно, что он не убегает, — заметила Карна. — Как будто его что-то держит, или ему приказали.

— Это мало похоже на сторожевую собачку, — возразил Зейн и, подойдя ближе на несколько шагов, выстрелил снова.

Навь рыкнула и вдруг бросилась на него, но ее будто оттолкнуло волной света, она завизжала так резко, что Карна зажала уши руками, а Зейн стрелял и стрелял, а потом и вовсе выхватил один болт из сумки и втыкал его в тело навки, пока та не замерла, вывесив наружу длинный черный язык.

Зейн выпрямился, вытер рукавом лоб и повернулся к Карне.

— Ни слова про Рихарда, — сказал он сердито.

Она кивнула, но Зейн, вопреки своим словам, сам заговорил о ловце:

— Вы ведь понимаете, что он скорее всего мертв? Навь здесь. А он — нет. Мы найдем лишь тело, в лучшем случае. И это вполне может подождать до утра.

Вдруг Гектор полыхнул так сильно, что стали видны щетинки на сухих колосьях травы, и мелкие камешки на речном берегу, и черепица на крыше дома, виднеющегося из-за деревьев.

— Где?! — заозирался Зейн.

— Я ничего не вижу, — растерянно ответила Карна.

Туман поднялся над рекой и обвил ее ноги, словно пытаясь удержать, но она все равно сделала шаг вперед. Ей послышался странный звук — то ли карканье птицы, то ли хриплый смех — и вдруг стало очень зябко. Захотелось сбежать и поскорее вернуться домой, и спрятаться с головой под одеяло, только бы больше не слышать этот звук.

Карна сняла шляпку, сломанное перо на которой болталось перед глазами и раздражало, отбросила ее прочь и всмотрелась в лес. Светлые стволы, багрянец листьев, в институте на историю красного леса выделили лишь час, и Карна знала совсем немного. Тут пролилась кровь — в этом она была уверена, впрочем, в мире сложно найти место, где никто никого бы не убивал. Придерживая юбку одной рукой, а другой держа череп и освещая путь, она пошла по узкой тропинке, которая должна была привести ее к Рихарду.

Они встретили навок у моста, и в словах Зейна было рациональное зерно, но Карна отказывалась верить. Невозможно представить, что Рихард, этот сильный мужчина, воплощение жизнелюбия и вместилище страстей, лежит растерзанный где-то в развалинах дома. В конце концов, это будет чудовищно несправедливо, если она снова лишится... Она не решалась произносить это слово даже в мыслях. Любимый — это Эдмон. А Рихард... Неужели его она любит тоже?

Зейн догнал ее и пошел следом, а Гектор и не думал угасать. Напротив, скоро вокруг стало светло, как днем. И когда из-за дерева вышла темная фигура, Карна сразу поняла, что это не человек. Слишком бледная кожа, неестественно желтые глаза, загнутые когти — все это она заметила потом, а сперва ей просто захотелось заорать от ужаса, потому что перед ней стояло чистое зло, и это нельзя было разложить на детали и проанализировать.

Возле уха свистнул арбалетный болт, срезав прядь волос, но монстр перехватил его у самого сердца, так легко, словно ему бросили мяч. Второй болт он поймал также, хотя для этого ему пришлось вытянуть руку в сторону.

— Вы весьма посредственный стрелок, вам говорили? — спросил он и вдруг метнул арбалетные болты с обеих рук, так что они вжикнули над плечами Карны, и Зейн позади вскрикнул. Ахнув,

Карна обернулась и увидела Зейна, припиленного болтами, вошедшими точно под ключицами, к стволу дерева. Повернувшись вперед, она едва не уткнулась в навь, которая оказалась совсем близко. Отпрянула, но когтистая пятерня обхватила ее талию. Карна с размаху наступила каблуком навке на ногу, ткнула Гектором в костлявый нос. Навь брезгливо отвернулась и легко выбила череп из ее руки. Гектор упал в траву и откатился к ногам Зейна, продолжая источать свет.

Карна влепила навке пощечину, но чудовище лишь рассмеялось — снова этот хриплый звук, от которого мороз по коже — и запустило руку ей в волосы, царапая когтями кожу.

— Пойдем, — сказал он, волоча ее к дому. — Это будет увлекательно. Ты знаешь, ловец в тебя влюбился. Это так трогательно и возвышенно... И так глупо! Он мог убежать, но я пригрозил, что отправлюсь за тобой, и он остался, чтобы умереть.

— Где Рихард? — выкрикнула Карна.

— Хотел бы я знать, — протянул монстр, остановившись у фонтана, который теперь работал.

Вода воняла тинной, на бортике виднелись следы крови, а вокруг валялись вещи ловца: сумка, куртка, пальто Уго...

— Кто вы? — спросила Карна.

Навка быстро повернулась к ней, и желтые глаза вспыхнули.

— Олаф, — ответил он. — Слышала обо мне?

Карна не смогла сдержать стон, и ноги ее подкосились, но навка не дала ей упасть, рванув волосы так, что из глаз брызнули слезы.

— Ловец не мог уйти далеко, — протянул он. — И мы заставим его вернуться.

Олаф подтянул ее к себе, так что Карна уперлась ладонями в твердую и холодную, как камень грудь, и впился в ее губы поцелуем.

Когда он оторвался от нее, Карна заорала что есть сил, от ужаса и отвращения.

— Кричи, — улыбнулся Олаф, скаля острые зубы, и медленно обвел тонкие губы черным языком. — Кричи громче.

Рихард бежал по следу, который становился все менее явным. Кабан успокоился и тут, по-видимому, шагал не торопясь. Тропа вильнула в сторону, у ручья, бьющего из-под белых камней, обнаружилось множество отпечатков копыт, которые затем оказались по другую сторону воды. Рихард перешагнул ручей и прибавил шагу.

Олаф вернется, и если не обнаружит его, то может отправиться напрямик к нему домой. Оставалось надеяться, что навки у моста задержат его на какое-то время. В академии он читал воспоминания первых ловцов о том, что высшая навь может повелевать низшими, но впервые увидел это воочию. А если Олаф возьмет навок и пойдет с ними в город? Во что превратится Рывня к утру?

Он услышал шум впереди и крадучись подошел ближе. Под развесистым дубом рылся огромный кабан. Он подкапывал носом листву, с наслаждением чавкал, хрустя желудями, и хвостик его подрагивал от удовольствия.

Ветка под ногой Рихарда хрустнула, и кабан резко повернулся.

— Уго, — Рихард выставил вперед ладони. — Это я, Харди.

Кабан дернул пяточком, и без того маленькие глазки злобно прищурились.

— Мы друзья, помнишь? — миролюбиво произнес Рихард, медленно обходя кабана и приближаясь к дубу. Дереву было несколько сотен лет, наверняка: толстенный ствол в три обхвата, широкая плотная крона, заслоняющая и звезды, и луну. Рихард приметил один сук, торчащий немногим выше развилки, когда кабан бросился на него, пригнув голову.

Рихард оттолкнулся от земли, схватился за ветку и одним рывком забрался на нее, поджав ноги. Ветка опасно прогнулась, и он быстро переполз поближе к стволу.

Кабан под ним остановился, недоуменно вертя крупной башкой. Пятачок его дергался, и в итоге кабан догадался задрать голову.

— Вот ты свинья, — упрекнул его Рихард. — Не узнать лучшего друга...

Кабан разогнался, решив штурмовать дуб, но остановился у ствола. Он снова зарылся пяточком в листву, не забывая неодобрительно поглядывать на человека.

Рихард тем временем добрался до приглянувшегося сука, попытался его отломать, но тот держался крепко. Вынув кинжал, он принялся пилить древесину.

— Я тебе это припомню, — буркнул он, и кабан поднял голову, не переставая жевать. — Даже не знаю, как ты искупишь свою вину.

Спрятав кинжал за пояс, Рихард взялся обеими руками за сук, потянул.

— Твердый, зараза... — пробурчал он. — Дерево, — сказал Рихард, чувствуя себя последним дураком. — Мне это очень надо. Мы с тобой одной крови.

Магия ведьмы все еще была с ним: кровь его резво текла по венам, и силы вернулись к нему с лихвой, и он отлично видел даже в тени дуба, который ни в какую не хотел делиться какой-то веткой...

Устроившись в развилке спиной, ловец уперся ногой в сук, и тут послышался далекий крик, от которого сердце сначала замерло, а потом пустилось вскачь. Сук хрустнул и отломился, и Рихард, схватив его, кубарем скатился с дуба и бросился прочь.

Кабан вскочил, повернулся к кустам, где исчез человек, сделал несколько неуверенных шагов следом, но дуб манил его куда сильнее. Он плюхнулся на бок, поерзал на листьях, а потом перевернулся на спину и подрыгал ногами, как щенок.

Она кричала и плакала, и пыталась оттолкнуть тело, которое даже не было живым. Мерзкое ощущение от чужого слизкого языка во рту не проходило, и ее вырвало прямо в фонтан, и Олаф заботливо подержал ей волосы, а когти скользили по ее шее, и от этого хотелось выть.

— Эдмон, — прошептала она в темную воду, по которой от ее слез расплывались круги. — Спаси меня. Приди...

И вдруг царапающие прикосновения, от которых она едва не билась в истерике, прекратились, и навка отстранилась. Карна тут же бросилась в сторону, но когтистая лапа вцепилась в ее волосы и рванула к себе.

Карна вскрикнула и снова забилась в холодных объятиях, ударила локтем, пнула ногой.

— Вернулся за любимой? — Олаф хрипло рассмеялся, а Карна увидела ловца. Вид у него был шальной: волосы всклокочены, рубашка распахнута, на груди размазана кровь. В правой руке он сжимал сук, и Карна застонала от разочарования.

С палкой на высшую навь?

Однако Олаф оттолкнул ее и не спешил напасть на ловца. Они стали плавно передвигаться по кругу, как по арене, будто связанные невидимой нитью.

— Кто бы мог подумать, что ее первым любовником станет навь, — протянул Олаф и хрипло рассмеялся.

— Ты удивишься, — ответил Рихард, сжимая сук крепче. — Но ты не первая навь с такими желаниями.

Карна хотела возразить, но сдержалась. Они кружили, не решаясь напасть, а она осмотрелась и, найдя пустое осиное гнездо, схватила его и швырнула в Олафа. Тот отмахнулся не глядя, и гнездо улетело куда-то в ночь, подсвеченную сиянием Гектора. Услышав слабый стон, Карна кинулась к Зейну, который так и висел на арбалетных болтах, и, схватившись за древко, потянула на себя. Бесполезно: болт слишком глубоко ушел в кору. Зейн застонал, приоткрыл глаза.

— Беги, — прошептал он.

— Отчего мне все это говорят, — проворчала она и, обхватив конец болта обеими руками и раздвинув колени Зейна, уперлась в ствол ногой. Рванув изо всех сил, она вытащила первый болт.

Зейн вскрикнул, оперся носком о землю. Карна, не мешкая, вырвала и второй болт, и полицейский рухнул, потеряв сознание. Перевернув его на спину, Карна быстро расстегнула его форму, рубашку, порвала майку, кляня про себя его мерзлявость, и замерла, глядя на дыры, из которых медленно сочилась кровь. Прикусив губу, посмотрела на ловца. У них с навкой произошел какой-то прогресс. Теперь они иногда делали выпады в стороны друг друга, а Рихард еще и скинул рубашку.

Склонившись к Зейну, Карна осторожно подула на раны, а потом, схватив в одну руку болты, а в другую — Гектора, вернулась к полю сражения.

Высоко подняв череп над головой, она направила его на противников. Олаф лишь поморщился, зато на груди Рихарда бордовым светом вспыхнул символ, который она уже видела: похоже на ствол дерева с несколькими ветками, расходящимися в разные стороны.

— Я не стану тебя убивать, — пообещал Олаф ловцу, кривя тонкие губы. — Сломаю все кости и заставлю смотреть, как я забавляюсь с твоей красоткой. Для тебя это будет хуже смерти.

Карна сглотнула. Олаф Златоглазый. Она читала о нем в отчетах Рихарда и узнала его сразу, хоть раньше и не видела. Выходит, тот, кто организовал навью свадьбу, выпустил и его. Случайно или нет, но теперь ловцу придется убить его еще раз. Она с облегчением увидела во второй руке Рихарда кинжал. Может, все не так и плохо, раз навь до сих пор его не убила.

Олаф остановился у фонтана, снял шляпу и зачерпнул ею воды. А потом вдруг резко плеснул ею в ловца. Тот успел повернуться боком, но все же часть знака размылась, и свечение стало меньше.

— Давай же, Рихард! — воскликнула она. Переложив Гектора в левую руку, швырнула в Олафа арбалетным болтом, но тот пролетел гораздо правее.

А навь растопырила пальцы, на которых лезвиями заострились когти, и пошла на ловца. Рихард повернулся спиной к Карне, расставил ноги и слегка пригнул голову, словно собираясь стоять здесь до последнего вздоха.

— О нет, — прошептала Карна.

Надо что-то сделать, как-то отвлечь навь! Что же там было в отчетах? Высшая навь, обитал в ельнике... Убил кучу народу, сейчас и не вспомнить... Доминирующая страсть — похоть. Карна поставила Гектора на ступеньку, положила рядом с ним оставшийся болт и, выпрямившись, быстро расстегнула плащ. Скинув его, рванула блузку и потянула вниз лифчик, высвобождая грудь.

Взгляд Олафа тут же переместился к ней, желтые глаза расширились, черный язык скользнул по тонким губам. Рихард рванулся вперед и, налетев на монстра, вонзил сук ему в грудь. Навь опрокинулась, завизжала, когти впились в спину Рихарда, сдирая кожу вместе с плотью.

— Я вижу тебя, тварь! — выкрикнул Рихард. — Вижу!

Он вонзил кинжал чуть повыше сука, провернул, держа рукоять обеими руками. Его затрясло вместе с Олафом, и по земле от них разбежались трещины. Фонтан выплеснул высокую струю воды, едва не смыв звезды, лес покачнулся, будто от порыва сильного ветра.

Карна быстро поправила белье, запахнула блузку и, схватив Гектора, подбежала к ловцу.

Он лежал на навке, глядя ей в глаза и держа рукоять кинжала, кристалл в которой медленно наливался чернотой. А свет, идущий из глазниц Гектора, постепенно потухал, пока совсем не погас.

Карна осторожно прикоснулась к плечу Рихарда, и он выдохнул. Выдернул кинжал из неподвижного тела и сунул в ножны за поясом. Поднявшись, молча сгреб Карну в охапку и прижал к себе, зарывшись лицом в ее волосы.

— Когда я пойду на дело в следующий раз, то привяжу тебя к кровати, — сказал он, слегка ослабив объятия.

— И это твоя благодарность? — возмутилась она, оттолкнув его в грудь. — Я тебе жизнь спасла!

— Спасибо, — ответил Рихард. — А теперь отойди и не мешай, сейчас я уничтожу эту тварь навсегда.

— Подожди, там Зейн! — вспомнила Карна и бросилась к дереву у реки.

Присев возле мужчины, она убрала слипшиеся рыжие волосы со лба и испуганно отдернула руку.

— Рихард! Он холодный!

Нахмурившись, ловец подошел и, присев рядом, посмотрел на раны.

— Крови ведь совсем мало! — воскликнула Карна. — Он мертв?

— Нет пока, — Рихард нашел пульс на шее, повернул мужчину на бок, и Карна, ахнув, прижала руку к губам.

На спине вся форма Зейна пропиталась кровью, и земля под ним тоже была влажной.

Рихард похлопал его по щекам, но голова Зейна лишь бессильно качнулась.

— Его надо доставить в город, скорей!

— Он умрет по дороге, — возразил Рихард.

— И что, пусть просто истекает кровью под этим деревом?

— Здесь у него еще есть надежда, — ответил Рихард.

Он оторвал кусок майки Зейна, промокнул ею глубокие царапины на своем боку, оставленные когтями Олафа и, подождав, пока ткань пропитается, положил ее прямо в открытую рану полицейского.

— Что ты делаешь? — недоуменно спросила Карна.

— Кровь ведьмы еще во мне, — пояснил Рихард. — Я чувствую ее магию. Здесь, в красном лесу, она особенно сильна, тем более в полнолуние.

Он снова похлопал Зейна по щекам, попытался найти пульс и, ругнувшись, вынул кинжал и чиркнул по своему запястью. Он поднес руку к ране, и его кровь текла, смешиваясь с кровью полицейского.

— Как он вообще здесь оказался? — спросил Рихард.

— Зейн искал Уго, но увидел труп Грегора — его убил Эдмон. А потом я показала ему твой оружейный склад, и Зейну так понравился арбалет, что он согласился пойти со мной тебя спасать. И это было очень удачно, ведь сама я бы ни за что не убила тех навок у моста. Хотя одну я все же подстрелила.

Рихард повернул голову и пристально посмотрел на Карну.

— Может, все же выйдешь за меня? — спросил он после паузы. — Вторую такую я не найду, это точно. А как тебе удалось отвлечь Олафа?

Карна смутилась и, повернувшись к Зейну, снова убрала волосы с его лба, погладила кончиками пальцев прохладную кожу, чуть влажную от выступившего пота.

— Хватит гладить этого рыжего, — сердито сказал Рихард. — Что ты сделала, когда у Олафа чуть глаза из орбит не вылезли? Ответь. Вдруг это пригодится мне со следующей навкой.

— Я показала ему грудь, — призналась Карна, отчаянно покраснев, и Рихард, приподняв брови, рассмеялся.

— Как хорошо, что я стоял к тебе спиной, — заметил он, все еще посмеиваясь. — Иначе бы мы с Олафом оба на тебя глазели.

Зейн закашлялся, застонал, и Рихард убрал руку. Полицейский открыл глаза, облизал пересохшие губы.

— Отлично, — с облегчением сказал ловец. — Жить будет. Эй, Зейн, знаешь что? Можешь звать меня Харди, если хочешь.

Рихард вытряхнул арбалетные болты из сумки и, сходя к ручью, набрал в нее воды. Потом натаскал бревен и сухих веток и перетащил на них тело Олафа, оставив сук красного дуба в сердце. Карна помогла Зейну напиться и подойти ближе, и теперь, сидя на разбитых ступеньках дома, они наблюдали за Рихардом. Когтистая рука съехала с бревна, и Карна зябко передернула плечами. Заметив это, Рихард набросил ей на плечи красное пальто Уго.

— А где кабан? — сипло спросил Зейн.

— Удрал в лес, — ответил Рихард. — Не смог удержаться.

Порывшись в сумке с оружием, он вынул коробок спичек и маленькую бутылочку. Плеснув из нее прозрачной жидкостью на ветки, чиркнул спичкой. Маленькая искорка пролетела по дуге вниз, и пламя вспыхнуло резво и ярко, так что Карна прищурилась и покосилась на Гектора, который стоял рядом с ней на ступеньках — глазницы его были темны. А потом перевела взгляд на ловца. Он стоял у огня, в подданных брюках и куртке на голое тело. Весь перепачканный грязью и кровью, и пламя отражалось в его черных глазах. Вытянув ладони вперед, он хищно улыбнулся, грея руки об огонь, в котором горела высшая навь.

Карна невольно усмехнулась. Да, происхождение у него сомнительное, как и воспитание, и моральные устои, но сейчас он казался ей самым прекрасным мужчиной в мире. Согревшись, она сама не заметила, как задремала, и проснулась от того, что кто-то поднял ее на руки.

Инстинктивно обняв крепкую шею, Карна открыла глаза. Небо уже светлело, и туман над рекой окрасился в розовый. Лес позади пах прелой листвой и сыростью, а ловец — гарью и потом. Подбородок его потемнел от щетины, а под глазами пролегли тени, но шел он быстро и уверенно, и нес ее так легко, словно она ничего не весит.

— Поставь меня, — попросила Карна. — Понеси лучше Зейна.

— Еще чего, — буркнул полицейский, и Карна, повернув голову, увидела его чуть позади, бредущего следом с Гектором в руках.

— А оружие, и тот череп, что я нашла в кустах, и...

— Мы вернемся сюда с отрядом, — ответил Рихард. — Возьмем нюхача и обыщем округу. Тот череп наверняка был не единственным.

Карна все же выскользнула из его объятий и пошла рядом, забрав Гектора у полицейского. Рихард взял ее за руку, и Карна сжала его пальцы.

Когда они перешли Серебряный мост и достигли Шального перекрестка, Зейн сказал, что пойдет в участок, заверив, что чувствует себя нормально.

— Надо проверить, все ли в порядке, — буркнул он. — Когда я уходил, то лично проконтролировал, что камеры с оборотнями заперты, но мало ли... К тому же надо отправить отряд за навками, которых я подстрелил. И еще кого-нибудь за трупом, что лежит в твоей гостинной.

— Теперь ты станешь начальником полиции Рывни? — спросил Рихард. Он глянул на ворота с черепом, ведущие в Общину. Надо будет зайти к ведьме, поблагодарить.

— Если из столицы не пришлют кого-нибудь другого, — ответил Зейн.

Он коротко поклонился Карне и, слегка пошатываясь, пошел по улице, ведущей в верхнюю часть города. Синяя форма полицейского, которая обычно сидела на нем элегантно, как смокинг, была насквозь пропитана кровью и измарана листьями. Фуражку он где-то потерял, и рыжие волосы сбились на сторону.

Город еще спал, лишь какая-то ранняя птичка выводила песню на другом берегу реки, и все выглядело таким мирным и спокойным, что сердце Карны сжалось, а пережитые эмоции вдруг хлынули слезами. Рихард обнял ее и ждал, пока она успокоится, глядя ее по волосам и целуя в макушку.

— Хочешь, дам свою кровь? — предложил он и пояснил: — Ведьма наверняка спит, а спросонья она

злая. Ее магия во мне еще действует, хоть и слабеет.

— Не надо, — покачала Карна головой, вытирая щеки. — А ты в порядке? Как себя чувствуешь?

— Нормально, — он приподнял рукав куртки и показал совершенно чистое запястье, на котором не осталось и следа от пореза. — Только на душе муторно.

— Из-за Олафа? — встревожилась Карна. — Тебе ведь пришлось заглянуть в его суть.

— Да я его уже видел, — нехотя ответил Рихард и, взяв ее за руку, повел по улице. — Ничего там нового.

— Скажи, а в чем вообще суть этого действия? — заинтересовалась Карна. — Я тебя вижу... Глаза в глаза...

— Нам это целый курс объясняли в академии, — ответил ловец. — Так сразу и не объяснишь. Вкратце: если знаешь себя и знаешь противника, то победишь.

Карна нахмурилась, силясь понять.

— На самом деле, гораздо сложнее выполнить первую часть правила, — криво усмехнулся Рихард, поднимаясь по ступенькам.

Дома он первым делом погладил Фифи, кинувшуюся к ним с радостным повизгиванием, а после подошел к телу, накрытому шторой. Воняло навью, и вокруг лежали осколки разбитого стекла.

— Грета потребует прибавки, — вздохнул Рихард и присел возле тела. Откинув штору с лица, поморщился. — Не могу сейчас, — пожаловался он. — Слишком устал.

Карна поставила Гектора на столик, сняла плащ и провела рукой по волосам.

— А я лишилась еще одной шляпки, — пожаловалась она.

Рихард хмыкнул и повернулся к ней.

— Я куплю тебе другую. И сумочку. И половина гонорара за Олафа — твоя.

Покачав головой, Карна сняла ботинки, на каблуки которых нанизались красные листья, и поднялась на второй этаж. Она отправилась в ванную и долго стояла под струей воды, смывая с себя запах навки. Почистив зубы, пошла в спальню и легла в постель. Глаза ее сами закрывались, но она все прохватывалась ото сна, видя то навьего кота, то умирающего Зейна, то оскал Олафа и его черный язык. А потом кровать рядом с ней скрипнула и прогнулась, тяжелая рука обняла ее, прижимая к сильной груди, и Карна провалилась в спокойный глубокий сон.

Проснувшись, Рихард посмотрел на женщину, спящую в его объятиях и, тихо поцеловав ее родинку над бровью, осторожно встал с кровати. Обычно после работы ему всегда было погано, во рту стоял привкус дерьма, и мир казался еще отвратительнее, чем обычно, но сейчас у него словно повилась внутренняя опора, светлая и чистая, — и это были его чувства к Карне.

Она спасла ему жизнь: отправилась за ним к навкам, рискуя собой, и догадалась, как отвлечь Олафа. Она умная, смелая, сообразительная, а ее грудь — это просто оружие массового поражения.

Рихард почистил зубы, помылся и, одевшись, спустился вниз, обдумывая очевидное: он ее не достоин. Как ему ни претила эта мысль, он привык быть с собой честным.

Впрочем, это было ясно и раньше. Между ними колоссальный разрыв на социальной лестнице, и столько ступенек ему не перепрыгнуть. Он — приютский оборванец, она — Кеза, и может проследить свой род до глубины времен. Если бы не глупая прихоть аббатисы, они никогда бы не встретились. И когда он узнает, кто стоит за покушением, она должна будет уйти, так будет лучше для нее. Встретит нормального человека из своего круга, родит ему детей, они будут пить чай на солнечной террасе, а он, ловец, сделает все, чтобы никакая тень не омрачила их жизнь...

— У тебя сейчас такая рожа... — протянула Грета, появляясь из кухни. — Как будто ты вот-вот заплачешь.

— А была б ты слепой, никогда бы этого не увидела, — ответил Рихард и пристально посмотрел на служанку.

Правильные черты лица, слегка размытые, будто акварельные. Русые волосы закручены в узел. И яркое платье цвета вишни с расходящимися салатowymi кругами — словно специально, чтобы отвлечь внимание от внешности и белых глаз, которые, как выяснилось, видят. Но как?..

— Кто ты такая, Грета? — спросил он, сам не зная, хочет ли услышать ответ.

Он смутно помнил, как она уходила от ведьмы, и белый туман стелился под ее ногами, и казалось, что она идет, не касаясь земли...

— Все мы лишь пыль на ветру, — вздохнула она.

— Сколько тебе лет?

— Неприлично задавать такие вопросы женщине, — возмутилась Грета.

— Где ты живешь?

— В мире, полном тьмы и грязи, но вчера ты сделал его немного чище, молодец, — похвалила она его. — Иди позавтракай.

Рихард укоризненно посмотрел на нее, понимая, что так и не добьется правды, послушно повернул к кухне и остановился.

— Где труп? — воскликнул он, глядя на безукоризненно чистый пол.

— Пришли молодчики в синем и забрали. Он был дорог тебе? — озаботилась Грета. — Харди, каша стынет. И не пыхти так возмущенно, можно подумать, ты собирался держать его тут вечно. Кстати, стекло опять целое, если ты не заметил, и я требую прибавки. Я, конечно, понимаю специфику твоей работы, и чего тут только не было: грязь, кровь, и самое ужасное — то, чего мне никогда не забыть, — голый Уго, храпящий на диване. Но труп? Имей совесть и пожалей старую женщину!

— Так сколько тебе лет, говоришь?

Грета хмыкнула и покачала пальцем.

— Чего ты хочешь? — спросил Рихард. — Чтобы я пообещал, что больше так не буду? Так это не я его убил, а мертвый муж Карны. За него я ручаться не могу, хотя и надеюсь, что он упокоился. И вообще, мне надо идти.

Он повернулся к двери, но Грета стала у него на пути.

— Сначала завтрак! — заявила она.

Рихард пристально посмотрел в белые глаза служанки, пытаясь проникнуть в ее суть, но его словно оттолкнуло мягкой теплой волной.

— Ладно, — буркнул он.

Сев за стол, он съел овсянку и выпил чай, от которого пахло травами и цветами и совсем немного — красным лесом, и лишь тогда Грета позволила ему уйти.

Он вышел на улицу и прищурил глаза от сверкающего на солнце знака ловца. На улице играли дети, тощая рыжая курица заполошно закудаhtала, удирая от кота. Толстая угрюмая женщина выплеснула грязную воду из таза прямо на улицу и неодобрительно посмотрела на Рихарда.

— Доброе утро, — поздоровался он, застегивая на себе пальто Уго. Его собственное осталось где-то в старом доме, подранное когтями дрюча, куртка пришла в негодность после Олафа. Надо намекнуть новому начальнику полиции, что неплохо бы повысить жалование ловцу.

— Три часа дня, какое тебе утро, — фыркнула тетка и захлопнула дверь.

— Ох ты ж навье дерьмо, — выругался он и побежал вверх по улице к полицейскому участку.

Дым из крематория поднимался к небу серым столбом, видимым издалека, и дурные предчувствия, охватившие Рихарда, оправдались: в участке было пусто и безлюдно, а дежурный ответил, что все на похоронах начальника, которые было решено организовать срочно, чтобы навь не проникла в тело.

Рихард вышел из участка, сжимая кулаки, и, подумав, побежал к крематорию, надеясь, что в Рывне сегодня не один покойник. Однако у входа стояли полицейские, и лица их несли печать искреннего горя: Грегор был хорошим начальником — с ним всегда можно было договориться, он не жадничал, а его юбилей в «Золотом гусе» до сих пор вспоминали в участке.

Завидев рыжую голову Зейна, Рихард пробился к нему, бесцеремонно растолкав толпу.

— Я еще не посмотрел ему в глаза, — прошипел он на ухо Зейну, схватив того за плечо. — Я не знаю, с кем он был связан.

— Воля вдовы покойного, — тихо ответил Зейн. — И слезь с меня. Уважай личные границы. Или хотя бы то, что еще этой ночью в моих плечах были две дырки.

Он слегка отпихнул Рихарда локтем.

— Я тебе свою кровь отдал, — напомнил ловец.

— Благодарю, мне это действительно помогло, — сказал Зейн. — Знаешь, что я нашел в кабинете Грегора?

— А ты уже наводишь там свои порядки?

— Новый тест для твоей проверки. Целый и невредимый.

— Вот как, — буркнул Рихард.

— Понимаю, тебе надо время прийти в себя... Скажем, два дня. На третий я жду тебя в участке.

Рихард молча посмотрел на него, но Зейн отвернулся, глядя на двери крематория, где появилась вдова Грегора, на начесе которой теперь красовался черный бантик.

Рихард попятился и пошел прочь.

Встречаться с вдовой ему не хотелось, как и приносить ей фальшивые соболезнования и объяснять, как вышло, что навь убила ее мужа в доме ловца.

Он снова спустился в нижнюю часть города и прошел под воротами с черепами. Ведьмы не было у шатра, но Рихарду сейчас была нужна не она. Он свернул к длинному деревянному строению, рядом с которым играла орава детей.

— Я тебе хвост-то накручу! — задиристо выкрикнул один пацаненок, клыки которого торчали чуть дальше, чем у обычного ребенка.

— Захлопни пасть, собака блохастая! — не струсил второй, приземистый крепыш со щеткой бурых волос.

— Уго дома? — спросил Рихард, подхватывая мальчика за шкурку и приподнимая, так что клыкастый обидчик пронесся мимо, вписавшись в забор с чугунками, и из дома на шум выбежала высокая остроухая женщина.

Пацан кивнул, указав на вход, и Рихард, поставив его за юбки женщины, толкнул дверь. Он прошел по длинному коридору общинного дома, стараясь не морщиться от звериных запахов, пропитавших стены, и постучал в крайнюю дверь.

— Оставьте меня, — донесся до него страдающий голос. — Подите прочь.

Рихард открыл дверь и вошел, расстегивая пуговицы пальто, болтающегося на нем, как на вешалке. Комнатка была явно мала для Уго, но в ней оказалось довольно уютно: вязаная салфетка на комод, в вазочке на подоконнике красные кленовые листья, на полу пушистый ковер, пусть и слегка поеденный молью. С трудом лавируя между массивной мебелью, ловец сел на стул, предварительно взяв с него маленькую книжицу.

— Стихи? — с удивлением прочел он и пролистал страницы.

Уго выглянул из-под одеяла, застонал, и тут же снова натянул его по самые уши.

— Что случилось, друг? — невинно спросил Рихард. — Я пришел вернуть тебе твоё пальто, а ты в постели. Заболел? Обьелся желудей?

— Харди, мне так стыдно...

— О, Уго, да ты, похоже, даже не понял, что вчера спас мне жизнь, — сказал Рихард, захлопнув книжицу и положив ее на комод.

Одеяло чуть сползло, так что показались волосатые кончики ушей.

— Ты ведь знаешь, лучшее оружие против высшей нави — красный дуб, и что бы я делал, если бы не ты, мой друг. Ты проложил для меня тропу в самое сердце леса, где я взял сук, которым пронзил черное сердце навки.

Уго высунул морду и настороженно посмотрел на Рихарда.

— Я спас тебе жизнь? — недоверчиво переспросил он.

— Да, — кивнул Рихард. — Конечно, когда ты обернулся, я расстроился. Но я понимаю, ты не мог противостоять своей животной сути в полнолуние, да еще и в лесу.

— Так я спас тебе жизнь! — приободрился Уго и, скинув одеяло, вскочил с кровати.

Рихард тактично отвернулся, пока он хлопал дверцами шкафа и одевался.

— Ты всегда можешь на меня положиться, — благодушно сообщил оборотень. — А я ведь сразу вспомнил, что против нави нужен красный дуб. И тут чую — запах. И бегом туда.

— Бежал ты быстро, — подтвердил Рихард. — Ломал и крушил все на своем пути.

— Чтобы тебе было легче пройти, — кивнул Уго. — Но не думай, ты ничем мне не обязан. Для того ведь и нужны друзья.

Рихард поднялся со стула и, сняв пальто, подал его Уго.

— Так отчего ты в постели? Неважно себя чувствуешь?

— Нет, все отлично, — оборотень вдруг пустил зычную отрыжку и виновато прикрыл рот. — Хотя я действительно слегка обьелся этой ночью. Но у меня столько дел! Надо ведь объясниться с Карной, потом выяснить отношения с Венкелем...

— Давай пойдем к Карне вместе, — предложил Рихард. — Я хочу быть там, когда ты будешь ее бросать.

— Да, ей понадобится дружеская поддержка, — вздохнул Уго, надевая пальто. Он попытался застегнуть его, но пуговицы не сошлись на животе. — Бедная, бедная женщина, — он повернулся к Рихарду и осклабился. — Или ты хочешь ее утешить, а? Воспользоваться ее горем и затащить в постель?

— Как пойдет, — не стал отрицать Рихард и первым вышел из комнаты.

Уго догнал его в коридоре и пошел рядом.

— Все же тебе со мной очень повезло, — сказал он. — Как ловко я тебе помог!

По дороге к дому ловца Уго свернул в кондитерскую и купил шоколадный торт.

— Подсластить пиллюлю, — сказал он скорбно.

— Возьми еще вина, — посоветовал Рихард.

— Да, ты прав, дайте красного сладкого, — попросил Уго продавщицу. — Ей наверняка захочется выпить, поплакать. Ох, аж сердцу больно, когда думаю, как много она потеряла.

Рихард глянул на предложенную бутылку, покачал головой и указал на другую.

— Что-нибудь еще? — спросила женщина.

— Засахаренных орешков, — добавил оборотень и, расплачиваясь, пояснил ловцу. — Отнесу потом детям.

Сунув кулек с орешками в карман пальто и взяв в одну руку торт, а в другую — бутылку вина, Уго вышел из магазина.

— Цветы покупать не буду, — сказал он, шагая по улице. — Это — лишние надежды.

— Не надо ее обнадеживать, — поддакнул Рихард, зябко ежась в рубашке и прибавляя шаг. — Знаешь, я побегу вперед и немного ее подготовлю.

— Хорошо, — кивнул Уго. — Постарайся быть тактичным.

Рихард побежал вниз по улице, едва сдерживая улыбку, и, перепрыгнув через ступеньки, толкнул дверь.

— Карна! — выкрикнул он.

Раздались легкие шаги, и она показалась на верху лестницы.

— Уго идет тебя бросать! — сообщил Рихард.

— Какое счастье! — выдохнула она, прижав руки к груди.

— Даже не думай такое сказать! — возмутился он. — Иначе он может передумать и снова начать тебя добиваться.

Карна быстро сбежала по ступенькам и с мольбой посмотрела на Рихарда.

— Что мне делать? Как себя вести?

— Будь тиха и печальна, но не слишком горюй, а то его нежное сердце может дрогнуть. Кивай и соглашайся, что ты его недостойна, — торопливо инструктировал он ее и быстро оглядел сверху донизу. — Вот жмыха мне в печень...

— Что такое? Я плохо выгляжу? — встревожилась она, оглядев свою серую блузку со скромным кружевным воротничком и черную юбку до щиколоток. Потрогала волосы, скототые в узел на затылке. — Рихард, тебе совершенно необходимо большое зеркало в доме. Это ведь просто невозможно — привести себя в порядок, глядя в то крошечное зеркальце в ванной.

— Ты выглядишь прекрасно, — сказал он, обнимая ее. — Немножко похожа на институтку. И это меня беспокоит. Как бы Уго не передумал.

В дверь громко постучали, и Рихард и Карной шарахнулись друг от друга.

Уго вошел и посмотрел на Карну с мрачной решимостью. Сунув ей торт и вино, снял пальто и разулся.

— Прошу, проходи, — сказала Карна, искоса глянув на ловца.

Уго кивнул и, пройдя в гостиную, сел на диван, вытянув ноги с короткими широкими ступнями. Он вздохнул, набрал в грудь воздуха и снова выдохнул. Его живот, обтянутый вязаной кофтой горчичного цвета, надулся и опал.

— Может, чаю? — предложила Карна. — Вина?

— Нет, это тебе, — сказал Уго.

— Вся бутылка? — удивилась она.

— И торт тоже, — добавил Уго. — Тебе надо набрать килограмм двадцать, не меньше.

— Вот как? — Карна опустила в кресло, сложила руки на коленях, ожидая продолжения.

Рихард стал позади нее и положил руку ей на плечо.

— Давай же, друг, не тяни, — подбодрил он оборотня. — Не руби хвост частями.

— Нам надо расстаться! — выпалил Уго.

Карна попыталась сдержать рвущуюся улыбку, и лицо ее исказила гримаса.

— Ох, как тебе больно это слышать, — оборотень вскочил и принялся ходить туда-сюда по комнате. — Пойми, Карна, мы слишком разные. Я — успешный мужчина, ты — не пришей кобыле хвост, я — опытный искусственный любовник, ты, скажем так, полный дилетант. У меня золотые руки, а ты тратила годы в институте, вместо того, чтобы научиться вести хозяйство... Скажи, это правда? То рагу приготовила не ты? — он остановился и обличающе посмотрел на Карну.

— Да, — коротко ответила она, опустив ресницы.

Уго покачал головой.

— Не мне тебя судить, конечно, — горько сказал он. — У меня у самого рыльце в пушку... Но как ты могла?!

— О чем ты? — заинтересовалась Карна. Рихард слегка сжал ее плечо, и она им дернула, сбрасывая его руку. — Да погоди ты, мне интересно. Так что, у тебя все же есть недостатки?

— Нет, — ответил Уго. — Но я очень пылкий. Темперамент не спрячешь, как хвостик. И так вышло...

Карна демонстративно охнула и вскочила.

— Ты мне изменил?!

— Карна, тыковка моя... — залебезил Уго, и глазки его виновато забегали.

— Ах ты свинья! — воскликнула она. Из кухни выбежала Фифи и гавкнула на Уго.

— Пойми, чувства хлынули бурным потоком, — Уго попятился к двери, нащупал ботинки не глядя. — Я полюбил так страстно, так внезапно.

— И чем же она лучше меня? — спросила Карна, уперев руки в бока.

— Всем, — ответил Уго. — Она умеет готовить, у нее есть дети, она не стала корчить из себя неизвестно что и сразу дала. К тому же у нее такая большая... — он развел руки в стороны, заодно захватив свое пальто с вешалки.

— Пошел вон, гадкий изменщик! — выпалила Карна. — Вот и верь после этого людям!

— Знаешь, тебе и вправду лучше уйти в монастырь, — сказал Уго, обернувшись на крыльце. — Боюсь, второй раз тебе так не повезет. Не сумела удержать свое счастье. Но если ты всерьез начнешь за меня бороться, то может у тебя и есть крохотный шанс.

— Проваливай, — сказала она и захлопнула за ним дверь.

— Зачем ты так с ним? — улыбнулся Рихард.

— Даже не знаю, — пожал плечами Карна. — Может, это удержит его от измен его новой избраннице. Кто она?

— Я ее не видел ни разу. Но, думаю, они будут отличной парой.

Рихард сходил на кухню за бокалами и тарелками, откупорил вино и разрезал торт.

— За тебя, — сказал он, подняв бокал. — За самую невероятную женщину в мире.

Карна улыбнулась и пригубила вино.

— У Уго правда есть хвостик? — спросила она.

— Есть, — кивнул Рихард. — Он его немного стесняется.

Карна поковырялась ложечкой в торте, совсем не чувствуя аппетита. Грета накормила ее овсянкой и дурными предзнаменованиями перед тем, как уйти. И теперь они с ловцом снова дома одни. Не считая Фифи, которая свернулась в кресле бубликом и уже начала похрапывать.

Рихард сел совсем рядом, и его бедро иногда касалось ее ноги. И Карна не могла не думать о том, что она ему пообещала на том берегу, на пикнике, который был вчера, а кажется — в прошлой жизни.

— У нас есть одно незаконченное дело, — сказал Рихард, и сердце Карны забилось быстрее. — Мы обсуждали это, и ты сказала, что готова...

— Да, — тихо подтвердила она.

— Не бойся, — успокоил он ее и взял за руку. — Я буду осторожен. Но должен предупредить — это займет много времени, ты устанешь.

Карна покраснела и отвела взгляд.

— Но я должен это сделать. Выбора нет.

— В смысле? — нахмурилась она и повернулась к ловцу.

Он наблюдал за ней с едва заметной улыбкой.

— Я должен посмотреть тебе в глаза и увидеть все, — пояснил он, став серьезным. — Грегора кремировали, подозрительно быстро. Я по-прежнему не знаю, чьи указы он выполнял.

— О, — Карна отпила еще вина, пряча глаза и чувствуя неуместную досаду. — Конечно. Он сказал, что знал меня еще ребенком, но я не могу его вспомнить.

— Значит, будем искать в детстве, — кивнул Рихард.

Карна решительно выдохнула, поставила бокал на столик и, повернувшись к ловцу, посмотрела в черные глаза. Она видела в них свое отражение и приготовилась к ощущению полета, но Рихард склонился и поцеловал ее в губы. Он касался ее так нежно, и его руки гладили ее шею. А после опустились ниже и коснулись груди, и Карна подалась ему навстречу.

Но Рихард отстранился и повернулся к тарелке с тортом.

— Подкрепись, — сказал он. — После я сделаю так, что ты уснешь и проснешься лишь следующим утром. Тогда будет меньше неприятных последствий.

Карна почти злобно вонзила ложечку в шоколадную глазурь и прожевала кусок, не чувствуя вкуса. Она согласилась на близость, а Рихард теперь тянет, как будто вовсе не хочет. Это злило и не давало покоя. А может, то, что даже кабан предпочел ей другую женщину, означало, что и Рихарду по вкусу другие? Ведь в словах Уго была доля правды. У нее нет опыта, и готовить она не умеет вовсе, а может и попа у нее маловата...

Она сердилась и терзалась сомнениями, но Рихард вдруг обхватил двумя пальцами ее подбородок, повернул к себе ее лицо и сказал:

— Ты прекрасна, Карна. И навка говорила правду — я влюбился в тебя. Там, в красном лесу, я понял, что твоя жизнь для меня дороже собственной.

— Ты бы так же защищал любую другую женщину, — возразила Карна, ликуя в глубине души от его слов.

— Не факт, — возразил Рихард. — И я очень, очень хочу заняться с тобой любовью, но...

— Сначала дело, — кивнула Карна, не дав ему договорить.

Доев кусок торта и запив вином, она повернулась к ловцу, но Рихард встал и потянул ее за руку, помогая подняться.

— Сделаем это в постели, — сказал он.

Они лежали, глядя друг на друга, и его дыхание согревало ее губы. От Рихарда пахло вином и шоколадом. Это было непривычно, и ей хотелось коснуться его губ своими, чтобы почувствовать вкус. Он погладил ее щеку, убрал выбившуюся прядь волос за ухо, опустил ладонь ей на шею.

— Расслабься, — попросил Рихард. — Это будет немного по-другому. Ты понимаешь, что у тебя не останется секретов от меня?

— Понимаю, — прошептала Карна. — Если честно, это меня немного пугает. Ты разочаруешься во мне, я знаю.

— Этого не произойдет, — заверил он. — Готова?

— Подожди, — выпалила она. — Поцелуй меня.

Он тут же накрыл ее губы своими, проник в ее рот языком, лаская ее напористо и жадно, и Карна едва сдержала стон, выгнулась, отозвавшись на его страсть, прижимаясь к нему сильнее. А потом встретила его взгляд и упала в черный колодец, теряя связь с реальностью.

Рихард лежал, глядя в потолок и осмысливая увиденное, а Карна тихо спала рядом. В дверь поскреблась Фифи, и Рихард поднялся и впустил собаку. Он помог ей забраться на высокую кровать и погладил плюшевую спинку. Фифи благодарно лизнула ему руку, но устроилась под боком у Карны. Собачка явно определила ее своей хозяйкой, и Рихард ее понимал. Он и сам бы охотно надел себе ошейник — или кольцо — чтобы обозначить свою принадлежность Карне, потому что она оказалась бриллиантом чистой воды. Искренняя, верная, отважная и, несмотря на некоторую наивность и спесивость, возвращенную воспитанием, способная на глубокие чувства.

Вся ее жизнь стояла перед глазами, все обиды и достижения, радости и беды, и он понимал, что если раньше был влюблен, то теперь полюбил по-настоящему. И самое удивительное — она тоже любила его. Пусть это пока лишь искорка, но если подбросить дров, то разгорится пламя.

Рихард взъерошил себе волосы, глянул на спящую женщину. Она спала так мирно и сладко, и слегка улыбалась, будто видела что-то приятное. Может, с ним ей все же будет лучше? Раз у нее тоже есть к нему чувства...

Он вскочил и подошел к окну. Уже зажглись фонари, и туман задернул улицу дымкой. Луна пошла на убыль и прикрылась тучей, будто стесняясь своей ущербности.

Глянув на Карну еще раз и убедившись, что Гектор рядом, Рихард быстро вышел из комнаты. Сбежав по лестнице, он увидел на вешалке свою куртку, чистую и целую, будто и не было драки с навкой и дыр от острых когтей. Надев ее, он понюхал рукав. Пахло травами и будто туманом.

Выйдя на улицу, он закрыл за собой дверь и пошел к реке.

Патруль уже собрался у моста, и Рихард, заметив красное пальто, ускорил шаг.

— Уго, идете на ту сторону? — спросил он.

— Да, приказано обыскать там все, — ответил оборотень, раздувая ноздри и вдыхая запахи леса. — Дохлых навок, что валялись за мостом, уже сожгли.

— Прекрасно, — одобрил Рихард.

— Я поговорил с Венкелем, — сообщил Уго.

— Быстро ты!

— Он полный идиот, — покачал головой оборотень. — Может, ты что-то повредил в его башке во время дознания? Представляешь, он сказал, дословно, что я могу забирать эту толстую корову и ее визгливых девок хоть сейчас.

— А они визгливые?

— А то! — радостно подтвердил Уго. — Громкие, шустрые. Орехи слопали в миг! И Берта так обрадовалась! Мы с ней снова... ну, это...

— Понятно, — кивнул Рихард.

— А как Карна? — нахмутив косматые брови, поинтересовался Уго. — Убивается?

— Она будет в порядке. Ну, я пойду.

— Не хочешь с нами?

— Не сегодня, — отказался Рихард и, кивнув патрульным, направился к верхней части города.

В воспоминаниях Карны, помимо так неожиданно обнаружившихся чувств к нему самому, ловец нашел то, что искал. Вернее — кого.

Грегор, молодой и поджарый, маячил за плечом важного господина, который не раз и не два навещал своего старого друга Константина Кеза и подолгу беседовал с ним за чашечкой чая или чего-нибудь покрепче. Маленькую Каролину этот господин немного пугал, и поэтому она обычно убегала в сад и однажды стала свидетельницей сцены, которой, конечно, не поняла.

Рихард видел его фотографии в газетах. И однажды, мельком, вживую, когда тот приезжал в Рывню к дочери и зятю. А может — и по другому делу.

Элберт Мескарос, новый советник Князя, получивший этот пост после трагической гибели Константина Кеза. Высокая шишка, к которой так просто не подобраться. Разве что через

непутевого зятя, Вилмоса Гроха, спутавшегося с актрисулькой.

Размышляя, Рихард сам не заметил, как добрался до ворот, за которыми виднелся кирпичный особняк. Дернув за шнурок, он услышал вдалеке звон колокольчика и раздраженно бросил оторованный шнур в кусты.

Ему открыла служанка, которой он раньше не видел — приветливая, но страшенькая. Видимо, после происшествия со жрунами Мирабелла подстраховалась и сменила всю прислугу, а заодно и подобрала себе выгодный фон. Подумав, Рихард решил поговорить именно с ней.

— Передайте Мирабелле, что я хотел бы переговорить с ней с глазу на глаз, — многозначительно сказал он служанке.

Та понятливо подмигнула и шустро скрылась в доме. Это навело мысли о том, что он не первый мужчина, добивающийся аудиенции госпожи Свон. Мирабелла появилась на крыльце через минуту, кутаясь в пальто с розовым мехом. Светлые волосы ее были уложены локонами, а духи разили за километр, из чего Рихард сделал вывод, что Грох в Рывне.

— Зачем вы пришли? Вилмос дома, — подтвердила его догадки Мирабелла, спускаясь по ступенькам.

— Я практически уверен, что вас пытался убить его тесть, — сказал Рихард.

Мирабелла нахмурилась и, взяв ловца под руку, повела в глубь сада.

— Элберт Мескарос? — произнесла она задумчиво. — Он приезжает завтра в Рывню.

— Завтра? — повторил Рихард, и в его горле пересохло.

— Едет почтить память давнего друга, умершего так некстати, а на самом деле — прижать к ногтю моего Вилмоса. А теперь, после ваших слов, я боюсь, что у него могут быть и другие планы. Мне стоит уехать? — Мирабелла нахмурилась. — Нет уж. Сейчас, когда я так близко к цели, я не отступлю!

— Он приедет сюда, в особняк?

— Нет. Они встретятся за завтраком в городе. Ох, я так боюсь, что Вилмос передумает на мне жениться. Он такой слабохарактерный! — пожаловалась она. — Когда он со мной, то твердит о любви и готовности развестись со своей выдрой, но он такой слабый! Если на него надавить, припугнуть, то, боюсь, я останусь ни с чем.

— Где он сейчас? — спросил Рихард, глянув на светящиеся окна дома, закрытые решетками.

— Пьет, — печально сказала Мирабелла. — Боится предстоящей встречи, и я его не виню. Элберт Мескарос приходил как-то на премьеру в наш театр, и я помню, как думала — хоть бы он не зашел в мою гримерку, что очень странно. Ведь он влиятелен и богат, хоть и старый и страшный, как обезьяна.

— Действительно странно, — подтвердил Рихард, но Мирабелла не уловила иронии.

— Я привыкла полагаться на интуицию, — сказала актриса. — И она говорила мне держаться от него подальше.

— Что ж вы выбрали его зятя?

— Так у него шахты!

Они вернулись к крыльцу, и Рихард заглянул в серо-голубые глаза, холодные, как грязный лед, выживая всю необходимую информацию.

Завтрак в десять в «Золотом гусе».

Он вынырнул из воспоминаний Мирабеллы, и она покачнулась, прижала руку ко лбу.

— Вы что-то сделали?

— Что? — невинно спросил он. — Вам как будто стало нехорошо. Закружилась голова?

Мирабелла недоверчиво улыбнулась, прислушиваясь к своим ощущениям, и ее кукольное личико, осветившись изнутри, стало по-настоящему красивым.

— Да, как будто, — робко ответила она. — Неужели...

Она поднялась по ступенькам, забыв о ловце.

— Мирабелла, — окликнул он ее, и женщина повернулась. — Постарайтесь задержать Вилмоса завтра.

Она слегка приподняла бровь и кивнула, не став задавать лишних вопросов.

Дома он выпустил Фифи во двор, а сам, сев на ступеньки, посмотрел на звезды и молочную дымку, растянувшуюся рекой через все чернильное небо. Млечный путь, по которому лодки со светлыми душами плывут в иной, лучший мир. Родители Карны уже там, и Эдмон, хотелось бы верить, тоже. Он был славным парнем, добрым и честным, — просмотрев воспоминания Карны, Рихард в этом уверился. И теперь он надеялся, что для Эдмона нашлось место в лодке, пусть даже он совершил убийство, защищая любимую.

Рихард невесело усмехнулся, сорвал травинку и смял ее в руках. А может, ему хотелось верить, что белая река однажды понесет его самого? За свою жизнь он натворил всякого, и последняя проверка наглядно показала, что душа его темна. А завтра утром он убьет человека. Не в первый раз.

И Карна... Каролина Кеза, которая должна была блистать на балах и приемах, а теперь спит в его постели с черепом у изголовья. Рихард потер лицо ладонями и вздохнул. Фифи подбежала и оперлась передними лапками о его ногу.

— Вот что мне с ней делать, скажи на милость? — спросил ловец.

Фифи воодушевленно засвистела, виляя хвостиком.

— Чего бы я хотел? — переспросил он. — С ней бы я хотел всего. Но это невозможно. Неправильно. И подло с моей стороны. Кто я — и кто она? Понимаешь?

Собачка тихо заскулила.

— И еще и эта проверка... — Рихард вздохнул. — Зейн не станет меня покрывать. Он принципиальный. Меня сошлют в столицу, где какой-нибудь урод вроде Элберта Мескароса, пользуясь связями и властью, захочет сделать меня своей марионеткой.

Фифи рыкнула.

— Сколько ловцов пропало бесследно, ты знаешь? Человек, умеющий проникать в чужие секреты, нужен многим.

Фифи легла у его ноги, положив ушастую голову на ступню, и печально заглянула в глаза.

— Может, все как-то образуется, — неуверенно произнес Рихард. — Если я каким-то чудом пройду проверку. У меня есть козырь — я могу посмотреть, чего Карна хочет. И сейчас она хочет меня. Но сделает ли это ее счастливой? А с другой стороны, если я от нее откажусь, с нее станется пойти в монастырь из упрямства. Или вот встретит она другого, правильного и высокородного. А потом окажется, что он говнюк.

Фифи тряхнула головой.

— И отдавать ее какому-то хлыщу с напмаженными волосами только потому, что у него фамилия красивее моей?

Собачка вскочила на ноги и твякнула. Рихард вздохнул и, взяв ее на руки, почесал за ушком.

Когда он вошел в спальню, Карна все так же спала, положив руку под щеку. Рихард лег рядом и долго смотрел на ее лицо, запоминая каждую черточку.

— Чего бы я хотел, — задумчиво произнес он, погладив ее щеку кончиками пальцев. — Я бы хотел, чтобы ты была счастлива.

Элберт Мескарос сидел за столиком ресторана «Золотой гусь» и просматривал меню с на удивление неплохим выбором блюд для такой дыры. Официант тактично ожидал, не торопя и не лезя с советами — и это тоже понравилось Элберту. Внешне все выглядело пристойно и мирно — солидный господин, зал ресторана с журчащим фонтаном, скромный и услужливый официант, но внутри Элберт кипел от гнева. Ему хотелось избить официанта папкой меню, а потом воткнуть вилку ему в шею, так чтобы кровь хлынула прямо на белую форму и отмытый до блеска пол.

Его бесило все: и золотой гусь в центре фонтана, и прыщ на лбу официанта, и вся Рывня целиком. Хоть бы ее смыло Червой.

Ткнув толстым пальцем в строчки меню, Элберт откинулся на спинку стула. Все шло не так и наперекосяк. Грегор погиб. К счастью, мелкий мужичок, которого Грегор использовал во всяких темных делишках, сообразил доложить об этом Элберту немедленно. Видимо, надеясь обрести нового покровителя. Элберт расправил на коленях накрахмаленную салфетку. Вдова тоже оказалась смысленной и согласилась кремировать дорогого мужа как можно быстрее. «Дорогого» — она подчеркнула особо, и Элберт был готов оказать ей финансовую поддержку.

На этом его везение заканчивалось.

Главный следователь полиции города Рывни оказался неприятно принципиальным и честным типом. Намеков он демонстративно не понимал, сотрудничать не хотел, а на завуалированные угрозы лишь криво усмехался. Как у такого выманить кристалл ловца? Как подделать отчеты, чтобы в столице не заметили недостачу?

А новый кристалл нужен позарез. Навкам все равно кого жрать — простолюдинов, богатеев или даже самого Великого Князя и его наследника. Главный советник смог бы удержать страну от краха после ужасной трагедии, которая должна произойти очень скоро. Если бы не эта балованная дура Марианна!

Элберт скомкал салфетку, а потом снова разгладил ее на коленях.

Это его вина. Дома он был недостаточно осторожен, и дочь сумела узнать его секреты. Хитрая, коварная и злая — вся в него, жаль, что баба. В сейфе хранилось еще несколько кристалликов с навками, и Марианна украла два. Пыталась убить любовницу мужа. И ведь у нее могло получиться, если бы она так не торопилась! Он отходил ее хлыстом, и она, давась слезами, поклялась, что в следующий раз придет к отцу, вместо того, чтобы планировать убийство за его спиной.

И все ради кого? Ради этого бесхребетного Гроха, которого до сих пор нет. Бойтся явиться перед его очи? Зря. Он не хотел давать благословение на брак, а вот на развод даст с удовольствием. Вилмос Грох был неплохой партией для Марианны, когда ее отец еще не был даже советником. Тогда Элберт согласился на их брак, хотя и видел, что зять звезд с неба не хватает.

Но когда он займет престол, то сможет пристроить Марианну куда удачнее. Характер у нее не сахар, да и внешность... Но кто не захочет стать зятем Великого Князя Элберта Мескароса первого?

Он мысленно повторил это еще несколько раз — Великий Князь Элберт Мескарос первый. Гнев, бурлящий в нем, слегка утих.

И ведь у него оставался еще один крупный осколок кристалла. Элберт возлагал на него большие, можно сказать — великокняжеские надежды, но вдруг оказалось, что тот пуст. Как будто навь, сидевшая в нем, сумела удрать, когда кристалл ловца раздробили на специальной установке, вывезенной из Академии.

Элберт вонзил вилку в появившуюся перед ним стопку пышных блинов. В ресторане кроме него не было посетителей — оно и не диво: в Рывне привыкли завтракать дома. И даже девушки-подавальщицы куда-то запропастились, хотя только что наперебой строили ему глазки, надеясь на чаевые.

Он макнул блин в малиновое варенье, потом в сметану и, отправив в рот, прожевал.

Ничего. Он все исправит. Вместо рыжего упряма назначит своего человека на должность начальника полиции Рывни. С Вилмоса требует отступных: шахту и дом по ту сторону Червы — хорошее место, тихое. Ловца лучше оставить в живых. Мало ли — вдруг снова случится оплошность с кристаллом. Неплохо бы выяснить обстоятельства смерти Грегора. Из бляения мужичка он понял лишь, что того убила навь. А вот Каролину Кеза надо убрать. В ее воспоминаниях покойный Грегор служил охранником Элберта Мескароса, и однажды она видела то, чего не должна была.

Элберт прикрыл глаза, снова переносясь в сад Константина Кеза. Белые пионы, ровные дорожки,

усыпанные песком. Яркий красный мячик выбил из руки Элберта кристалл, в котором клубилась тьма. Грегор быстро поднял его из пыли и завел руку за спину, но девочка появилась из-за пышного пиона чуть раньше.

Элберт подал ей мяч, но она вдруг развернулась и убежала, придерживая юбки, и синий бант в цвет глаз, вплетенный в косу, подпрыгивал у нее на спине.

Это был их второй кристалл. Тогда они еще экспериментировали, подбирая проводники, чтобы подселить навь. Первая удача случилась на пятом.

Элберт проглотил блин и, открыв глаза, замер. На стуле напротив появился мужчина. Черные волосы, черные глаза, чуть сбитый на сторону нос. Ухмылка кривая и неприятная, да и вся рожа явно бандитская. Кто его сюда пустил? Элберт набрал в грудь воздуха, чтобы позвать охрану, но вдруг понял, что не может издать и звука. Черные глаза стремительно втянули его, словно два смерча, а потом в голове будто что-то взорвалось, и все воспоминания растеклись и смешались, как тесто для блинов.

Рихард быстро поднялся с места и отошел к стойке, где через мгновение появился официант.

— Да, — сказал тот, — повар подтвердил, что кролика освеживали вчера.

— Вчера... — недовольно протянул Рихард.

— Мясо надо замариновать для большей сочности, — пояснил официант. — Так что, заказываете столик?

Пока Рихард листал меню, раздумывая, в ресторан с улицы вошли две девушки-подавальщицы с тряпками в руках. Официант зашипел на них, как змея:

— Марш по местам! Куда ходили? Кто вам позволил оставить работу?

— Так там это, — пробормотала остроносая девчушка, — аккурат у входа кто-то неприличное слово написал.

— И нарисовал, — басом добавила вторая, пышнотелая и высокая.

— Отмыли? — спросил официант, все еще хмурясь, и девушки синхронно кивнули.

Охранник, вошедший следом, добавил:

— Опять босяки эти нахулиганили, кто ж еще.

— Да, — сказал Рихард, привлекая к себе внимание. — Я закажу столик на вечер. Я буду с дамой.

Официант сделал пометку в журнале и благостно улыбнулся.

— Будем рады видеть вас снова, — сказал он. — Хорошего дня.

Рихард кивнул и пошел прочь, разминувшись с Вилмосом Грохом у входа. Тот был взволнован и так погружен в свои мысли и переживания, что даже не заметил ловца.

— Вас уже ожидают, — сообщил официант за спиной Рихарда, — я провожу вас.

Потом раздались встревоженные крики, кто-то звал врача — Рихард криво усмехнулся и сплюнул, шагая по тротуару. Элберту Мескаросу, человеку, планирующему убить Карну, никто уже не поможет.

Карна отрезала кусочек утиноного филе, макнула в грушевый соус и, положив в рот, прожевала. Еда была вкусной, вино — превосходным, а вот мужчина напротив — мрачным и молчаливым. Утром ловца не было дома, он явился к обеду и сразу повел ее по магазинам. На вопросы отвечал односложно и явно думал о чем-то своем, и, к сожалению, Карна не могла проникнуть в его мысли.

Он оживился лишь раз, когда она примеряла шляпки, и едва ли не силой заставил выбрать синюю вместо черной. Карна уступила. Год траура прошел, и ей на самом деле пора жить дальше. На соседнем стуле стояла новая сумочка: лаковая черная кожа, изящная застежка и объем достаточный, чтобы вместить Гектора.

Шум привлек внимание Карны, и она повернулась ко входу в ресторан, где мужчина с большой фотокамерой ругался с официантом, заслоняющим ему путь.

— Вы не смеете ограничивать свободу прессы! — возмутился репортер, потрясая камерой. — Здесь произошел инцидент, который требует освещения!

— Здесь люди отдыхают, — возразил официант, оттесняя репортера. — Ну, стало плохо человеку. Что тут такого особенного? Возраст, лишний вес, напряженная работа...

— Это не человек, а главный советник князя! Подумайте, ведь это бесплатная реклама ресторану!

— Такая реклама нам не нужна, — возразил вышедший на шум повар, и вскоре репортер, сдавшись под их напором, вышел, щелкнув однако камерой издали.

Карна помоорщилась от вспышки и повернулась к Рихарду.

— Советник князя... А я ведь знаю его! Он дружил с моим отцом и часто бывал у нас дома. И на нашей свадьбе был, но, к счастью, ушел раньше, чем все началось... Что с ним, интересно, случилось? Ему стало плохо? Может, навестить его? В Рывне есть хорошие доктора?

— Доктор ему не поможет, — ответил Рихард, разрезая пирог с крольчатинной.

— Ты знаешь, чем он заболел? — заинтересовалась Карна.

— Обширное кровоизлияние в мозг.

— Ох, — вздохнула она.

— Это я сделал, — произнес Рихард.

Карна потрясенно смотрела на ловца, а он прожевал кусок пирога и тихо пояснил:

— Элберт Мескарос устроил навью свадьбу, чтобы занять место твоего отца. Он одним махом ослабил несколько влиятельных семей. А теперь готовил покушение на самого Князя, желая стать следующим правителем.

Вилка в руках Карны звякнула о тарелку. Карна быстро спрятала руки под стол, вдохнула глубже, пытаясь успокоиться.

— Что было в моих воспоминаниях?

— В детстве ты видела, как Грегор передает ему полный кристалл ловца.

— Я не видела, — возразила она.

— Раз видел я, то видела и ты, — криво усмехнулся Рихард. — Ошибки нет. У него нутро темное, как у навки. Убийства, нанесение увечий, запугивание, взятки. В основном он совершал преступления чужими руками, что не меняет сути. Он хотел убить тебя, Карна.

Она закрыла ладонями лицо, пытаясь совладать с эмоциями.

— Спасибо, — сказала она. — Рихард, спасибо! Я не знаю, как тебя благодарить...

— Ты ничего мне не должна, — возразил он.

— Ты убил... — она понизила голос. — Ты фактически убил человека ради меня.

— Не только ради тебя, — возразил он. — На меня у него тоже были планы. Он хотел и дальше воровать кристаллы с навками, чтобы использовать их в своих целях.

Карна протянула руку через столик и накрыла его запястье. Погладила его руку, легонько сжала пальцы, царапнула ноготком внутреннюю часть ладони.

— Карна... — нерешительно произнес он. — Наверное, тебе лучше уехать.

— Что? — переспросила она, и рука ее замерла.

— Тебе больше ничего не угрожает, — пояснил Рихард, утыкаясь взглядом в тарелку с пирогом. — Ты можешь вернуться к привычной жизни. Прошло больше года, и тебе не обязательно носить траур.

— А твоя проверка, — напомнила она, еще не веря в то, что слышит.

— Будет завтра, — сказал он, подняв на нее глаза. — И после, тебя здесь ничего не будет держать. Прошу тебя об одном — не иди в монастырь.

— Сама уже не хочу, — буркнула она, убрав руку. — Так, выходит, завтра у тебя проверка? Но Рихард! Как ты сможешь ее пройти, если только недавно убил высшую навь, а сегодня — человека?

Он промолчал, жуя пирог и отводя взгляд.

— Ты ведь говорил, что не только чужие воспоминания могут помочь, — напомнила она, краснея. — Ты говорил, что если бы я... провела с тобой ночь, то это дало бы тебе уверенность, повысило самооценку...

— Карна, я не хочу, чтобы ты спала со мной в качестве благотворительности или из жалости, — возразил он. — Ты не должна расплачиваться своим телом за то, что я убил того негодяя. Это, в конце концов, моя работа — делать мир чище.

— Из жалости? — повторила она, и голос ее задрожал от обиды. — В качестве благотворительности? Да как ты смеешь такое думать?!

В зале стихали разговоры, и люди начали поворачиваться к их столику. Официант, будто заинтересовавшись золотым гусем, которого видел каждый день, задержался у фонтана.

— Как ты мог даже предположить, что я, Каролина Кеза, могу расплачиваться своим телом? — продолжала возмущаться Карна.

— Я не то хотел сказать...

— Я все прекрасно поняла, что ты хотел сказать! — она вскочила, придерживав салфетку, что прикрывала колени, схватила бокал, и Рихард зажмурился и отвернулся. Но Карна выпила вино, а салфетку швырнула на стул. — Вот что я тебе скажу, Рихард Мор! — голос ее прозвенел в полной тишине. — Сейчас мы вернемся домой и займемся любовью! Не в качестве награды и не из жалости, и не по какой-то особенной причине, а просто потому, что я этого хочу! Ты нравишься мне, я люблю тебя, ты ведь ловец душ, как можешь не видеть того, что у тебя под носом?

— Я вижу, — возразил он. — Но...

— Никаких «но»! — отрезала она.

Рихард усмехнулся, оглядев лица, повернутые к ним и замершие в ожидании его ответа.

— Хорошо, — согласился он. — Десерт будешь?

— Нет, — буркнула Карна.

Поднявшись, Рихард бросил на стол горсть монет, взял Карну за руку и быстро повел к выходу. Он помог ей одеться и вернулся за забытой сумочкой, а на улице поймал экипаж и, уверившись, что на козлах человек, а не навь, открыл перед Карной дверку.

Они начали целоваться еще в экипаже и продолжили в прихожей, уронив вешалку и едва не придавив Фифи. Прижав Карну к стене, Рихард целовал ее шею, бормоча слова, от которых становилось еще жарче. А в спальне расстегнул каждую из крохотных пуговичек ее платья и, вытянув все шпильки из ее волос, расчесал пряди пальцами. Он старался не спешить и раздевал ее так медленно, что Карна не выдержала и потянула его на себя, срывая черную рубашку, расстегивая ремень на брюках. Она гладила его сильное тело, и колкие волоски на груди щекотали ее ладони, она проследила пальцами его шрамы — свежие и старые, и целовала его в ответ.

А потом они оказались на кровати, и тяжесть его тела была такой необходимой и естественной. Он вбирал ее соски в рот, покусывал и облизывал, гладил ее живот и исцеловал всю грудь, и Карна сама развела бедра, выгнулась, чтобы поскорей ощутить его в себе, утолить то желание, что горело

в ее теле.

— Посмотри на меня, — попросил Рихард, приподнявшись на локтях и оторвавшись от ее груди.

И Карна тихо застонала, когда он проник и в ее тело, и в душу. Вскрикнув, вцепилась в его плечи, едва не задыхаясь от ощущений, затопивших ее полноводной рекой. Оббив ногами его бедра, она подхватила ритм, глядя в черные глаза, открываясь перед ним полностью, забыв о всяком смущении.

— Я люблю тебя, — бормотал Рихард, целуя ее губы и ямочку на подбородке, и снова глядя ей в глаза. — Люблю...

А она стонала и вскрикивала, ловила его губы своими и царапала крепкие плечи, а потом ощущения стали такими невыносимо острыми, что она едва не заплакала.

— Все хорошо, — пробормотал он. — Ох, Карна...

Его движения стали резче, а потом ее тело будто взорвалось звездами, а после растеклось рекой и туманом.

Рихард вошел в помещение для проверки и сел на стул. Серые стены, серый пол, ни окон, ни картин. Рыжие волосы Зейна на фоне сплошной серости казались еще ярче, чем обычно, но больше не раздражали.

— Ты готов? — спросил Зейн, и Рихард, сладко потянувшись, кивнул. — Выглядишь омерзительно счастливым.

— Так и есть, — благодушно согласился Рихард.

— Я бы спросил, что тому причиной, но это ясно и так, — неодобрительно сказал Зейн. — У тебя засос на шее.

Рихард потер шею и улыбнулся.

— Повторю: покрывать тебя, как Грегор, я не стану, — добавил следователь.

— Давай уже свой тест, — проворчал Рихард. — И выйди. Иначе мое к тебе отношение исказит результат. А я думаю, что ты амбициозный засранец, который не умеет быть благодарным.

Зейн фыркнул и, выйдя на минуту, вернулся и поставил на стол перед Рихардом небольшое овальное зеркало в серебряной раме.

— Вперед, — сказал Зейн. — Я вернусь через полчаса.

Он вынул из кармана часы и посмотрел на циферблат. Потом дверь за ним защелкнулась, а Рихард положил ладони на стол и, выдохнув, посмотрел в зеркало.

Он никогда себе особо не нравился: слишком резкие черты, нос кривоват. Никто не назвал бы его милым или приятным, но Карна за что-то его полюбила...

А она действительно любила его. Он смотрел ей в глаза и понимал, что она тоже его видит — такого, какой он есть, и это ее не пугало и не отвращало. Она хотела его, она восхищалась им и даже гордилась — и это было так необыкновенно...

А какой она была этой ночью... Ее кожа — белый шелк, ее губы — слаще ягод. Она открылась перед ним, не боясь ничего, и он чувствовал себя бедняком, которому вручили ключи от княжеской сокровищницы.

Рихард подвинулся ближе и посмотрел в глаза своему отражению.

Злость и обиды, разочарования и ложь, тьма и ярость и... тепло, нежность, счастье...

Ловец смотрел в себя и улыбался, потому что в нем была любовь.

Когда Зейн убрал зеркало, Рихард какое-то время сидел неподвижно, но потом поморгал, тряхнул головой и повернулся к следователю.

— Я думаю приставить тебя к награде за поимку Олафа Златоглазого, — задумчиво произнес Зейн, глядя на зеркало. — И увеличить жалование. Все же ты уникальный специалист.

— Орден можешь оставить себе, а денег давай, — хрипло сказал Рихард и откашлялся. — Что там? Если ты заговорил о прибавке, выходит, я прошел?

Зейн повернул к нему зеркало обратной стороной. Тонкая пластина, закрепленная серебряными нитями, сияла белым.

— Надо же... — криво усмехнулся ловец, поднимаясь со стула и разминая затекшие ноги.

— Я рад, — коротко сказал Зейн. — Пока, Харди. Передавай привет Карне.

— Обойдется она без твоего приветов, — хмыкнул Рихард и пошел прочь, чувствуя необыкновенную легкость.

Сегодня в Рывне подморозило: дыхание вырывалось изо рта паром, а брусчатка стала опасно скользкой. И с каждый шагом, приближающим его к дому, в душе Рихарда поднималась тревога. Он прошел проверку, и это прекрасно, но теперь, выходит, Карну ничего не держит? А что, если она решит, что выполнила то, что должна была? Что, если сложит вещи и фотографию Эдмона в чемодан и помашет ручкой? Да, у нее есть к нему чувства, но все же...

Он никогда еще не чувствовал себя таким уязвимым. Его ноги словно налились чугуном, и Рихард

несколько раз чуть не упал на обледеневшем тротуаре, а после едва смог подняться на крыльцо. Он постоял под знаком ловца, собираясь с духом, и открыл дверь. Карна, вскочившая с дивана ему навстречу, замерла, прижав руки к груди.

— Рихард, ты такой мрачный... Не прошел, да? — расстроилась она. — Я так и знала! Я пойду к Зейну и буду жаловаться! Нельзя заставлять человека проходить проверку так скоро после высшей навки! Это наверняка нарушает какое-нибудь правило!

Рихард вздохнул и, поджав губы, кивнул, разуваясь и расстегивая куртку. Склонившись, потрепал по ушам подбежавшую Фифи.

— Не надо куда-то ходить. Зейн согласился прикрыть меня, — соврал он.

— О, это очень благородно с его стороны, — выдохнула Карна. — Когда он назначил следующую проверку?

— Ты останешься до нее? — спросил Рихард.

— Конечно, — ответила она и посмотрела ему в глаза. — А ты что, хочешь, чтобы я уехала?

— Нет! Конечно, нет, — он повесил куртку и пробормотал: — Что я творю...

— В чем дело? — встревожилась Карна, подойдя ближе.

Рихард повернулся к ней и сказал торопливо, будто боясь передумать:

— Я соврал тебе.

— О чем? Зейн тебя не прикрыл? — не поняла она.

— Нет. Да... Зейн ни при чем! Я прошел проверку. Я на светлой стороне.

— Это же чудесно! — обрадовалась Карна, но потом, нахмурив брови, спросила: — Зачем же ты соврал?

— Я очень боюсь, что ты уйдешь, — признался Рихард и, шагнув к ней, обнял за талию и с тревогой взгляделся в синие глаза. Она доверила ему, и теперь, выходит, и он должен довериться.

Карна выглядела слегка заспанной и губы ее припухли, и ему так захотелось снова почувствовать их вкус...

— Выходи за меня, — тихо попросил Рихард, и сердце его забилось быстрее от волнения.

Она слегка улыбнулась, опустила ресницы.

— Карна...

Рихард приподнял ее подбородок и нежно поцеловал, не в силах больше терпеть. Карна ответила на поцелуй и прижалась к нему, обнимая за шею и лениво перебирая волосы у него на затылке.

— Я подумаю, — выдохнула она в перерывах между поцелуями, и Рихард увидел в ее глазах обещание и любовь.

Аббатиса Августина сидела в кресле на террасе и куталась в теплый плед, поджимая пальцы на ногах, зябнущие от раннего мороза, укрывшего пустоши седым инеем до самой реки. Трехцветная кошка спрыгнула с ее колен и пошла в дом, недовольно подергивая хвостом. Однако аббатиса осталась на террасе, близоруко вглядываясь вдаль.

От реки тянуло сыростью, и Августина, повернувшись к столику, налила себе чай. Добавила ложку сахара, подсластив чуть горьковатый привкус трав. Взглянув на реку, довольно улыбнулась и налила чай и во вторую чашку. Та, кого она ждала, уже поднималась по холму, и белый туман стелился у нее под ногами.

— Я боялась, что ты не придешь, — призналась Августина, когда Грета села во второе кресло, и подвинула ей чашку, над которой понимался пар. — Как там Каролина? Я так переживаю за нее. И все думаю, может, зря я тебя послушалась...

— Не зря, — возразила гостя, отпивая чай. — Все получилось, как нельзя лучше.

— Девочка и так настрадалась, — вздохнула Августина. — Ей наверняка там плохо...

— За это можешь не беспокоиться, — хмыкнула гостья. — Ей там очень даже хорошо.

— Может, мне написать ей? Сказать, чтобы возвращалась? Я найду ей приличный дом в окрестностях аббатства, буду присматривать...

В белых глазах Греты словно за клубился туман, и она покачала головой.

— Теперь ловец ее ни за что уже не отпустит.

Аббатиса нахмурилась и попыталась прочесть эмоции на лице собеседницы, но та была безмятежна, а белые глаза — непроницаемы, как всегда.

— И что теперь? — сердито спросила Августина, грея руки о горячую чашку. — Снова станешь страшить меня предсказаниями, что настанет навий век?

Грета отпила чай и, улыбнувшись, пожала плечами.

— Может, и не настанет, — сказала она.